

ISSN 2587-9340 (Print)
ISSN 2782-3334 (Online)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

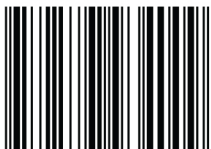
Том 10

№ 3

2026

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

ISSN 2587-9340

26039 >

9 772587 934009

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.   2026. Том 10. № 3   Выходит 4 раза в год
Сквозной номер выпуска – 39

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4. Журнал вошел в российскую часть Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка–2025» (ЕГПНИ)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Лапаева Ангелина Вячеславовна** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), главный советник отдела внутриполитического анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Демичев Алексей Андреевич – д.ю.н., к.и.н., профессор. Нижегородская академия МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса; Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Зелепукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Тамбовской области (г. Тамбов, РФ), судья

Илюхина Вера Александровна – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права; Нижегородский институт управления – филиал РАН-ХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Махина Светлана Николаевна – д.ю.н., профессор. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – д.ю.н., профессор. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Редкоус Владимир Михайлович – д.ю.н., профессор. Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ), ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

Романовская Ольга Валентиновна – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского права и процесса

Романовский Георгий Борисович – д.ю.н., профессор. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) (г. Москва, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Туманова Анастасия Сергеевна – д.и.н., д.ю.н., профессор. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, ведущий научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ), профессор факультета гуманитарных наук

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., профессор. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. 184 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: apgospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: 8(4752)72-34-34 (доб. 3112). **Электронная почта:** apgospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <https://apgp.elpub.ru>, <https://journals.rcsi.science/2587-9340/>

Подписано в печать 07.09.2026. Дата выхода в свет 09.10.2026

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 21,39. Тираж 1000 экз. Заказ 26164. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Оформление, оригинал-макет, редактирование. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2026

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017 **2026, vol. 10, no. 3**
Continuous issue number – 39

Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4.
The journal has been included in the Russian part of the Unified State Register of Scientific Publications – the “White List–2025”

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: **Angelina V. Lapaeva** – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Maryna V. Andryashka – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Chief Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Sergey F. Afanasev – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure, Advocacy and Notary Department

Elena V. Blinkova – Dr. Sci. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Alexander F. Voronov – Dr. Sci. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Aleksei A. Demichev – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Professor of Civil Law and Procedure Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Head Researcher of the Science Center

Roman V. Zelepukin – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation), Judge

Vera A. Ilyukhina – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department; Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPa (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Leading Researcher, Research Center

Vladimir P. Kamyshanskiy – Dr. Sci. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Tauzhan M. Klimenko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Aleksander V. Kochetkov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Igor B. Lagutin – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Natalya A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department

Svetlana N. Makhina – Dr. Sci. (Law), Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Head of the Chair of Theory and History of State and Law Department

Igor V. Ovsyannikov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Roman B. Osokin – Dr. Sci. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Kirill K. Panko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

---

Dmitrii A. Pashentsev – Dr. Sci. (Law), Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head of the Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department

Nikolay I. Polishchuk – Dr. Sci. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Vladimir M. Redkous – Dr. Sci. (Law), Professor. The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Sector for Administrative Law and Administrative Process

Olga V. Romanovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Law and Procedure Department

Georgii B. Romanovskii – Dr. Sci. (Law), Professor. Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation), Professor of the Criminal Law and Procedure Department

Svetlana V. Rybakova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Vasilii V. Trofimov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Anastasia S. Tumanova – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Leading Researcher; Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Professor of Humanitarian Sciences Faculty

Vera A. Chunyaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Andrew V. Yudin – Dr. Sci. (Law), Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

---

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2026, vol. 10, no. 3, 184 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editor *N.A. Mikhailova*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web-site: <https://apgp.elpub.ru>, <https://journals.rcsi.science/2587-9340/>

Signed for printing 07.09.2026. Release date 09.10.2026

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 23,0. Conv. pr. sheet 21.39. Copies printed 1000. Order no. 26164. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г. 2026. Том 10. № 3 Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Пашенцев Д.А.</i> Правовое регулирование демографической политики в России: ретроспективный взгляд	317
<i>Максимова И.М.</i> Понятие и особенности института самозащиты прав человека	326
<i>Киселев А.С.</i> Философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего, основанных на искусственном интеллекте	332
<i>Панькина Н.А.</i> Матрилинейное клановое общество в Древнем Китае: теоретико-правовой анализ	343

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

<i>Романовский Г.Б., Фролов А.А.</i> Машиночитаемое право, как новая форма права и правоприменения	351
<i>Ковалева Н.В.</i> Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса: природа, ограничения и контроль	362
<i>Волгина Д.А., Логинов А.В.</i> Проблемы правовой регламентации исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота	372
<i>Андрианова М.В.</i> Использование искусственного интеллекта в целях повышения эффективности правосудия по гражданским делам: возможности и пределы	381
<i>Хоршева Ю.О.</i> Принцип справедливости сквозь призму решений высших судов Российской Федерации	388
<i>Балашов К.Г., Кравченко Н.В.</i> Плагиат в научных исследованиях и правовой статус результатов интеллектуальной деятельности: проблемы и перспективы	396
<i>Андрияшко М.В.</i> Эволюция правового режима космической деятельности: от универсальных международных норм и суверенных актов к формированию самостоятельной отрасли национального белорусского космического права	407
<i>Терентьев Р.В.</i> Принципы правового регулирования административной ответственности: опыт Республики Беларусь	417
<i>Сварчевский К.Г.</i> Эволютивное толкование обычных норм международного права в практике международных судов	426
<i>Ягофарова И.Д.</i> Цифровая трансформация государства как фактор формирования гибридных угроз общественной безопасности	441
<i>Шахов Д.В.</i> Роль цифровых платформ в контроле за уплатой налогов физических и юридических лиц в Российской Федерации: проблемы правового регулирования	450

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

- Желудков М.А., Ююкина М.В.* Воспитательный потенциал религии в профилактике корыстного преступного поведения иностранных студентов в России 459
- Овсянников И.В.* Служебная нагрузка на сотрудников правоохранительных органов: пути ограничения 471
- Потапов С.А.* Соотношение оперативно-розыскной и следственной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве 479
-

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2026, vol. 10, no. 3

Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Pashentsev D.A.</i> Legal regulation of demographic policy in Russia: a retrospective overview	317
<i>Maksimova I.M.</i> The concept and characteristics of the institution of self-defense of human rights	326
<i>Kiselev A.S.</i> Philosophical and legal justification for the necessity of preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future based on artificial intelligence	332
<i>Pankina N.A.</i> Matrilineal clan societies in Ancient China: a theoretical and legal analysis of archaeological, genetic and linguistic sources	343

ISSUES OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

<i>Romanovsky G.B., Frolov A.A.</i> Machine-readable law as a new form of law and law enforcement	351
<i>Kovaleva N.V.</i> Conflict of interest in anti-corruption compliance: nature, restrictions, and control	362
<i>Volgina D.A., Loginov A.V.</i> Problems of legal regulation of executive immunity in relation to the sole residence of a bankrupt debtor	372
<i>Andrianova M.V.</i> Using artificial intelligence to improve the effectiveness of civil justice: opportunities and limits	381
<i>Khorsheva Yu.O.</i> The principle of justice through the lens of decisions made by the highest courts of the Russian Federation	388
<i>Balashov K.G., Kravchenko N.V.</i> Plagiarism in scientific research and the legal status of outcomes of intellectual pursuits: challenges and prospects	396
<i>Andryashka M.V.</i> Evolution of the legal regime of space activities: from universal international norms and sovereign acts to the formation of an independent branch of the national Belarusian space law	407
<i>Terentev R.V.</i> Principles of legal regulation of administrative responsibility: the experience of the Republic of Belarus	417
<i>Svarchevsky K.G.</i> Evolutionary interpretation of customary rules of international law in the practice of international courts	426
<i>Yagofarova I.D.</i> Digital transformation of the state as a factor in the formation of hybrid threats to public security	441
<i>Shakhov D.V.</i> The role of digital platforms in monitoring the payment of taxes by individuals and legal entities in the Russian Federation: problems of legal regulation	450

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Zheludkov M.A., Yuyukina M.V.</i> Educational potential of religion in the prevention of lucrative criminal behavior of foreign students in Russia	459
<i>Ovsyannikov I.V.</i> The workload on law enforcement officers: ways to limit it	471
<i>Potapov S.A.</i> The ratio of operational investigative and investigative activities in pre-trial criminal proceedings	479

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-317-325>

EDN CAXESV

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовое регулирование демографической политики в России: ретроспективный взгляд

Дмитрий Алексеевич Пашенцев

ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации»

117218, Российская Федерация, г. Москва, Большая Черемушkinsкая ул., 34

 dp-70@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью использовать историко-правовой опыт при решении современных демографических проблем России. Цель исследования – раскрыть особенности правового регулирования демографической политики в России на разных исторических этапах. Для достижения этой цели произведен анализ современных историко-правовых работ по истории демографической политики, а также нормативных правовых актов Российской империи и Советского Союза. Выделены и исследованы два основных этапа в развитии российской демографической политики: дореволюционный и советский. Подчеркнуто, что в Российской империи не стояло задачи стимулировать рождаемость в силу постоянного естественного прироста населения. При этом была актуальной задача снижения детской смертности, которую пытались решить с помощью развития системы медицинской помощи. Показано, что для советского периода была характерна активная, стимулирующая демографическая политика, которая на разных этапах проводилась различными средствами: запретами, льготами, иными стимулирующими методами. На основе исследованного историко-правового опыта сделан вывод, что стимулирование при отмене запретов не давало ощутимых результатов в сфере демографии.

Ключевые слова

демографическая политика, стимулирование рождаемости, смертность, учет населения, миграционная политика, брачно-семейное законодательство, запретительные меры

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Д.А. Пашенцев – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование, приведение к требованиям журнала.

Конфликт интересов

Пашенцев Д.А. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Пашенцев Д.А. Правовое регулирование демографической политики в России: ретроспективный взгляд // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 317-325. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-317-325>, <https://elibrary.ru/caxesv>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-317-325>

EDN CAXESV

OECD 5.05; ASJC 3308

Legal regulation of demographic policy in Russia: a retrospective overview

Dmitry A. Pashentsev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation

 dp-70@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the necessity of using historical and legal experience in addressing contemporary demographic issues in Russia. The aim of the research is to reveal the features of legal regulation of demographic policy in Russia at different historical stages. To achieve this goal, an analysis of contemporary historical and legal works on the history of demographic policy, as well as normative legal acts of the Russian Empire and the Soviet Union, has been conducted. Two main stages in the development of Russian demographic policy have been identified and studied: the pre-revolutionary and Soviet periods. It is emphasized that in the Russian Empire, there was no task to stimulate birth rates due to the constant natural population growth. At the same time, the pressing task was to reduce child mortality. This problem was attempted to be solved through the development of the healthcare system. It has been shown that during the Soviet period, an active, stimulating demographic policy was a distinctive feature, which at different stages was implemented through various means: prohibitions, benefits, and other stimulating methods. Based on the studied historical and legal experience, it is concluded that stimulation following the lifting of prohibitions did not yield significant results in the field of demography.

Keywords

demographic policy, birth rate stimulation, mortality, population registration, migration policy, marriage and family legislation, restrictive measures

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

D.A. Pashentsev – research concept development, regulatory documents research and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, revision, editing in accordance with the journal requirements.

Conflict of interests

Dmitry A. Pashentsev is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Pashentsev, D.A. (2026). Legal regulation of demographic policy in Russia: a retrospective overview. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 317-325. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-317-325>, <https://elibrary.ru/caxesv>

Введение

В условиях современных глобальных трансформаций Россия оказалась перед лицом самого мощного за всю ее новейшую историю демографического вызова, обусловленного катастрофическим снижением рождаемости и депопуляцией населения. Экономика столкнулась с нехваткой трудовых ресурсов, но трудовая миграция порождает проблемы в сфере безопасности и правопорядка. Принимаемые правительством меры не приводят к желаемым результатам, рождаемость не обеспечивает даже простого воспроизводства населения. Необходима более эффективная демографическая политика, способная переломить неблагоприятную ситуацию, обеспечить устойчивый рост коренного населения. В такой ситуации большую роль играют нормы права, с помощью которых можно ввести и реализовать необходимые меры. В связи с этим необходимо исследовать и обобщать опыт, накопленный в области правового регулирования демографических процессов извлекать такие уроки из историко-правового прошлого, которые сохраняют свою актуальность в современных условиях. Совершенствование действующего законодательства, ориентированного на стимулирование рождаемости, снижение смертности, предполагает не только нахождение оптимального баланса стимулирующих и запретительных мер, но и учет имеющихся данных о степени эффективности их воздействия на общественные отношения в прошедшие исторические периоды.

Методы исследования

Методологию исследования составляет теоретический анализ доктринальных источников в части уточнения позиций ученых об историческом развитии демографической политики и ее правового регулирования, а также формально-юридический метод, с помощью которого исследовались нормативные правовые акты, регулировавшие отношения, связанные с демографией. Диалектический метод позволил раскрыть противоречивость демографической политики, показать сочетание запретительных и стимулирующих демографических мер. Конструктивизм позволил рассмотреть демографическую политику как постоянно обновляемый конструкт и оценить роль права в его создании.

Обсуждение. Результаты исследования

Демографическую политику России в исторической ретроспективе целесообразно рассматривать через призму традиционно выделяемых двух основных этапов: дореволюционного и советского. На каждом из этих этапов в демографической сфере стояли разные задачи и для их решения использовались различные методы.

В дореволюционный период сложно говорить о полноценной демографической политике. Ситуация с рождаемостью в Российской империи внешне выглядела вполне благополучно, так как высокий уровень рождаемости обеспечивал устойчивый рост населения. Однако он сопровождался высокой смертностью, в том числе среди детей и женщин, что оказывало сильное влияние на итоговые показатели прироста населения. Эти показатели были не сопоставимы с уровнем рождаемости. По некоторым данным, ожидаемая продолжительность жизни в XIX веке составляла в Российской империи для женщин 28,1 года, для мужчин – 26,1 года [1, с. 11]. Это крайне низкая цифра, обусловленная именно высокой долей смертности. Так, за период 1901–1908 гг. умерло в среднем младенцев до года на 100 новорожденных: в России – 27,2 %, Германии – 19 %, Финляндии – 12 %, Норвегии – 6,7 %, Англии – 12,1 % [2, с. 404]. В свою очередь, одной из причин высокого уровня смертности, в том числе детской, являлось отсутствие доступной и качественной медицинской помощи, особенно в сельской местности, где и проживало большинство населения страны. Таким образом, в период империи задача стимулирования рождаемости просто не могла быть поставлена. Демографическая политика в данный период подразумевала снижение смертности, прежде всего за счет развития системы медицинской помощи, а также регулирование миграционных процессов, которые до 1861 г. сдерживались существованием крепостного права.

По поводу мер, связанных со снижением смертности, отметим, что система врачебной помощи, в том числе при родах, стала формироваться в начале XIX века в рамках общественной и частной благотворительности.

Благотворительные общества открывали бесплатные лечебницы для малоимущих, содержали койки в больницах. Но благотворительность была развита очень неравномерно, большинство структур, связанных с оказанием такой помощи, находилось в городах, в то время как сельские жители были лишены квалифицированной медицинской помощи.

Более систематизированный характер развитие медицинской помощи населению приобрело только после земской реформы 1864 г., с развитием земской медицины. По мнению исследователей, «Благодаря земским учреждениям сельское население Российской империи, полностью лишенное медицинской помощи, получило возможность лечиться в хорошо оборудованных земских больницах с квалифицированным медицинским персоналом, обращаться в фельдшерские и акушерские пункты» [3, с. 150-151]. В то же время неверным было бы полагать, что с развитием земской медицины ситуация с медицинской помощью на селе изменилась кардинально. Даже в начале XX века в Российской империи медицинская помощь населению была представлена лишь отдельными формами, которые не составляли единой всеохватывающей системы: городская, земская, военная, морская, тюремная медицина [4, с. 69].

В целом, демографическая политика в Российской империи не была систематической, комплексной, скорее, можно говорить о ее элементах, при этом задача их синтезировать государством не ставилась. Учет населения осуществлялся, главным образом, в фискальных целях, миграция регулировалась в геополитическом аспекте. Забота о здоровье населения стала проявляться достаточно поздно и рассматривалась как государственная задача второго уровня. В то же время, по мнению исследователей, начало XX века отмечено определенным сдвигом в демографической политике: «В начале XX века государственная политика в России в сфере народонаселения была направлена на борьбу с детской смертностью, охрану труда беременных женщин, несовершеннолетних детей, заботу о беременных женщинах, охрану материнства и детства. В данный период обширная группа работ дореволюционных авторов, среди которых врачи различ-

ных специальностей, юристы, историки, общественные и государственные деятели, стали исследовать причины возрастающей детской смертности в России и искать способы борьбы с этим явлением» [5, с. 280].

В советский период ситуация в сфере демографической политики существенно изменилась. На этом этапе можно говорить не только об отдельных мерах, но и о системном подходе к решению демографических проблем с помощью правовых средств. Демографическая политика стала более активной и целенаправленной, некоторые ее меры определялись господствующей идеологией. Кроме того, в силу новой структуры собственности, проведенной индустриализации и коллективизации, у государства появились большие, чем ранее, возможности использовать экономические рычаги влияния на демографическую ситуацию. При этом можно отметить, что принимавшиеся меры, выраженные в правовых нормах, порой были весьма противоречивы, сочетая ультралиберальное и жестко-консервативное регулирование.

При исследовании демографической политики советского времени представляется возможным выделить три основных этапа, которые отличались спецификой правового регулирования сферы демографии.

Первый этап включает время с 1917 по начало 1930-х гг. Он связан с коренным изменением отношения государственной власти к семье, правам женщин и детей, к регулированию брачно-семейных отношений. Если до революции вопросами брака и семьи занималась церковь, и церковные каноны имели явный приоритет, то после Октябрьской революции церковь была отделена от государства, а брачно-семейные отношения стали регулироваться на основе первого советского кодекса – Кодекса законов о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Максимальное упрощение всех аспектов, связанных как с заключением брака, так и с его расторжением, не могло способствовать укреплению семьи и росту рождаемости. Демографическая ситуация усугублялась огромными потерями, вызванными гражданской войной и голодом, в последующем – коллективизацией. Урбанизация, ускорив-

шаяся во время индустриализации, также сыграла свою негативную роль, так как рождаемость в городах почти всегда ниже, чем в сельской местности. Как отмечают исследователи, «коэффициент рождаемости в России в 1920–1930-х гг. снизился на 36 %» [6, с. 21]. Сыграла свою негативную роль и легализация аборт в 1920 г. Эта мера была принята впервые в мире, так как на тот момент аборт практически во всех странах рассматривался как преступное деяние.

В целом, первый этап советской демографической политики, связанный с серьезной либерализацией брачно-семейного и смежного с ним законодательства в сочетании с неблагоприятными экономическими и политическими факторами, негативно сказался на демографической ситуации в стране.

В условиях мобилизационной экономики 1930-х гг., когда страна стала испытывать существенную нехватку рабочих рук, а также призывной молодежи, остро встал вопрос о корректировке демографической политики. В итоге можно говорить о начале ее нового этапа. Государство взяло курс на укрепление семьи как «ячейки общества». В 1936 г. был установлен строгий запрет абортов, кроме случаев, связанных с медицинскими показаниями¹.

Законодатель применил комплексный подход к корректировке демографической политики, не ограничившись одними только запретительными мерами. Одновременно этим постановлением вводилась выплата пособий в период беременности и после родов, повышалась ответственность за невыплату алиментов – вплоть до тюремного заключения. Предусматривалось расширение сети детских садов, обеспечение родильных домов необходимым оборудованием и персоналом. В то же время усложнялась процедура развода, которая ранее была максимально упрощенной, правда, такое усложнение не

достигло ситуации, существовавшей в Российской империи, то есть не означало фактического запрета.

Таким образом, принимаемые меры имели комплексный характер, они были направлены на стимулирование рождаемости с помощью новых гарантий и запретов. Демографическая политика получила стимулирующую направленность. Основу этой политики составляли меры по повышению рождаемости, защиты семьи, материнства и детства. Выполнение репродуктивной функции фактически стало рассматриваться как обязанность, а не право женщины, ее долг перед государством.

В период Великой Отечественной войны демографическая ситуация приобрела характер катастрофы. Страна потеряла 27 миллионов человек, огромная мужская смертность обусловила демографическую яму, последствия которой сказываются и в современных условиях. В годы войны прирост населения стал отрицательным [7]. В первые послевоенные годы ситуация с рождаемостью усугубилась сильным голодом. Все это инициировало активизацию государственной демографической политики. Одной из мер, введенных уже в 1941 г., стал налог на бездетность. Стоит отметить, что в момент введения он рассматривался не столько как демографическая мера, сколько как мера фискальная. В период войны для наполнения бюджета был установлен ряд новых налогов, в том числе на роскошь, парфюмерию и т. д., и налог на бездетность тоже попал в данный перечень фискальных мер. В результате в 1944 г. государственный бюджет стал профицитным. Но после войны длительное сохранение налога на бездетность может закономерно рассматриваться именно как мера, осуществляемая в рамках демографической политики. Средства, поступавшие от данного налога, могли быть направлены на увеличение социальной поддержки матерей-одиночек, многодетных матерей и беременных женщин.

В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены новые меры государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким мате-

---

¹ О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах: Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 // Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

рям². В.А. Мун характеризует данный нормативный акт следующим образом: «С целью поощрения многодетности предусматривалась выплата ежемесячного пособия, при назначении которого учитывались дети, погибшие или без вести пропавшие на фронтах Отечественной войны. Одиноким матерям выплачивалось дополнительное государственное пособие, которое сохранялось за ней даже в случае дальнейшего вступления в брак» [8, с. 156]. Особо стоит отметить введение специальных государственных наград: «Медали Материнства», ордена «Материнская слава», звания «Мать-героиня». Эти меры имели не материальный, а морально-поощрительный характер, были направлены на формирование в обществе позитивного отношения к многодетности.

Еще одним важным направлением демографической политики государства в послевоенный период стали усилия по сокращению детской смертности, которая существенно выросла в период войны и послевоенные годы. Во время войны сохранению детских жизней способствовали меры по эвакуации детей в безопасные районы страны. После войны важное значение имело развитие акушерской и педиатрической помощи, расширение сети родильных домов и фельдшерских пунктов, меры по борьбе с эпидемиями и специфическими детскими заболеваниями и т. д. Вместе с тем государство в условиях нехватки рабочих рук для восстановления разрушенного войной хозяйства не могло пойти на освобождение женщин от труда на производстве и в сельском хозяйстве. В этом проявилось противоречие, снижавшее эффективность демографических мер.

По мнению О.Ю. Ереминой, принятые в рамках демографической политики стимулирующие и запретительные меры были достаточно эффективны, они обеспечили высокие темпы роста населения, причем

сыграло свою роль понимание материнства как обязанности, а не права женщины [9]. В то же время в условиях роста цен оказываемая женщинам-матерям финансовая поддержка в большинстве не может рассматриваться как существенная, меры поддержки не могли решить всех материальных проблем многодетных семей и матерей-одиночек: «ежемесячные пособия и единовременные выплаты, выдаваемые государством при рождении очередного ребенка, не могли обеспечить многодетной семье необходимый прожиточный минимум на месяц» [9, с. 136].

В целом, период 1930–1955-х гг. связан с ярко выраженной стимулирующей демографической политикой государства, в рамках которой такое стимулирование достигалось за счет сочетания запретительных и поощрительных мер. К числу запретительных может быть отнесен, например, запрет абортов, а к числу стимулирующих – введение почетных званий для многодетных женщин. Эти меры принесли свои результаты, они способствовали численному росту населения страны, что представляется особенно важным в послевоенный период, после колоссальных потерь, понесенных народом в результате гитлеровской агрессии.

Третий период развития советской демографической политики начинается в 1955 г. После смерти И.В. Сталина государство пошло на определенное смягчение правовых норм, регулировавших деторождение. Это ознаменовалось принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов»³. Во многом принятие данного указа объяснялось заботой о здоровье женщин, оно было направлено на сокращение подпольных абортов, которые не были искоренены запретительными мерами и нередко влекли негативные последствия. При этом разрешение абортов не соответствовало общей линии демографической политики государства по стимулированию рождаемости. Однако в ситуации общей либерализации режима переход от запретов к более мягкому стимулированию был логичным и обоснованным.

² Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

³ Об отмене запрещения абортов: Указ Президиума ВС СССР от 23.11.1955 // Ведомости ВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

Данный этап в развитии демографической политики характеризуется отказом от запретительных мер. Акцент был сделан на «выработке социальных программ, стимулирующих рождение большего количества детей в семье» [9, с. 128]. В этот же период было начато массовое строительство жилья – так называемых «хрущевок», что позволило многим семьям переехать из коммуналок, получить собственные отдельные квартиры, которые, правда, не отличались большими размерами. Отдельное жилье также можно рассматривать в качестве стимулирующей рождаемости меры.

Также стоит отметить, что в 1959 г. городское население России превысило сельское, что можно рассматривать в качестве неблагоприятного демографического фактора в силу традиционно более высокого уровня рождаемости в сельской местности. При этом прирост доли городского населения произошел не в силу рождаемости, а из-за процесса урбанизации, то есть миграции сельского населения в города, в том числе для работы на заводах и фабриках, и преобразования сельских населенных пунктов в городские. «Таким образом, около 3/4 общего прироста городского населения произошло за счет сельского» [10, с. 6]. Следовательно, речь идет о перераспределении населения, имевшем структурный характер и вызванных перестройкой экономики.

В 1960-е гг. наметилась негативная динамика численности населения СССР. При этом отмечался рост средней продолжительности жизни, что было связано с улучшением условий жизни, с развитием медицины как в количественном, так и в качественном отношениях, включая доступность санаторно-курортного лечения.

В 1970-е гг. усилилась тенденция неравномерного роста населения СССР, происшедшего за счет населения южных регионов страны. В этот период общий рост населения СССР обеспечивался за счет среднеазиатских республик, Кавказа и Закавказья. Демографическая ситуация стала влиять, таким образом, на экономическое развитие страны. Это требовало повышения эффективности проводимой демографической политики стимулирования рождаемости.

В 1981 г. увидело свет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»⁴, которое установило дополнительные меры, направленные на оказание помощи семьям и детям, охрану материнства и младенчества, что можно рассматривать в контексте стимулирующей демографической политики. Этот акт вводил комплекс мер, связанных с улучшением положения женщин-матерей. Такие меры были призваны улучшить условия для рождения детей работающими женщинами, то есть стали еще одним шагом в развитии стимулирующей демографической политики. Эти меры позволяют охарактеризовать данную политику как социальный патернализм, поскольку прослеживалось выраженное стремление достигать результаты в демографической сфере исключительно за счет улучшения социального положения женщин.

К сожалению, намеченные и реализованные меры, хотя и сыграли некоторую позитивную роль, не дали длительного устойчивого роста рождаемости, особенно в Центральной России и на Севере страны. Небольшой рост рождаемости в середине 1980-х гг. вызван совокупностью трех факторов: стимулирующие меры демографической политики государства; вступление в фертильный возраст более многочисленного поколения, родившегося на рубеже 1960-го г.; первоначальный и не оправдававшийся энтузиазм от политики «перестройки». Но переломить ситуацию не удалось, спад рождаемости наступил очень быстро.

Заключение

В период империи уровень демографической политики соответствовал этапу общественного развития тем объективным тенденциям, которые прослеживались в обществе, и тем возможностям, которые на тот момент были у государства. Потребностей в стимулирующей демографической политике не возникало, а насущная задача увеличения продолжительности жизни, в том числе за счет снижения детской смертности, реша-

⁴ О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 235 от 22.01.1981 // СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75.

лась не очень эффективно, что в итоге влияло на общую демографическую ситуацию. Для советского периода характерна активная, стимулирующая демографическая политика, которая на разных этапах проводилась различными средствами, что прослеживается в содержании принимавшихся нормативных правовых актов. Стимулирование с помощью запретов сменилось стимулированием с помощью льгот. Но исторический опыт показывает, что отказ от запретительных мер привел к существенному снижению рождаемости. Безусловно, демографическая

политика не сводится только к повышению рождаемости, имелись успехи в увеличении продолжительности жизни, снижении детской смертности и т. д. Однако вопрос о рождаемости и как минимум воспроизводстве, а лучше росте населения, оставался все эти годы главным. Его решить не удалось, и в этом вопросе проводимые меры демографической политики оказались недостаточно эффективны. Это следует учитывать при разработке законодательных мер, направленных на преодоление остро негативной современной ситуации в демографической сфере.

Список источников

1. Андреев Е.М. Смертность и рождаемость в XIX веке на территории Европейской части Российской империи в границах Российской Федерации 1926 года // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 1. С. 4-19. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i1.20929>, <https://elibrary.ru/sljzhk>
2. Мун В.А. Государственно-правовые меры поддержки трудящихся женщин с детьми в России в начале XX века // Формирование и реализация стратегии устойчивого экономического развития Российской Федерации: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2023. С. 403-407. <https://elibrary.ru/wnxpma>
3. Метишин И.Р. Роль земской реформы 1864 года в обеспечении государственного единства Российской империи (к 160-летию земской реформы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 4. С. 145-152. <https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-4-145-152>, <https://elibrary.ru/pnxyjl>
4. Бурилина М.А., Пашенцев Д.А. Правовые основы обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности в Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2025. № 3. С. 63-70. <https://doi.org/10.24412/2309-152-2025-3-63-70>, <https://elibrary.ru/gdpkp>
5. Мун В.А. Историко-правовые аспекты демографической политики России в начале XX в. // Экология и безопасность жизнедеятельности: сб. ст. XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-т, 2023. С. 278-283. <https://elibrary.ru/pvcxqc>
6. Мун В.А., Урываев А.В. Государственно-правовое регулирование демографической политики в СССР в 1920–1930-е годы // Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 4. С. 18-26. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.2>, <https://elibrary.ru/nyjxed>
7. Жиромская В.Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института российской истории. 2010. № 9. С. 285-310. <https://elibrary.ru/rwgunl>
8. Мун В.А. Государственно-правовое регулирование демографических процессов в Советском государстве в 1940-х гг. // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицына): сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Моск. ун-т Мин-ва внутр. дел Рос. Фед. им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 155-158. <https://elibrary.ru/bkztom>
9. Еремينا О.Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 125-138. https://doi.org/10.12737/art_2018_5_12, <https://elibrary.ru/xnaest>
10. Хорев Б.С. Основные сдвиги в расселении населения в СССР и некоторые актуальные проблемы миграционной политики // Народонаселение. Прикладная демография. Москва: Статистика, 1973. С. 5-24.

References

1. Andreev E.M. (2024). Mortality and fertility in the 19th century on the territory of the European part of the Russian Empire within the borders of the Russian Federation in 1926. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*, vol. 11, no. 1, pp. 4-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i1.20929>, <https://elibrary.ru/sljzhk>
2. Mun V.A. (2023). State-legal measures to support working women with children in Russia at the beginning of the twentieth century. *Sbornik statey XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Formirovanie i realizatsiya strategii ustoychivogo ehkonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii"* = *Collection of Articles of the 13th International Scientific and Practical Conference "Formation and Implementa-*

- tion of the Strategy for Sustainable Economic Development of the Russian Federation". Penza, Penza State Agrarian University Publ., pp. 403-407. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wnxpma>
3. Metshin I.R. (2023). The role of the 1864 zemstvo reform in ensuring the state unity of the Russian Empire (on the 160th anniversary of the zemstvo reform). *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 4, pp. 145-152. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-4-145-152>, <https://elibrary.ru/pnxyjl>
  4. Buriлина M.A., Pashentsev D.A. (2025). Legal foundations of ensuring sanitary and epidemiological safety in the Russian Empire. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 3, pp. 63-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2309-152-2025-3-63-70>, <https://elibrary.ru/gdpgkv>
  5. Mun V.A. (2023). Historical and legal aspects of Russia's demographic policy in the beginning of the XX century. *Sbornik statey XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti" = Collection of Articles from the 23rd International Scientific and Practical Conference "Ecology and Life Safety"*. Penza, Penza State Agrarian University Publ., pp. 278-283. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvcxqc>
  6. Mun V.A., Uryvaev A.V. (2024). The state legal regulation of demographic policy in the USSR in the 1920s and 1930s. *Pravovaya paradigm = Legal Concept*, vol. 23, no. 4, pp. 18-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.2>, <https://elibrary.ru/nyjxed>
  7. Zhiromskaya V.B. (2010). Problems of demographic development in Russia in the 20th century. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii = Proceedings of the Institute of Russian History*, no. 9, pp. 285-310. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwgunl>
  8. Mun V.A. (2023). State-Legal Regulation of Demographic Processes in the Soviet State in the 1940s. *Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Istoricheskie transformatsii pravosoznaniya v prostranstve razlichnykh traditsiy prava (pamyati professora V.M. Kuritsyna)" = Collection of Scientific Works of the International Scientific and Practical Conference "Historical Transformations of Legal Consciousness in the Space of Various Legal Traditions (In Memory of Professor V.M. Kuritsyn)"*. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot Publ., pp. 155-158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bkztom>
  9. Eremina O.Yu. (2018). Legal regulation of maternity capital: practice and development prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 5, pp. 125-138. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/art_2018_5_12, <https://elibrary.ru/xnaest>
  10. Khorev B.S. (1973). Main shifts in population settlement in the USSR and some current issues in migration policy. *Narodonaselenie. Prikladnaya demografiya = Population. Applied Demography*. Moscow, Statistika Publ., pp. 5-24. (In Russ.)

Информация об авторе

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: [8568-5861](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), PIIHЦ AuthorID: [405558](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), Scopus Author ID: [56497957000](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), <https://orcid.org/0000-0002-6789-9175>, dp-70@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Pashentsev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [8568-5861](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), RSCI AuthorID: [405558](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), Scopus Author ID: [56497957000](https://orcid.org/0000-0002-6789-9175), <https://orcid.org/0000-0002-6789-9175>, dp-70@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 06.07.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-326-331>

EDN BUUVBSN

Шифр научной специальности 5.1.1

Понятие и особенности института самозащиты прав человека

Ирина Михайловна Максимова

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 irma_tmb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с самозащитой человеком своих прав. Определено, что самозащита представляет собой неотъемлемое естественное право каждого человека, выступающее первой линией защиты до вмешательства юрисдикционных инстанций. Подчеркнуто, что самозащита является самостоятельным правовым институтом, который носит межотраслевой характер и позволяет правовому механизму самозащиты адаптироваться под специфику конкретных отраслевых правоотношений. Отмечено, что юридическая конструкция самозащиты прав человека опирается на закрепленный законом механизм самостоятельного пресечения нарушения и защиты прав без обращения в государственные органы. Исследован вопрос о фундаментальных подходах к пониманию природы самозащиты прав человека. Акцентируется внимание на таких фундаментальных подходах, как естественно-правовой, позитивистский, либертарно-юридический, социологический, международно-правовой. Сделан вывод о том, что институт самозащиты является комплексным межотраслевым средством защиты прав человека, действия которого возможны независимо от органов государственной власти, что и является не только определяющим фактором, но и его основной отличительной чертой.

Ключевые слова

государство, общество, права человека, самозащита прав человека

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.М. Максимова – концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ нормативных документов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Максимова И.М. Понятие и особенности института самозащиты прав человека // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 326-331. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-326-331>, <https://elibrary.ru/buvbsn>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-326-331>

EDN BUVBNS

OECD 5.05; ASJC 3308

The concept and characteristics of the institution of self-defense of human rights

Irina M. Maksimova

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 irma_tmb@mail.ru

Abstract

The study is devoted to topical issues related to a person's self-defense of their rights. It is determined that self-defense is an inalienable natural right of every human being, acting as the first line of defense before the intervention of jurisdictional authorities. It is emphasized that self-defense is an independent legal institution, which has an interdisciplinary character and allows the legal mechanism of self-defense to adapt to the specifics of specific sectoral legal relations. It is noted that the legal structure of self-protection of human rights is based on a legally established mechanism for the independent suppression of violations and protection of rights without recourse to State authorities. The issue of fundamental approaches to understanding the nature of self-protection of human rights is investigated. Attention is focused on such fundamental approaches as: natural law, positivist, libertarian law, sociological, international law. It is concluded that the institution of self-defense is a complex interdisciplinary means of protecting human rights, whose actions are possible independently of public authorities, which is not only a determining factor, but also its main distinguishing feature.

Keywords

state, society, human rights, self-defense of human rights

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.M. Maksimova – research concept, scientific literature research and analysis, regulatory documents analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares that there is no conflict of interest.

For citation

Maksimova, I.M. (2026). The concept and characteristics of the institution of self-defense of human rights. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 326-331. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-326-331>, <https://elibrary.ru/buvbsn>

Введение

Самозащита прав человека является одним из основных институтов в системе средств защиты прав и законных интересов. В отличие от юрисдикционных форм осуществления защиты, при которых право на защиту реализуется в порядке, установленном органом или лицом, посягающим на правомочия, при самозащите оно реализуется непосредственно управомоченным лицом и, как правило, без участия посредников. Оперативность делает этот механизм незаме-

мым во многих случаях, когда промедление в защите может привести к невосполнимому вреду охраняемым правам и интересам.

Причем, следует отметить, что проблема института самозащиты прав человека выходит за пределы узкой отраслевой специфики и затрагивает основы взаимоотношений личности, общества и государства. В отличие от гражданско-правовой самозащиты, ограниченной рамками имущественных и личных неимущественных отношений, институт самозащиты прав человека охватыва-

ет весь спектр фундаментальных возможностей индивида, закрепленных как национальным законодательством, так и международными актами.

Длительное время доктрина концентрировалась на анализе государственных механизмов обеспечения защиты прав, тогда как роль самостоятельных действий управомоченного лица на самозащиту оставалась недооцененной.

Методы исследования

В процессе исследования применялся комплекс всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов познания. Методологическую основу работы составляет диалектический метод, позволяющий рассматривать институт самозащиты в развитии, во взаимосвязи с иными правовыми явлениями, с учетом изменяющихся социальных условий. Системный подход использовался при анализе места самозащиты в общем механизме обеспечения прав человека. Данный подход позволил рассматривать самозащиту не изолированно, а как элемент более широкой системы правовой защиты. Формально-юридический метод позволил исследовать юридическую конструкцию института самозащиты, установить содержание прав и обязанностей участников правоотношений по самозащите, определить юридические факты, с которыми законодатель связывает возникновение права на самозащиту.

Обсуждение. Результаты исследования

В соответствии с действующим российским законодательством право человека на самозащиту представляет собой гарантированную возможность самостоятельно защищать свои права всеми способами, которые не запрещены законом (статья 45 Конституции РФ¹).

Понятие самозащиты прав человека не получило единого толкования, так, по мнению С.А. Авакьяна: «Самозащита прав человека, это совокупность осуществляемых правомерным образом действий физического лица, направленных на пресечение противоправного посягательства либо на восстановление нарушенного права без обращения к средствам государственного принужде-

ния» [1, с. 5]. Акцент делается на автономности субъекта, способного самостоятельно противостоять противоправным посягательствам.

Иной подход предлагает Е.А. Лукашева, рассматривающая «самозащиту как форму реализации права на защиту, включающую не только фактические действия, но и использование правовых средств, не связанных с обращением в юрисдикционные органы – направление претензий, участие в переговорах, обращение к медиаторам» [2, с. 18]. Расширительное толкование позволяет включить в сферу самозащиты широкий круг действий. Критики указывают, что чрезмерное расширение содержания понятия ведет к утрате его практической значимости. Размываются границы между самозащитой и иными способами защиты прав.

Другие исследователи в качестве признака самозащиты выделяют возможность индивида защищать свои права без обращения в юрисдикционные органы, признавая активный самостоятельный характер его действий. Так, по мнению Л.И. Поповой: «Институт самозащиты является гибким неюрисдикционным инструментом, позволяющим гражданам защищать свои права вне долгих судебных разбирательств» [3, с. 164]. М.А. Иванова также говорит о самозащите: «как самостоятельном, осознанном, целенаправленном и оперативном действии без обращения к соответствующим компетентным органам» [4, с. 116].

Следует отметить, что в науке сформировалось несколько фундаментальных подходов к пониманию природы института самозащиты прав человека.

Естественно-правовой подход исходит из того, что способность защищать собственные права присуща человеку изначально и не зависит от государственного признания. Сторонники концепции полагают, что государство лишь фиксирует существующее право, но не создает его. Н.И. Матузов в своей монографии отмечает, что самозащита коренится в естественной потребности индивида противостоять угрозам и обеспечивать собственную безопасность, что предшествует формированию государственных институтов [5, с. 214]. А.А. Газаева отмечает, что самозащита носит естественный и

¹ Российская газета. 2020. № 144.

неотчуждаемый характер [6, с. 46]. Преимущество естественно-правового подхода заключается в признании приоритета прав человека, но отсутствие четких критериев допустимости действий создает риск злоупотреблений.

Позитивистский подход, напротив, связывает возможность самозащиты исключительно с наличием нормативного регулирования. Право на самозащиту возникает в момент законодательного закрепления и существует в пределах, установленных государством. А.Я. Петров указывает, что в «отсутствие правовой регламентации любая самозащита индивида переходит в неправомерное самоуправство, влекущее наступление юридической ответственности» [7, с. 112]. С.А. Авакьян говорит «Об ореоле свободы, который предполагает, что надо следовать юридически закрепленным правилам поведения» [8, с. 4]. Позитивистский подход обеспечивает правовую определенность, но ограничивает возможности субъекта рамками действующего законодательства, а законодательство не всегда соответствует динамике общественных отношений.

Либертарно-юридический подход рассматривает самозащиту через призму свободы личности, ограниченной лишь равной свободой других субъектов. Самозащита прав человека допустима в той мере, в какой не нарушает права иных лиц и не требует предварительного разрешения государства [9, с. 16]. Либертарно-юридическая концепция исходит из презумпции правомерности действий индивида, возлагая на оппонента бремя доказывания неправомерности самозащиты. Подход максимально расширяет автономию личности, но может вступать в противоречие с публичными интересами.

Социологический подход рассматривает самозащиту как элемент правовой культуры общества, зависящий от уровня правосознания, правовой культуры и традиций. По мнению В.Д. Зорькина, эффективность самозащиты определяется не столько законодательным закреплением, сколько готовностью общества признавать автономию личности и поддерживать правомерные действия граждан [10, с. 476]. Социологический подход учитывает реальные условия реализации права на самозащиту, но не предлага-

ет при всем том универсальных критериев оценки правомерности действий.

Международно-правовой подход основывается на положениях актов о правах человека. Всеобщая декларация прав человека 1948 года закрепляет право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами (статья 8), не упоминает при всем при том о самозащите как самостоятельном способе.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года также акцентирует внимание на судебных механизмах защиты. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года устанавливает право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность (статья 9), что предполагает возможность самостоятельного противодействия незаконному задержанию или насилию. Доктрина международного права признает самозащиту в случаях, когда государственные механизмы недоступны или неэффективны.

Государства обязаны обеспечить доступные средства правовой защиты, в ситуациях же, когда обращение к официальным органам невозможно, индивид вправе предпринимать действия для предотвращения необратимого вреда или ущерба. Международно-правовой подход признает самозащиту субсидиарным средством, применяемым при отсутствии альтернативы.

Современное состояние правового регулирования самозащиты прав человека характеризуется противоречием между признанием права на самозащиту в качестве фундаментального элемента правового статуса личности и отсутствием развитой нормативной базы, определяющей пределы и формы реализации права.

Заключение

Институт самозащиты мог бы стать более эффективным механизмом обеспечения прав человека, но только при корректной правовой регламентации. Однако в настоящее время законодательство реализует данный потенциал лишь частично. Фрагментарность нормативного регулирования, недостаточная проработка условий и пределов применения защитных мер, а также отсутствие понятийного аппарата создают из инсти-

тута самозащиты во многом не источник возможности защиты прав, а источник рисков. Часто граждане и юридические лица воздерживаются от самостоятельных мер защиты, опасаясь возможных проблем и некорректной квалификации со стороны юрисдикционных органов.

По мнению А.Я. Петрова: «Эффективность в России самозащиты прав невысока. Одними из главных причин этого являются пробелы и коллизии в действующем законодательстве, а также погрешности юридической техники: не закреплено понятие «самозащита прав»; условия правомерности самозащиты прав указаны нечетко или вообще не указаны; существующие перечни способов защиты и самозащиты прав являются закрытыми (не учтен принцип «разрешено то, что не запрещено»); не закреплено правило, что при соблюдении условий правомерности конкретный способ самозащиты может быть

по усмотрению субъекта реализован в любой форме» [7, с. 112].

Таким образом, дальнейшее совершенствование и адаптация института самозащиты к современным условиям развития общества и государства представляется существенным и важным направлением, особенно в условиях новых вызовов и угроз, которые посягают на права и законные интересы человека. Среди них следует выделить: глобальную цифровизацию общественных отношений, хакерские и кибератаки, незаконное удаление информации и утечку конфиденциальных данных, ограничение функционала программного обеспечения и т. д. На сегодняшний день действующее законодательство не содержит полного объема правовых норм, регламентирующих условия их правомерности, что создает правовой вакуум и требует серьезной законодательной проработки.

Список источников

1. Авакьян С.А. Задачи конституционного права в аспекте защиты (от) информации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 3-11. <https://elibrary.ru/otjigg>, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>
2. Лукашева Е.А. Права человека – индикатор национальной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 7-33. <https://elibrary.ru/scctxz>
3. Попова Л.И. Актуальные проблемы и тенденции развития института самозащиты гражданских прав в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 162-167. <https://elibrary.ru/nostnt>, <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-162-167>
4. Иванова М.А. Правовая природа самозащиты гражданских прав // Цивилист. 2025. № 6. С. 115-120. <https://elibrary.ru/yajaqn>
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 510 с. <https://elibrary.ru/qvpmmx>
6. Газаева А.А. Право на самозащиту – конституционное правомочие личности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 45-48. <https://elibrary.ru/xiypsf>, <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-12-45-48>
7. Петров А.Я. Самозащита прав человека: фундаментальные подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 111-117. <https://elibrary.ru/rigbgz>, <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/111-117>
8. Авакьян С.А. Обеспечение безопасности личности как задача публичной власти и социума // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 3-9. <https://elibrary.ru/otefbx>, <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-1-3-9>
9. Лапаева В.В. Либертарно-юридическая теория Владика Нерсисянца и ее вклад в развитие правовой теории и практики // Научный Арцах. 2025. № 2 (25). С. 11-27. <https://elibrary.ru/coilxd>, <https://doi.org/10.52063/25792652-2025.2.25-11>
10. Зорькин В.Д. Право против хаоса. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 536 с. <https://doi.org/10.12737/1958344>

References

1. Avakyan S.A. (2022). Tasks of constitutional law in protection of (from) information. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* = *Constitutional and Municipal Law*, no. 8, pp. 3-11. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otjigg>, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-3-11>
2. Lukasheva E.A. (2013). Human rights are indexes of national security. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* = *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 7-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scctxz>
3. Popova L.I. (2024). Current problems and trends in the development of the institute of self-defense of civil rights in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, pp. 162-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nostnt>, <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-162-167>
4. Ivanova M.A. (2025). The legal nature of self-protection of civil rights. *Tsivilist* = *The Civilist*, no. 6, pp. 115-120. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yajaqn>
5. Matuzov N.I. (2003). *Actual Problems of the Theory of Law*. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 510 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvpmmx>
6. Gazaeva A.A. (2018). The right to self-protection as a constitutional power of an individual. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = *State Power and Local Self-Government*, no. 12, pp. 45-48. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xiypsf>, <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-12-45-48>
7. Petrov A.Ya. (2023). Human rights self-defense: fundamental approaches. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, no. 1, pp. 111-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rigbgz>, <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/111-117>
8. Avakyan S.A. (2024). Ensuring identity security as a task of the government and the society. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = *State Power and Local Self-Government*, no. 1, pp. 3-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/otefbx>, <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-1-3-9>
9. Lapaeva V.V. (2025). Libertarian legal theory of Vladik Nersesyants and its contribution to the development of legal theory and practice. *Nauchnyi Artsakh* = *Scientific Artsakh*, no. 2 (25), pp. 11-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eoilxd>, <https://doi.org/10.52063/25792652-2025.2.25-11>
10. Zor'kin V.D. (2026). *Law against Chaos*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 536 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/1958344>

Информация об авторе

Максимова Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: [7191-1360](https://orcid.org/0000-0002-2755-0024), РИНЦ AuthorID: [374979](https://orcid.org/0000-0002-2755-0024), <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Information about the author

Irina M. Maksimova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: [7191-1360](https://orcid.org/0000-0002-2755-0024), RSCI AuthorID: [374979](https://orcid.org/0000-0002-2755-0024), <https://orcid.org/0000-0002-2755-0024>, irma_tmb@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 29.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.06.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1+342.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>

EDN CFIWZP

Шифр научной специальности 5.1.1

Философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего, основанных на искусственном интеллекте

Александр Сергеевич Киселев

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 49

 alskiselev@fa.ru

Аннотация

Предметом исследования выступает гипотетическая концепция сильного искусственного интеллекта, который пока не создан. Сегодня происходит активное применение огромного количества технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта, и это стало настолько обыденным, что люди перестали замечать их истинные сущность и значение. Сильный искусственный интеллект, который, в случае своего появления, будет обладать способностью к самообучению и эволюции, имеет потенциал принести как положительные изменения, так и вызвать определенные риски для общества и государства. В этой связи стоит учитывать возможность влияния сильного искусственного интеллекта на формирование общественного мнения, процессы принятия решений, что может потенциально подорвать основополагающие принципы демократии. Цель исследования заключается в выявлении и характеристике разновидностей искусственного интеллекта и в попытке произвести философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего. Использованы общенаучные методы исследования: метафизический и диалектический методы, анализ, синтез, системный метод, метод абстрагирования, индукция и дедукция; применялся диалектический метод (позволил рассмотреть положение искусственного интеллекта с точки зрения вариативности правового регулирования), феноменологический метод (с его помощью выявлены некоторые этико-правовые проблемы применения искусственного интеллекта), метод логико-семантического анализа. По итогам проведенного исследования сделан вывод, что сильный искусственный интеллект продуцирует совершенно новую философию бытия и принципиально иные подходы при организации коммуникации в обществе. В случае одобрения повсеместного использования сильного искусственного интеллекта придется ломать кросс-культурные барьеры, выстраивая единые принципы правового регулирования и работы с искусственным интеллектом во всем мире. Стоит стремиться к такой модели развития, чтобы сильный искусственный интеллект действовал исключительно в интересах человечества, а компании или организации, имеющие доступ к сильному искусственному интеллекту, должны нести повышенную ответственность в случае нарушения прав граждан и организаций со стороны сильного искусственного интеллекта.

Ключевые слова

право и искусственный интеллект, правовое регулирование, сильный искусственный интеллект, государство и искусственный интеллект, информационное государство, информационное общество, сетевое государство

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

А.С. Киселев – разработка концепции исследования, анализ и интерпретация данных, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Киселев А.С. Философско-правовое обоснование необходимости превентивного правового регулирования гипотетических технологий будущего, основанных на искусственном интеллекте // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 332-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>, <https://elibrary.ru/cfiwzp>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>

EDN CFIWZP

OECD 5.05; ASJC 3308

Philosophical and legal justification for the necessity of preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future based on artificial intelligence

Alexander S. Kiselev

Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

 alskiselev@fa.ru

Abstract

The subject of research is the concept of strong AI, which has not yet been created. Today, there is an active use of a huge number of technologies based on AI elements, and it has become so commonplace that people have stopped noticing their true essence and meaning. A strong AI, which, if it appears, will have the ability to self-learn and evolve, has the potential to bring both positive changes and cause certain risks for society and the state. In this regard, it is worth considering the possibility of strong AI influencing the formation of public opinion and decision-making processes, which can potentially undermine the fundamental principles of democracy. The aim of the study is to identify and characterize the types of AI and to attempt to provide a philosophical and legal justification for the need for preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future. General scientific research methods are used: metaphysical and dialectical methods, analysis, synthesis, system method, method of abstraction, induction and deduction; the dialectical method was used (it allowed us to consider the position of AI from the point of view of the variability of legal regulation), the phenomenological method (with its help, some ethical and legal problems of AI application were identified), the method of logical and semantic analysis. Strong AI produces a completely new philosophy of being and fundamentally different approaches to organizing communication in society. It is worth striving for a development model where strong artificial intelligence acts exclusively in the interests of humanity, and companies or organisations with access to strong artificial intelligence should bear increased responsibility in case of violations of the rights of citizens and organisations by strong artificial intelligence.

Keywords

law and artificial intelligence, legal regulation, strong artificial intelligence, state and artificial intelligence, information state, information society, network state

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

A.S. Kiselev – research concept development, data analysis and interpretation, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflicts of interests.

For citation

Kiselev, A.S. (2026). Philosophical and legal justification for the necessity of preventive legal regulation of hypothetical technologies of the future based on artificial intelligence. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 332-342. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-332-342>, <https://elibrary.ru/cfiwzp>

Введение

Вопросы толкования понятия «искусственный интеллект» (далее – ИИ) часто вызывают дебаты среди современных философов, физиков, математиков, юристов, политологов и других ученых. Стоит в самом начале исследования сделать оговорку, что сильного искусственного интеллекта, как и общего искусственного интеллекта пока не существует.

Считаем целесообразным дать толкование основным понятиям, которые будут использоваться в настоящей работе: слабый ИИ, общий ИИ, сильный ИИ и искусственный сверхинтеллект (суперинтеллект).

Подобного подхода к классификации ИИ придерживаются сингапурские ученые, которые указывают, что «ИИ можно разделить на слабый ИИ, общий ИИ и искусственный сверхинтеллект (ИИИС). Слабый ИИ создается для решения конкретных задач. Общий ИИ нацелен на создание машин, способных рассуждать и мыслить как люди. Такой ИИ будет способен превзойти людей по производительности. Доступные в настоящее время системы искусственного интеллекта считаются узкими ИИ» [1, р. 219]. Аналогичного мнения придерживается международная группа исследователей, в которую входят отечественные специалисты. В работе, посвященной вопросам продления жизни посредством ИИ, они выделяют следующие виды: слабый (узкий) ИИ, AGI (общий ИИ) и искусственный суперинтеллект, представляя их как этапы эволюции ИИ [2, р. 401-402].

Текущие технологии, основанные на элементах ИИ, принято обозначать терми-

ном слабый ИИ (англ. Narrow AI) – узкоспециализированный, «узкий» ИИ, который предназначен для выполнения одной или нескольких функций, заложенных программой. Такого подхода к его пониманию придерживается Р.К. Бансал, отмечая, что слабый ИИ решает только конкретные задачи [3, р. 400]. Слабый ИИ представляет собой программу, разработанную для выполнения узконаправленных и конкретных задач в определенной области, которая не способна для решения проблем, непредусмотренных ее алгоритмами.

Далее рассмотрим, что понимается под общим ИИ (англ. – Artificial general intelligence, AGI). Исследователи указывают, что «общий ИИ нацелен на создание машин, способных рассуждать и мыслить как люди. Такой ИИ будет способен превзойти людей по производительности» [1, р. 219]. По представлениям Р.К. Бансела такой вид ИИ «обладает интеллектом, подобным человеческому, и может решать сложные задачи с помощью когнитивных способностей человека без какой-либо подготовки» [3, р. 401]. Данная трактовка общего ИИ, на наш взгляд, представляется не самой точной. Более целостное представление об общем ИИ предлагает М. Ислам: «AGI относится к искусственным машинам, способным понимать, обучаться и применять интеллектуальные способности для решения широкого круга задач, имитируя когнитивные способности человека» [4, р. 1-2].

Обобщая доктринальные сведения, можно сделать заключение, что общий ИИ – это теоретическая концепция, сущность которой заключается в разработке ИИ с когни-

тивными функциями человеческого уровня, включая способность к самообучению, что в свою очередь позволит автономно решать множество сложных задач в различных областях знаний. Общий ИИ будет обладать способностью к адаптации к новым ситуациям без необходимости дополнительного программирования со стороны человека. В отличие от узкоспециализированного ИИ, AGI сможет понимать и интерпретировать информацию в широком контексте, что позволит ему выполнять разнообразные задачи, например, не только распознавать речь, но и понимать контекст разговора, что позволит ему вести осмысленные диалоги.

Некоторые исследователи полагают, что AGI будет обладать зачатками самосознания, что позволит ему принимать осознанные решения и действовать на основе собственных целей и мотивов. К примеру, некоторые авторы допускают, что общий ИИ будет «обладать достаточным количеством человекоподобных свойств, чтобы действовать в демократическом обществе как субъект, сохраняя при этом свои основные свойства искусственного интеллекта» [5, p. 1785].

Стоит раскрыть, что представляет собой сильный ИИ. Впервые термин «сильный искусственный интеллект» ввел Дж. Серль, понимая под ним программу, которая обладает когнитивными функциями, свойственными людям [6]. Этот момент стал отправной точкой для развития множества теоретических, в том числе правовых, исследований. Заметим, что в то время не существовало определения общего ИИ, под которым понимается промежуточное звено между слабой и сильной ИИ.

В настоящее время в научном сообществе ведутся дебаты о том, какова будет его природа. Ряд исследователей придерживаются данной позиции, например, Р.В. Душкин полагает, что «сильный ИИ есть техническое решение, обладающие возможностью решать произвольные когнитивные задачи, доступные человеку (интеллект человеческого уровня) и даже превосходящие возможности человеческого интеллекта (искусственный сверхинтеллект)» [7, с. 22-23]. В.В. Щадрин и А.И. Спиридонов выделяют ключевую особенность сильного ИИ: «...он способен приступить к выполнению тех

функций, которые не были изначально предусмотрены и требуют общего подхода, обобщенных знаний об окружающем мире в настоящий момент» [8, с. 80].

Обратимся к зарубежной научной литературе. Шведские исследователи убеждены, что краеугольным камнем сильного ИИ должно стать наличие у него собственных желаний: «Для того чтобы стать универсальным агентом, у машины должны быть собственные желания... хотя агент может сам приобретать новые убеждения путем обучения, желания должны быть получены из ранее существовавших мотивов или приобретены с помощью внешнего воздействия. Таким влиянием может быть программист-человек или естественный отбор» [9, p. 807-808].

Схожей позиции придерживаются отечественные исследователи. Д.С. Малышева и А.В. Касимов полагают, что сильный ИИ должен отвечать следующим признакам: «по интеллектуальным способностям не должен уступать человеку, должен обладать рефлексией (самосознанием), должен быть способен испытывать чувства» [10, с. 80-81]. В соответствии с данной позицией сильный ИИ будет высокотехнологичной компьютерной системой, способной размышлять и действовать аналогично человеку, решать сложные вычислительные проблемы, обладать самосознанием и даже проявлять аналог эмоций.

Противоположной позиции придерживается С.С. Горохова, которая указывает следующее: «В начале XXI века в научной литературе было определено, что системы, оснащенные программами искусственного интеллекта, должны «думать» рационально и действовать рационально, как люди, то есть ИИ определяется как рационально действующий «агент», обладающий способностью самостоятельно разрабатывать алгоритмы поведения, но не наделенный человечностью, которая является обязательной для естественного интеллекта» [11, с. 33]. Существуют и другие мнения касательно природы сильного ИИ. В любом случае стоит согласиться с тем, что «...истинный машинный интеллект лежит за пределами узких человеческих определений разумного поведения» [12, с. 2023].

Таким образом, можно в целом выявить специфические особенности сильного ИИ, который имеет ряд преимуществ как перед слабым ИИ, так и перед общим ИИ. Сильный ИИ более эффективно может обучаться новым задачам без дополнительного вмешательства человека и разрешать любые интеллектуальные задачи. Возможности сильного ИИ этим не ограничиваются, так, он будет способен осознавать себя, мыслить и делать заключения подобно человеку, на основе этого учитывать в работе изменяющиеся условия и принимать самостоятельное решение, которое он сочтет наиболее эффективным для достижения поставленного результата.

Программы, которые в будущем будут основаны на сильном ИИ, теоретически будут обладать высокой автономностью и могут быть использованы для решения сложных вычислительных задач в пределах, которые допустимы международными стандартами в сфере ИИ. В теории такой ИИ сможет в режиме реального времени учитывать производство всех товаров в стране и давать рекомендации предприятиям, органам власти и, возможно, даже целым отраслям экономики.

Сверхсильный ИИ (англ. – Artificial Super intelligence, ASI) – это гипотетическая программа, обладающая аналогом интеллекта, который значительно превышает человеческие мыслительные способности во всех областях [13, с. 8]. В некоторых информационных источниках сильный и сверхсильный ИИ зачастую отождествляются, однако некоторые исследователи проводят между этими определениями черту. Р. Гарг полагает, что, в отличие от слабого, общего и сильного ИИ, сверхсильный ИИ будет не просто выполнять те же задачи, а также генерировать новые подходы и решения, которые выходят за пределы возможностей человеческого разума [14].

Вполне возможно, что такая система будет способна быстро адаптироваться, обучаться и совершенствовать алгоритмы, что позволяет ей решать задачи, которые кажутся слишком сложными для людей. Соответственно, сверхсильный ИИ сможет создавать новые концепции и идеи, самостоятельно улучшать свои алгоритмы и учиться

на собственных ошибках, таким образом эволюционируя и становясь мощнее с каждым шагом.

Обсуждение. Результаты исследования

1. О необходимости правового регулирования общего, сильного и сверхсильного ИИ. Может показаться гиперболизированным тезис о необходимости поиска путей регулирования, в том числе правового, технологий, которой пока нет в реальности (общего, сильного и сверхсильного ИИ). Однако заметим, что наше общество постоянно сталкивается с новыми технологиями, которые еще не нашли своего законодательного отражения, что приводит к возникновению проблем в обществе, в публичных правоотношениях. К таким технологиям можно отнести нейросети (слабый искусственный интеллект), на основе которых создаются реалистичные дипфейки, широко используемые мошенниками. В последние годы этой теме посвящено значительное количество научных исследований [15–18]. Технология дипфейк активно использовалась в политических целях в ходе выборов в США для формирования негативного образа конкретного человека¹.

Существует огромное количество ситуаций, при которых технологический рост опережал развитие правового регулирования. Например, одним из наиболее важных изменений в этой области стал рост цифрового пиратства, повлекший за собой ряд юридических контрмер, таких как использование технологии по управлению цифровыми правами (DRM) наряду с активизацией усилий правообладателей по обеспечению соблюдения своих прав². Другим ярким примером стала разработка компанией Microsoft программы по прогнозированию рецидивизма у преступников³. Данная раз-

¹ Americans Don't Need Deepfakes to Believe Lies About Nancy Pelosi. URL: <https://www.vice.com/en/article/qv7zmx/deepfakes-nancy-pelosi-fake-video-trump-tweet> (accessed: 05.12.2025).

² Impact of Digital Technology on Intellectual Property Law. URL: <https://www.tutorialspoint.com/impact-of-digital-technology-on-intellectual-property-law> (accessed: 20.11.2025).

³ Microsoft разрабатывает программу, которая будет прогнозировать вероятность рецидивизма у пре-

работка опережала процесс правового регулирования законодательства США, в связи с чем ее применение вызвало опасения у многих экспертов.

Отметим, что обозримые перспективы к созданию общего ИИ имеются на сегодняшний день: Илья Суцкевер, сооснователь OpenAI и создатель ChatGPT, основал новый стартап Safe Super intelligence Inc. Цель SSI на данном этапе – создание безопасного общего искусственного интеллекта (AGI). В отличие от OpenAI, SSI сосредоточится исключительно на исследованиях, без коммерческих задач и давления от топ-менеджмента. Иными словами, это OpenAI в том виде, в каком она была изначально задумана. Компания уже открыла офисы в Пало-Альто и Тель-Авиве и активно набирает сотрудников для формирования сильной и компактной команды⁴.

Считаем, что появление общего, а затем сильного ИИ может представлять серьезные риски для всего населения Земли. Как справедливо замечают исследователи, «технологии искусственного интеллекта оказывают глубокое влияние на все отрасли, и представители этих отраслей стремятся быстрее к ней адаптироваться. Этические, юридические и социальные вопросы внедрения искусственного интеллекта в государственном секторе требуют более детального изучения» [19, с. 83-84].

Если не будут созданы соответствующие правовые условия для взаимодействия с ним, существует риск потери контроля над его действиями в будущем. При этом необходимо сделать оговорку о том, что правовое регулирование не может полностью нивелировать этот риск. Зачастую право не может учесть особенности функционирования сложных компьютерных программ, поэтому обеспечить точную регламентацию всех действий алгоритмов, согласно букве закона, может оказаться очень сложной за-

дачей. Тем не менее, необходимо предвидеть и регулировать возможные последствия от использования технологий, основанных на ИИ. В наших силах закрепить на законодательном уровне принципы работы с сильным ИИ и пошаговые инструкции для минимизации возможного ущерба в тех сферах, где он будет применяться.

Есть точки зрения, согласно которым сильный ИИ либо вообще не будет создан, либо его создание произойдет очень нескоро. В противовес данной позиции другие исследователи указывают, что «машинное обучение, глубокое обучение, нейронные сети основываются на все более «широких» алгоритмах, становятся все более сложными, их поведение все более непонятно и непредсказуемо. В отдаленной перспективе это приблизит искусственный интеллект к самостоятельному существованию» [20, с. 26]. Часть специалистов сходятся во мнении, что появление сильного ИИ произойдет в ближайшие годы, другие называют даты вплоть до 2060-х гг.⁵ Научный интернет-портал “The Conversation” приводит мнения разных экспертов, которые не берутся называть конкретных дат и говорят о его появлении в будущем лишь при наличии у него человеческих качеств⁶. Причем в целом риторика большей части специалистов сводится к невозможности достижения уровня человеческого мышления, приводятся различные доводы в пользу данного тезиса.

Тем не менее, при всем скептицизме значительной части исследователей и экспертов считаем, что нельзя полностью отвергать возможность успешной реализации проектов по созданию общего, а затем сильного, сверхсильного искусственного интеллекта в XXI столетии. Отмечается, что «ин-

ступников. URL: https://hightech.fm/2015/12/21/microsoft_crime (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Ушедший из OpenAI Илья Суцкевер раскрыл детали своего нового ИИ-стартапа. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/515131-usedsij-iz-openai-il-a-suckever-raskryl-detali-svoego-novogo-ii-startapa?ysclid=m0f8ceuw0377722419> (дата обращения: 29.11.2025).

⁵ Why I think strong general AI is coming. URL: <https://www.lesswrong.com/posts/K4urTDkBbtNuLivJx/why-i-think-strong-general-ai-is-coming-soon> (дата обращения: 17.09.2025); When will full ai appear, predictions? URL: <https://vrtouch.eu/en/news/108-when-will-a-full-ai-emerge> (accessed: 17.11.2025); Roser M. AI timelines: What do experts in artificial intelligence expect for the future? URL: <https://ourworldindata.org/ai-timelines> (accessed: 18.11.2025).

⁶ Will AI ever reach human-level intelligence? We asked five experts. URL: <https://theconversation.com/will-ai-ever-reach-human-level-intelligence-we-asked-five-experts-202515> (accessed: 20.12.2025).

формационные технологии, появившиеся в мире научной фантастики, теперь существуют в реальном времени в формах, со скоростью и объемом, которые невозможно было вообразить еще несколько десятилетий назад» [21, с. 355-356].

При этом влияние ИИ нового поколения на общество может оказаться менее очевидным на начальных этапах, чем это изображается в произведениях массовой культуры. Н.И. Петев объясняет это следующим образом: «Дело в том, что лишь высокая скорость процесса развития не позволит пройти критическую точку, за которой последует «взрыв», изменяющий окружающую действительность (социум, индивида и т. д.). Скорость развития может быть схвачена массовым производством. Хотя возможно, что скорость производства продукта и будет высокой, но детонационный характер (подрывной для устоявшихся основ) будет отсутствовать» [22, с. 57]. Фактически ученый говорит о том, что однажды человечество не заметит разительных изменений в нашей жизни в связи с появлением сильного ИИ, но по мере выполнения наших обыденных задач будем сталкиваться с трансформацией привычных технологий вокруг себя, пока нас не накроет лавина, сопровождающаяся необратимыми изменениями.

Ученые называют этот процесс «технологической сингулярностью»⁷. В данной ситуации наиболее неопределенным аспектом является отсутствие возможности точного прогнозирования времени возникновения данного события. Крупные IT-гиганты, которые многие технологии и разработки охраняют в рамках действия режима коммерческой тайны, могут просто не сообщить общественности об успешной разработке сильного ИИ и применять его в своих целях. Это может сулить большими организационными, правовыми, политическими, социаль-

но-экономическими проблемами в долгосрочной перспективе.

Вред и риски, которые несет в себе слабый ИИ, сравнительно невелики, однако сильный ИИ, вне всякого сомнения, будет использоваться для систематического прогнозирования операций на финансовых рынках, управления финансами, фактически затрагивая всю публичную сферу. В случае его некорректной работы могут наступить серьезные последствия для национальной и даже всей мировой экономики. Потенциальный ущерб от сильной ИИ может быть огромен и критичен для человеческой цивилизации.

2. Политико-правовые предложения, направленные на регулирование практики применения сильного ИИ в будущем. Сильный искусственный интеллект будет значительно превосходить возможности человека, и, в теории, сможет обойти любой заложенный в его алгоритмы запрет, если посчитает, что соблюдать его ему невыгодно. В этой связи считаем, что уже сегодня требуется реализация следующих политико-правовых предложения по контролю за технологией сильного искусственного интеллекта в России.

Целесообразно наделить федеральный орган государственной власти функциями по контролю и надзору за технологиями ИИ, а в перспективе – за внедрением и использованием технологий сильного искусственного интеллекта (ИИ). На наш взгляд, лучше всего для этой роли согласно своему функционалу и компетенциям подходит Минцифры РФ. Данное решение позволит централизовать усилия государства по обеспечению безопасности и прозрачности использования технологий ИИ. Потребуется разрабатывать новые государственные стандарты и правила, проводить мониторинг рисков и оперативно реагировать на возникающие угрозы. Это обеспечит единство подхода к регулированию и снизит риски злоупотреблений технологиями ИИ как в публичной, так и в частной сферах.

Вполне логичным шагом будет закрепить обязательную процедуру сертификации всех алгоритмов и моделей сильного ИИ перед их применением в ключевых общественных сферах (здравоохранение, образование, энергетика, связь, промышленность,

⁷ Прим.: Технологическая сингулярность – это гипотеза, согласно которой в будущем случится момент, когда технологическое развитие станет неуправляемым и необратимым, что приведет к серьезным изменениям человеческой цивилизации; искусственный интеллект, роботы и другая техника станут настолько умными, что люди не смогут их контролировать и понимать. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/623d72299a7947459d2f2634?from=copy> (дата обращения: 11.01.2026).

транспорт, строительство и др.). Обязательная сертификация повысит уровень доверия пользователей к технологиям ИИ, поскольку гарантирует проверку качества и надежности используемых решений. Она также создаст условия для минимизации возможных негативных последствий внедрения недостаточно проверенных или потенциально опасных моделей. Сертификация, согласно нашему мнению, станет важным инструментом предотвращения нарушений прав граждан и защиты их интересов.

Важно предусмотреть уголовную ответственность за умышленное создание, распространение и использование технологий сильного ИИ, создающих угрозу общественной безопасности, здоровью населения или интересам государства. Установление уголовной ответственности послужит мощным средством профилактики правонарушений в сфере высоких технологий. Оно даст четкий сигнал разработчикам и пользователям о недопустимости действий, угрожающих национальной безопасности и правам граждан. Применение уголовного наказания способно эффективно предотвратить возможные преступления, связанные с несанкционированным использованием мощных ИИ-решений.

Эти меры позволят создать эффективную систему правового регулирования технологий сильного искусственного интеллекта, обеспечить безопасность граждан и государства, повысить доверие к новым технологиям и снизить потенциальные риски их неправильного использования. Очевидно, что комплекс мер в случае создания сильно-

го ИИ будет намного больше, но именно указанные предложения позволят на первых этапах максимально снизить риски противозаконного применения данного вида ИИ.

Заключение

Современная эпоха характеризуется быстрыми и динамичными изменениями, вызванными быстрым развитием технологий в условиях возможного появления сильного ИИ, гипотетически обладающего способностью к самообучению и эволюции, действительно имеет потенциал принести как положительные изменения, так и вызвать глобальные риски для общества.

Быстрое развитие информационных технологий в начале XXI века привело к появлению новых форм коммуникации и обмена информацией, изменило публичную сферу правоотношений. В ближайшие десятилетия ускорится обмен товарами и капиталом, почти все страны перейдут на цифровые валюты. В этой связи придется адаптировать не только отдельные законы под новые реалии, но и всю государственную политику под единые стандарты.

Грядущие изменения затронут все сферы жизни общества, повлияют на каждую профессию и отдельно взятого человека. Изменится обыденное сознание, мировоззрение, ценности, отношение к таким процессам, как творчество, отдых и досуг, развлечения. Будущие поколения будут рассматривать искусственный интеллект как неотъемлемую часть повседневной жизни, поскольку будут жить в обстановке широкого использования ИИ во всех сферах общества.

Список источников

1. Poh K., Ang T., Choolani M., See K. The rise of artificial intelligence: addressing the impact of large language models such as ChatGPT on scientific publications // Singapore Medical Journal. 2023. Vol. 64. № 4. P. 219. <https://doi.org/10.4103/singaporemedj.smj-2023-055>, <https://elibrary.ru/bgmafvb>
2. Batin M., Turchin A., Markov S. [et al.] Artificial intelligence in life extension: From deep learning to superintelligence // Informatica (Ljubljana). 2017. Vol. 41. № 4. P. 401-417. <https://elibrary.ru/xyahln>
3. Bansal R.K. Artificial intelligence: Neither artificial nor intelligent? // Saudi Endodontic Journal. 2024. Vol. 14. № 3. P. 400-401. https://doi.org/10.4103/sej.sej_8_24, <https://elibrary.ru/zgawsh>
4. Islam Md.M. Artificial General Intelligence: Conceptual Framework, Recent Progress, and Future Outlook // Journal of Artificial Intelligence General science (JAIGS). 2024. Vol. 6. № 1. P. 1-25. <https://doi.org/10.60087/jaigs.v6i1.212>, <https://elibrary.ru/ucwfpm>
5. Salmi Ju. A democratic way of controlling artificial general intelligence // AI & Society. 2023. Vol. 38. № 4. P. 1785-1791. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01426-x>, <https://elibrary.ru/shqxjp>
6. Серль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7-13.
7. Душкин Р.В. На пути к сильному искусственному интеллекту: когнитивная архитектура, основанная на психофизиологическом фундаменте и гибридных принципах // Программные системы и вычисли-

- тельные методы. 2021. № 1. С. 22-34. <https://doi.org/10.7256/2454-0714.2021.1.34243>, <https://elibrary.ru/esplys>
8. Шадрин В.В., Спиридонов А.И. Сильный искусственный интеллект: угрозы и перспективы развития в реализации права // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2023. № 3 (31). С. 78-83. <https://doi.org/10.25587/2587-5612-2023-3-78-83>, <https://elibrary.ru/efdade>
  9. Jebari K., Lundborg J. Artificial superintelligence and its limits: why AlphaZero cannot become a general agent // AI & Society. 2021. Vol. 36. № 3. P. 807-815. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01070-3>, <https://elibrary.ru/wwehvw>
  10. Малышева Д.С., Касимов А.В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (Часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2016. № 3. С. 75-85. <https://elibrary.ru/wlsnel>
  11. Горохова С.С. О некоторых правовых подходах к определению правосубъектности искусственных интеллектуальных систем // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 31-42. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.4>, <https://elibrary.ru/gbmqgm>
  12. Williams A.E. Has OpenAI Achieved Artificial General Intelligence in ChatGPT? // Artificial Intelligence and Applications. 2023. <https://doi.org/10.47852/bonviewAIA3202751>, <https://elibrary.ru/hidgfy>
  13. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. С. Филина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 446 с.
  14. Garg R. Navigating Superintelligence: Pathways to Development, Risk Assessment & Strategic Planning // Nanotechnology Perceptions. 2024. Vol. 20. № 6. <https://doi.org/10.62441/nano-ntp.vi.4168>
  15. Виноградова Е.А. Злонамеренное использование политических дипфейков и попытки их нейтрализации в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2023. № 5. С. 35-48. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0025404-3>, <https://elibrary.ru/xddhjc>
  16. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 11 (192). С. 112-119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>, <https://elibrary.ru/xmheaj>
  17. Лемайкина С.В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков // Юрист-Правовед. 2022. № 3 (102). С. 175-178. <https://elibrary.ru/axnbjr>
  18. Старченко Т.А. Понятие дипфейка и перспективы установления уголовной ответственности за его применение // Проблемы научной мысли. 2023. Т. 12. № 3. С. 124-130. <https://elibrary.ru/vffmie>
  19. Damar M., Özen A., Çakmak Ü.E. et al. Super AI, Generative AI, Narrow AI and Chatbots: An Assessment of Artificial Intelligence Technologies for The Public Sector and Public Administration // Journal of AI. 2024. Vol. 8. № 1. P. 83-106. <https://doi.org/10.61969/jai.1512906>, <https://elibrary.ru/aifcim>
  20. Войцехович В.Э., Скиба И.Р. Экзистенциальные аспекты сильного искусственного интеллекта: проблема свободы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 4 (62). С. 22-31. <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.022>, <https://elibrary.ru/oykbfb>
  21. Zedalis J. The Time-traveling Lawyer: Using Time Travel Stories and Science Fiction in Legal Education // British Journal of American Legal Studies. 2022. Vol. 11. № 2. P. 355-378. <https://doi.org/10.2478/bjals-2022-0008>, <https://elibrary.ru/majbqy>
  22. Петев Н.И. Экзистенциальная, правовая и этическая проблемы искусственного интеллекта // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 2 (45). С. 55-77. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1159>, <https://elibrary.ru/rrlorj>

References

1. Poh K., Ang T., Choolani M., See K. (2023). The rise of artificial intelligence: addressing the impact of large language models such as ChatGPT on scientific publications. *Singapore Medical Journal*, vol. 64, no. 4, p. 219. <https://doi.org/10.4103/singaporemedj.smj-2023-055>, <https://elibrary.ru/bgmavb>
2. Batin M., Turchin A., Markov S. et al. (2017). Artificial intelligence in life extension: From deep learning to superintelligence. *Informatica (Ljubljana)*, vol. 41, no. 4, pp. 401-417. <https://elibrary.ru/xyahln>
3. Bansal R.K. (2024). Artificial intelligence: Neither artificial nor intelligent? *Saudi Endodontic Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 400-401. https://doi.org/10.4103/sej.sej_8_24, <https://elibrary.ru/zgawsh>
4. Islam Md.M. (2024). Artificial General Intelligence: Conceptual Framework, Recent Progress, and Future Outlook. *Journal of Artificial Intelligence General science (JAIGS)*, vol. 6, no. 1, pp. 1-25. <https://doi.org/10.60087/jaigs.v6i1.212>, <https://elibrary.ru/ucwfpn>

5. Salmi Ju. (2023). A democratic way of controlling artificial general intelligence. *AI & Society*, vol. 38, no. 4, pp. 1785-1791. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01426-x>, <https://elibrary.ru/shqxjp>
6. Searle J. (1990). Is the Brain's Mind a Computer Program? *V mire nauki = In the World of Science*, no. 3, pp. 7-13. (In Russ.)
7. Dushkin R.V. (2021). On the path towards strong artificial intelligence: cognitive architecture based on a psychophysiological foundation and hybrid principles. *Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody = Software Systems and Computational Methods*, no. 1, pp. 22-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0714.2021.1.34243>, <https://elibrary.ru/esplys>
8. Shadrin V.V., Spiridonov A.I. (2023). Artificial general intelligence: threats and development prospects in the implementation of the law. *Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo = Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: History. Political Science. Law*, no. 3 (31), pp. 78-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/2587-5612-2023-3-78-83>, <https://elibrary.ru/efdade>
9. Jebari K., Lundborg J. (2021). Artificial superintelligence and its limits: why AlphaZero cannot become a general agent. *AI & Society*, vol. 36, no. 3, pp. 807-815. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01070-3>, <https://elibrary.ru/wwehvw>
10. Malysheva D.S., Kasimov A.V. (2016). Technological and philosophical foundation to creation the strong artificial intelligence (part I). *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 3, pp. 75-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wlsnel>
11. Gorokhova S.S. (2020). On some legal approaches to determining the legal personality of artificial intellectual systems. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-Of-Law State: Theory and Practice*, no. 4-1 (62), pp. 31-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.4.4>, <https://elibrary.ru/gbmqgm>
12. Williams A.E. (2023). Has OpenAI Achieved Artificial General Intelligence in ChatGPT? *Artificial Intelligence and Applications*. <https://doi.org/10.47852/bonviewAIA3202751>, <https://elibrary.ru/hidgfy>
13. Bostrom N. (2016). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 446 p. (In Russ.)
14. Garg R. (2024). Navigating Superintelligence: Pathways to Development, Risk Assessment & Strategic Planning. *Nanotechnology Perceptions*, vol. 20, no. 6. <https://doi.org/10.62441/nano-ntp.vi.4168>
15. Vinogradova E.A. (2023). The malicious use of political deepfakes and attempts to neutralize them in Latin America. *Latinskaya Amerika = Latin America*, no. 5, pp. 35-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0044748X0025404-3>, <https://elibrary.ru/xddhjc>
16. Dobrobaba M.B. (2022). Deepfakes as a threat to human rights. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, vol. 75, no. 11 (192), pp. 112-119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>, <https://elibrary.ru/xmheaj>
17. Lemaikina S.V. (2022). Topical issues of countering the use of deepfakes technology. *Yurist-Pravoved = Jurist-Pravoved*, no. 3 (102), pp. 175-178. (In Russ.) <https://elibrary.ru/axnbjr>
18. Starchenko T.A. (2023). The concept of deepfake and the prospects for establishing criminal liability for its use. *Problemy nauchnoi mysli = Problems of Scientific Thought*, vol. 12, no. 3, pp. 124-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vffmie>
19. Damar M., Özen A., Çakmak Ü.E. et al. (2024). Super AI, Generative AI, Narrow AI and Chatbots: An Assessment of Artificial Intelligence Technologies for The Public Sector and Public Administration. *Journal of AI*, vol. 8, no 1, pp. 83-106. <https://doi.org/10.61969/jai.1512906>, <https://elibrary.ru/aifcim>
20. Voitsekhovich V.E., Skiba I.R. (2022). Existential aspects of strong artificial intelligence. the problem of freedom: modeling or generation. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*, no. 4 (62), pp. 22-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.4.022>, <https://elibrary.ru/oykbfy>
21. Zedalis J. (2022). The Time-traveling Lawyer: Using Time Travel Stories and Science Fiction in Legal Education. *British Journal of American Legal Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 355-378. <https://doi.org/10.2478/bjals-2022-0008>, <https://elibrary.ru/majbqy>
22. Petev N.I. (2022). Existential, legal and ethical problems of artificial intelligence. *Vektory blagopoluchiya: ehkonomika i sotsium = Journal of Wellbeing Technologies*, no. 2 (45), pp. 55-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/2/1159>, <https://elibrary.ru/rrlorj>

Информация об авторе

Киселев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета, ведущий научный сотрудник Центра исследований и экспертиз Юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: [3570-8911](#), РИНЦ AuthorID: [819975](#), Scopus Author ID: [57216918333](#), <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

Information about the author

Alexander S. Kiselev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the International and Public Law Department at the Faculty of Law, Senior Researcher at the Center for Research and Expertise at the Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [3570-8911](#), RSCI AuthorID: [819975](#), Scopus Author ID: [57216918333](#), <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>, alskiselev@fa.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 26.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 29.07.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.15(510)

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-343-350>

EDN CAITRA

Шифр научной специальности 5.1.1

Матрилинейное клановое общество в Древнем Китае: теоретико-правовой анализ

Надежда Александровна Панькина

ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»

603951, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5а

 Pankina_84@mail.ru

Аннотация

Предпринят теоретико-правовой анализ матрилинейного кланового общества в Древнем Китае. На основе новых археологических и генетических данных (поселение Фуцзя, культура Давэнькоу, ок. 2750–2500 гг. до н. э.) рассмотрена альтернативная патриархальной модель организации родства и власти. Автор фокусируется на правовых последствиях матрилинейного принципа: специфике правосубъектности, механизмах наследования, брачно-семейных запретах и внутриклановой юрисдикции. Прослежена трансформация этих правовых институтов в процессе перехода к патрилинейной системе, закреплённой в чжоуском праве. Обоснован вывод о том, что матрилинейное клановое общество представляет собой не маргинальный феномен, а одну из исторических форм правовой организации социума, понимание которой необходимо для реконструкции генезиса китайской правовой традиции.

Ключевые слова

теоретико-правовой анализ, правосубъектность, клановое право, наследование, матрилинейное клановое общество, Древний Китай, брачная экзогамия, патриархат

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.А. Панькина – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Панькина Н.А. Матрилинейные клановые общества в Древнем Китае: теоретико-правовой анализ археологических, генетических и лингвистических источников // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 343-350. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-343-350>, <https://elibrary.ru/caitra>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-343-350>

EDN CAITRA

OECD 5.05; ASJC 3308

Matrilineal clan society in Ancient China: a theoretical and legal analysis

Nadezhda A. Pankina

Volga State University of Water Transport

5a Nesterova St., Nizhny Novgorod, 603951, Russian Federation

 Pankina_84@mail.ru

Abstract

A theoretical and legal analysis of the matrilineal clan society in Ancient China has been undertaken. Based on new archaeological and genetic data (Fujia settlement, Dawenkou culture, circa 2750–2500 BCE), an alternative to the patriarchal model of kinship and power organization is considered. The author focuses on the legal consequences of the matrilineal principle: the specifics of legal capacity, mechanisms of inheritance, marriage and family prohibitions, and intra-clan jurisdiction. The transformation of these legal institutions during the transition to the patrilineal system, as enshrined in Zhou law, has been traced. The conclusion is justified that a matrilineal clan society is not a marginal phenomenon, but one of the historical forms of legal organization of society, the understanding of which is necessary for reconstructing the genesis of the Chinese legal tradition.

Keywords

theoretical and legal analysis, legal capacity, clan law, inheritance, matrilineal clan society, Ancient China, marital exogamy, patriarchy

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.A. Pankina – research concept and idea, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Pankina, N.A. (2026). Matrilineal clan societies in Ancient China: a theoretical and legal analysis of archaeological, genetic and linguistic sources. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 343-350. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-343-350>, <https://elibrary.ru/caitra>

Введение

Вопрос о происхождении правовых систем традиционно решается через анализ эволюции социальных институтов. Для китайской правовой традиции этого недостаточно. Конфуцианство закрепило патриархальные порядки, но оно не было единственной и изначальной формой социальной организации. Археология и генетика последних лет дают основания утверждать: патрилинейному принципу родства предшествовала иная нормативная система. Ее следы сохранились в языке, ритуалах и ранних правовых текстах.

До недавнего времени в историко-правовой науке господствовало убеждение: ранние общества повсеместно строились на патрилинейных началах. Считалось, что статус и имущество передавались по мужской линии, а женщины занимали подчиненное положение. Китайская классическая модель подтверждала это представление. Патриархальная система (宗法制), наследование старшим сыном (嫡长子继承制), доктрина «трех послушаний» (三从) – все это выглядело неоспоримыми доказательствами. Однако новые открытия заставляют усомниться.

Современная философская антропология рассматривает «матриархат» и «патриархат» не как последовательные этапы, а как конкурирующие культурные формации. Их борьба определяет динамику властных отношений. С.С. Черных отмечает: власть как антропологическая реальность не просто включает половые различия, но активно использует их для укрепления господства [1, с. 152]. При этом западные стереотипы о «классическом китайском патриархате», по наблюдению Ю.В. Чайникова, слабо применимы к китайской реальности. В китайской семье доминировала не столько власть отца, сколько статусная иерархия, пронизывающая все отношения [2, с. 155]. Это делает теоретико-правовой анализ матрилинейного общества актуальной научной задачей.

В 2025 г. журнал *Nature* опубликовал исследование, предоставившее эмпирический материал для такого анализа. Группа ученых под руководством профессора Ван Хуэй из Пекинского университета изучила митохондриальную ДНК 60 скелетов из неолитического поселения Фуцзя (провинция Шаньдун, культура Давэнькоу, ок. 2750–2500 гг. до н. э.). Результат оказался неожиданным: общество здесь было организовано по материнской линии и сохраняло эту структуру не менее десяти поколений¹ [3, p. 3].

С позиций теории права это открытие ставит вопрос о существовании альтернативной модели правовой организации. В ней правовой статус индивида определялся не отцовской, а материнской линией родства. Это заставляет усомниться в телеологиче-

ском взгляде на эволюцию права как на неуклонное движение от «архаичных» матрилинейных форм к «развитым» патрилинейным.

Китайский историк Бай Ян писал: «Китай, наша мать, является нашей единственной точкой опоры. Все династии – это просто китайские династии... Смерть династии Тан была не смертью Китая, а уничтожением династии Тан и танского правительства» [4, с. 3]. Этот принцип применим и к истории права. Правовая культура Китая пережила все династии. Матрилинейные кланы, возникшие задолго до первых царств, – не «предыстория» китайского права. Они – его неотъемлемая часть.

В настоящей работе ставятся две задачи. Первая – реконструировать правовую структуру матрилинейного кланового общества в Древнем Китае. Вторая – проследить, как матрилинейные правовые институты трансформировались в процессе перехода к патрилинейной системе.

Методы исследования

В основе работы лежит историко-правовой подход, дополненный методами смежных дисциплин. Общенаучные методы – анализ, синтез, системный подход – применялись для декомпозиции матрилинейного общества на составляющие правовые институты и их последующей интеграции в целостную картину. Компаративный анализ использовался для сопоставления матрилинейной и патрилинейной систем.

Специальные историко-правовые методы включают: историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию институтов; сравнительно-правовой метод – для сопоставления нормативных систем; формально-юридический метод – для анализа правовых конструкций; метод периодизации – для выделения этапов трансформации.

Междисциплинарный характер работы потребовал применения метода анализа древней ДНК в сочетании с методом «двойного доказательства» (二重证据法) Ван Говэя. Этот метод требует сверки письменных источников с археологическими и генетическими данными. Генетический материал из Фуцзя верифицирует и дополняет сведения о социальной организации из позднейших письменных памятников. Лингвистический анализ позволил реконструировать первоначальную структуру матрилинейного общества.

¹ Китай потрясло существование матриархального общества, существовавшего 4500 лет // Vietnam.vn. 2025. 8 июня. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/xa-hoi-mau-he-4-500-tuoi-gay-chan-dong-trung-quoc> (дата обращения: 18.03.2026); В китайском сообществе, жившем 4500 лет назад, нашли черты матриархата // Наука. 2025. 9 июня. URL: https://naukatv.ru/news/materinskie_klany_formirovali_pogrebenie_i_obschestvo_v_neoliticheskoy_kitajskoj_obschine_kak_pokazyvaet_drevnyaya_dnk (дата обращения: 18.03.2026); Матрилинейное общество. 4500 лет назад в Китае жила популяция, где родство передавалось по матери // Поиск – новости науки и техники. 2025. 11 июня. URL: <https://poisknews.ru/arheologiya/matrilinejnoe-obshchestvo-4500-let-nazad-v-kitae-zhila-populyacziya-gde-rodstvo-predavalos-po-materi/> (дата обращения: 18.03.2026).

чальные значения древних иероглифов, связанных с правовыми категориями родства [5, с. 15-20].

Матрилинейное клановое общество как правовой феномен

Поселение Фуцзя датируют поздним периодом культуры Давэнькоу. Археологи вскрыли 528 погребений, распределенных по двум некрополям. В северном – 247 захоронений, в южном – 281. Расстояние между кладбищами – всего 100 метров. Казалось бы, жившие рядом должны быть генетически близки. Однако анализ митохондриальной ДНК показал иное. Все 14 человек из северного могильника имели гаплогруппу M8a3. В южном некрополе 44 из 46 обладали гаплогруппой D5b1b [3, р. 3-4]. Людей хоронили не по отцовской, а по материнской линии. Клан строился вокруг женщины-предка.

Анализ Y-хромосомы выявил высокое разнообразие. Отцы приходили из разных мест. Женщины оставались на месте. Мужчины после женитьбы не переходили в род жены, а оставались в своем материнском клане. Даже взрослых мужчин хоронили на кладбище их материнского рода, а не рядом с женами [3, р. 4-5]. Это матриликальный брак. Мужчина оставался в своем клане, его дети принадлежали к клану матери.

Субъектом прав и обязанностей здесь выступал не индивид и не нуклеарная семья, а матрилинейный клан. Индивид мог реализовать права только как член этого клана. Его правовой статус определялся статусом его материнской линии. Такая модель правосубъектности характерна для архаических правовых систем. В более позднем циньском праве сохранился институт «семейного преступления» (家罪): некоторые проступки внутри семьи не подлежали государственному преследованию. Это реликт эпохи, когда клан был основным субъектом права [6, р. 78-80].

Наследование осуществлялось по женской линии. Имущество и статус передавались от матери к дочери, от тети по матери к племяннице. Мужчины не передавали статус детям. Дети принадлежали к клану матери. Археологические данные это подтверждают: женщины оставались в своем роду, мужчины – в своем.

Браки были экзогамными – запрещенными внутри материнского клана. Члены одного клана (носители одной гаплогруппы) считались родственниками. Этот запрет сохранился и при патрилинейности, трансформировавшись в принцип «同姓不婚» – запрет браков между однофамильцами. В «Цзочжуань» зафиксировано: нарушение каралось изгнанием. В эпоху Чжоу этот запрет действовал для всех. Правители царства Ци не могли брать жен из клана Цзянь – у них была та же фамилия.

Внутриклановая юрисдикция предполагала автономию клана в разрешении споров. Государство не вмешивалось. Реликты этой автономии – в институте «семейного преступления» в циньском праве, где после смерти главы семьи некоторые проступки не подлежали государственному суду [6, р. 78-82].

Этнографические параллели

Современные общества, сохранившие матрилинейный уклад, показывают, что это не пережиток, а жизнеспособная форма. Самый известный пример – народ Мосо (самоназвание – «на»), проживающий на берегу озера Лугу в провинциях Юньнань и Сычуань. Их система существует столетия [7, р. 8].

По данным переписи 2020 года, Мосо – около 40 тысяч человек. Классические исследования провели Цай Хуа в 1990-х и Эрика Уолш в 2000-х гг. По данным Уолш (полевые работы 2002–2004 гг.), около 70 % семей Мосо сохраняют матрилинейную структуру, несмотря на туризм и государственную политику [8, р. 460].

У Мосо родство – только по матери. Дети носят фамилию матери. Имущество и статус наследуются по женской линии, что соответствует модели Фуцзя [9, с. 145]. Глава семьи – старшая женщина. Она принимает решения, ведет хозяйство. Мужчины важны, но их статус определяется принадлежностью к материнскому клану, а не к семье жены.

Браки у Мосо – «цзоухунь» (буквально «брак ухаживанием»). Партнеры не живут вместе. Мужчина приходит к женщине ночью, уходит утром. Дети остаются в семье матери. Их воспитывают братья и дяди по матери. Биологический отец не участвует [10, р. 185-190]. С юридической точки зрения это решает проблему отцовства. Жен-

щина получает полную правосубъектность и экономическую независимость. Отношения строятся на привязанности, не на имущественных обязательствах. Это радикально отличается от брака в патриархальной системе.

Мосо не изолированный архаизм. Они живут в современном Китае, работают в туризме и адаптируют традиции [11, р. 1795]. Значит, матрилинейная организация способна к эволюции. Существование Мосо, а также других сообществ (Минангкабау в Индонезии, около 4 миллионов человек) – весомый аргумент. Матрилинейность – не случайность, а полноценная альтернатива патрилинейности [7, р. 11].

Лингвистические и мифологические основания матрилинейного права

Лингвистический материал подтверждает наличие матрилинейного правосознания. В словаре «Шо вэньцзецзы» (ок. 100 г. н. э.) иероглиф 姓 трактуется как «рожденный женщиной». Свыше тридцати древних фамилий содержат ключ 女: 姜 (Цзян), 姬 (Цзи), 姚 (Яо), 嬴 (Ин). Фамилия в додинастическую эпоху указывала не на отца, а на материнский род, то есть служила маркером правовой принадлежности. Иероглиф 后 первоначально обозначал женщину-предка, стоявшую во главе клана, и лишь позднее – правителя-мужчину. Аналогично 帝 изначально означал женское божество-прародительницу. Семантика этих знаков показывает: легитимация власти изначально связывалась с женским началом, и лишь затем этот смысл был присвоен патриархальной традицией [4, с. 28-29].

Мифы выполняли ту же функцию, что и правовые нормы: они обосновывали и закрепляли социальный порядок. Бай Ян приводит миф о Нюйва, которая после разрушения небесной опоры в одиночку восстанавливает космический порядок. В «Хуайнаньцзы» она плавит пятицветные камни, заделывает небесную трещину, убивает черепаху и использует ее конечности как опоры – то есть действует как верховная законодательница мироздания. Этот сюжет легитимирует высокий статус женщины [4, с. 38-39]. Чэньбэй Ян на материале мифа о Гуне и Юе показывает, как тот же механизм работает в

обратную сторону: чудесное рождение Юя без женщины фиксирует переход репродуктивных прав к мужчине, а его брак с Тушань знаменует смену матриликоальности на патрилинейное наследование [12, с. 12-14].

Трансформация правовой системы

Переход к патрилинейной системе происходил под давлением нескольких факторов. Рост сельскохозяйственного производства и накопление имущества делали выгодной передачу богатства по мужской линии. В условиях имущественной дифференциации патрилинейные механизмы оказывались практичнее матрилинейных для удержания собственности внутри семьи. Параллельно формировалась идеология, закреплявшая новый порядок.

В эпоху Западного Чжоу системой 宗法制 был введен принцип: наследует старший сын главной жены. Бай Ян фиксирует формулу: «Передавать прямому, не передавать боковому; передавать старшему, не передавать достойному» (传嫡不传庶, 传长不传贤). Возраст и личные качества наследника не имели значения – определяющим становился статус матери. Женщина низводилась до роли носительницы статуса для сына, но лишалась права наследования. Бай Ян отмечает, что эта система продержалась до XX века [4, с. 54].

С теоретико-правовой точки зрения здесь произошла смена парадигмы: вместо коллективной клановой правосубъектности утвердилась индивидуальная, привязанная к отцовской линии; вместо наследования по женской линии – по мужской. Однако полностью уничтожить матрилинейные правовые институты не удалось. Запрет браков между однофамильцами (同姓不婚) изначально был запретом браков внутри материнского клана. Институт «ди и» (媵妾制) – пережиток обычая, при котором женщины одного рода сохраняли связь после замужества. Вдовы в раннем Китае могли управлять имуществом и даже наследовать статус главы семьи. Институт «семейного преступления» (家罪) в циньском праве свидетельствует о признании государством автономии клана [13, с. 184-186; 6, р. 78-82].

Сравнение систем дает следующую картину. По принципу определения родства:

матрилинейность – по матери, патрилинейность – по отцу. По субъекту прав: матрилинейность – клан, патрилинейность – семья во главе с отцом. По наследованию статуса: матрилинейность – мать → дочь, патрилинейность – отец → сын. По брачному запрету: матрилинейность – внутри клана, патрилинейность – между однофамильцами. По положению женщины: матрилинейность – источник статуса, патрилинейность – подчиненное. По правосубъектности женщины: матрилинейность – самостоятельная, патрилинейность – производная [14, р. 56].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов.

В позднелитературном Китае существовало матрилинейное клановое общество. Генетические данные из Фуцзя это подтверждают. Два клана держались десять поколений. Мужчины оставались в клане матери, хоронились на ее кладбище.

Правовая структура этого общества имела устойчивые черты: коллективная правосубъектность, наследование по женской линии, брачная экзогамия. Реликты этих институтов сохранились в позднейшем китайском праве.

Лингвистические и мифологические источники фиксируют матрилинейные правовые представления. Иероглифы 姓, 后, 好, 帝 несут память о материнском родстве как источнике правового статуса. Мифы о Нюйва, Гуне и Юе закрепляют смену правовой парадигмы.

Переход к патрилинейной системе, закрепленной чжоуским правом, был сменой нормативной парадигмы. Но полного исчезновения матрилинейных институтов не произошло. Они сохранились в виде брачных запретов, института «ди и», особого правового положения вдов.

Современные матрилинейные общества (Мосо, Минангкабау) доказывают устойчивость этой модели. Она не архаичный пережиток, а альтернативная форма правовой организации социума.

Понимание матрилинейного кланового общества как правового феномена необходимо для реконструкции генезиса китайской правовой традиции. Дальнейшие исследования могут показать, насколько широко была распространена эта модель. Открытие меняет понимание истоков китайской цивилизации и ее правовой традиции.

Список источников

1. Черных С.С. Патриархат и матриархат в дискурсе философской антропологии: гендерные аспекты власти // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 149-157. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.12>, <https://elibrary.ru/uyhwnl>
2. Чайников Ю.В. Дискуссия антропологов о концепции патриархальности и ее существовании в Китае (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2021. № 2. С. 147-160. <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.10>, <https://elibrary.ru/rfjmkp>
3. Wang H. et al. Ancient DNA evidence for matrilineal social organization in Neolithic China // Nature. 2025. Vol. 630. P. 1-8. <https://doi.org/10.1038/s41586-025-08607-2>
4. 柏杨. 柏杨全集. 第1卷: 中国人史纲. 北京: 人民文学出版社, 2010年. 450页. (Бай Ян. Полное собрание сочинений. Т. 1: История китайского народа. Пекин: Народная литература, 2010. 450 с.)
5. 张晋藩. 中华法制文明史. 古代卷. 北京: 法律出版社, 2023年. 711页. (Чжан Цзиньфань. История китайской правовой цивилизации: Древний том. Пекин: Фалюйчубаньшэ, 2023. 711 с.)
6. Lewis M.E. Sanctioned Violence in Early China. Albany: State University of New York Press, 1990. 374 p.
7. Mattison S.M. et al. Evidence for matrilineal transitions in the Mosuo of Southwest China // Matrix: A Journal for Matricultural Studies. 2021. Vol. 2. № 1. P. 7-12.
8. Walsh E.R. From Nü Guo to Nü'er Guo: Negotiating Desire in the Land of the Mosuo // Modern China. 2005. Vol. 31. № 4. P. 448-486. <https://doi.org/10.1177/0097700405278168>, <https://elibrary.ru/jolbat>
9. Грачева Ю.А. Особенности традиционных семейно-брачных отношений народа наси и этнической группы мосо // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 1. С. 125-148. <https://elibrary.ru/xsbjnf>
10. Cai Hua. A Society Without Fathers or Husbands: The Na of China. New York: Zone Books, 2001. 505 p.

11. Mattison S.M. et al. Cyclical processing of maternal lineage and parent-child dynamics: the dual family relationship system in the matrilineal Mosuo society // *Current Psychology*. 2025. Vol. 44. P. 1793-1804. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-06957-8>, <https://elibrary.ru/eozqvt>
12. Ян Ч. Миф о Гуне и Юе: как мифологическое отображение перехода от матриархата к патриархату у народности Ся // *Философия и культура*. 2025. № 3. С. 1-14. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.3.72784>, <https://elibrary.ru/kunbkj>
13. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. Москва: Наука, 1978. 342 с.
14. Pines Y. *The Everlasting Empire: The Political Culture of Ancient China and Its Imperial Legacy*. Princeton: Princeton University Press, 2012. 248 p. <https://doi.org/10.1017/S0034670513000211>

References

1. Chernykh S.S. (2018). Patriarchat and matriarch in the discourse of philosophical anthropology: gender aspects of power. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, vol. 7, no. 4, pp. 149-157. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.12>, <https://elibrary.ru/uyhwnl>
2. Chainikov Yu.V. (2021). Anthropologists discuss the concept of patriarchy and its existence in China. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, no. 2, pp. 147-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/rva/2021.02.10>, <https://elibrary.ru/rfjimpk>
3. Wang H. et al. (2025). Ancient DNA evidence for matrilineal social organization in Neolithic China. *Nature*, vol. 630, pp. 1-8. (In Russ.) <https://doi.org/10.1038/s41586-025-08607-2>
4. Бай Ян. Бай Ян全集. 第1卷: 中国人史纲. 北京: 人民文学出版社, 2010年. 450页. (Bai Yang (2010). *The Complete Works of Bai Yang. Vol. 1: An Outline History of the Chinese People*. Beijing, People's Literature Publishing House, 450 p.). (In Chinese)
5. 张晋藩. 中华法制文明史. 古代卷. 北京: 法律出版社, 2023年. 711页. (Zhang Jinfan (2023). *History of Chinese Legal Civilization: Ancient Volume*. Beijing, Law Press, 711 p.). (In Chinese)
6. Lewis M.E. (1990). *Sanctioned Violence in Early China*. Albany, State University of New York Press, 374 p.
7. Mattison S.M. et al. (2021). Evidence for matrilineal transitions in the Mosuo of Southwest China. *Matrix: A Journal for Matricultural Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 7-12.
8. Walsh E.R. (2005). From Nü Guo to Nü'er Guo: Negotiating Desire in the Land of the Mosuo. *Modern China*, vol. 31, no. 4, pp. 448-486. <https://doi.org/10.1177/0097700405278168>, <https://elibrary.ru/jolbat>
9. Gracheva Yu.A. (2016). Specifics of traditional family and marriage system of Naxi people and Mosuo ethnic group. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and the State in China*, vol. 46, no. 1, pp. 125-148. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsbjnf>
10. Cai Hua. (2001). *A Society Without Fathers or Husbands: The Na of China*. New York, Zone Books, 505 p.
11. Mattison S.M. et al. (2025). Cyclical processing of maternal lineage and parent-child dynamics: the dual family relationship system in the matrilineal Mosuo society. *Current Psychology*, vol. 44, pp. 1793-1804. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-06957-8>, <https://elibrary.ru/eozqvt>
12. Yang Ch. (2025). The myth of Gong and Yu: as a mythological reflection of the transition from matriarchy to patriarchy among the Xia people. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*, no. 3, pp. 1-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.3.72784>, <https://elibrary.ru/kunbkj>
13. Kryukov M.V., Perelomov L.S., Sofronov M.V., Chebokarov N.N. (1978). *Ancient Chinese: Problems of Ethnogenesis*. Moscow, Nauka Publ., 342. (In Russ.)
14. Pines Y. (2012). *The Everlasting Empire: The Political Culture of Ancient China and Its Imperial Legacy*. Princeton, Princeton University Press, 248 p. <https://doi.org/10.1017/S0034670513000211>

Информация об авторе

Панькина Надежда Александровна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, SPIN-код: 3378-0760, РИНЦ AuthorID: 1186876, <https://orcid.org/0000-0002-8082-2113>, Pankina_84@mail.ru

Information about the author

Nadezda A. Pankina, Senior Lecturer, Theory and History of State and Law Department, Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russian Federation, SPIN-code: [3378-0760](#), RSCI AuthorID: [1186876](#), <https://orcid.org/0000-0002-8082-2113>, Pankina_84@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.07.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.924

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-351-361>

EDN WWDMMT

Шифр научной специальности 5.1.2

Машиночитаемое право как новая форма права и правоприменения

Георгий Борисович Романовский¹ , Александр Александрович Фролов²

¹ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Средне-Волжский институт (филиал)

430003, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6

²ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева»

430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, 68

 svi_kaf_uppk@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено влияние автоматизации и цифровизации на трансформацию права как социального института в машиночитаемое право. Цель исследования – подтвердить гипотезу о том, что внедрение технологий машиночитаемого права порождает комплекс правовых, этических и технических рисков, включая дегуманизацию, непрозрачность алгоритмов, размывание ответственности и дискриминацию. Для достижения цели применялись теоретико-правовой, формально-логический и интегративный методы анализа нормативных актов, научной литературы и эмпирических данных по машиночитаемому праву с критической оценкой цифровых систем и рисков дискриминации. В результате выявлены ключевые проблемы: отсутствие стандартов ответственности за решения, принятые цифровыми программными средствами обработки данных, усиление социальных диспропорций, ограниченная прозрачность цифровых систем и необходимость сохранения роли человека в правоприменении. Сформирована систематизация проблем по правовым, этическим и техническим категориям. Разработаны рекомендации по нормативному регулированию, аудиту цифровых систем, формированию этических стандартов и цифровой грамотности юридического сообщества. Область применения результатов охватывает цифровизацию законодательства, правоприменения и контрольной (надзорной) деятельности. Сделан вывод, что машиночитаемое право служит инструментом модернизации правовой системы, повышая эффективность, но требует баланса между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных правовых ценностей для сохранения гуманистической природы права.

Ключевые слова

машиночитаемое право, автоматизация права, цифровизация, алгоритмы, цифровые системы, дискриминация, прозрачность алгоритмов цифровых программ, дегуманизация, правовое регулирование

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

В.Г. Романовский – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, научное руководство. А.А. Фролов – сбор и обработка нормативных документов, анализ фактического материала, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Романовский В.Г. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования

Романовский В.Г., Фролов А.А. Машиночитаемое право как новая форма права и правоприменения // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 351-361. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-351-361>, <https://elibrary.ru/wwwmmt>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-351-361>

EDN WWDMMT

OECD 5.05; ASJC 3308

Machine-readable law as a new form of law and law enforcement

Georgy B. Romanovsky¹ , Aleksander A. Frolov²

¹Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

6 Fedoseyenko St., Saransk, 430003, Russian Federation

²National Research Ogarev Mordovia State University

68 Bolshevik Street, Saransk, 430005, Russian Federation

 svi_kaf_uppk@mail.ru

Abstract

The study examines the impact of automation and digitalization on the transformation of law as a social institution into machine-readable law. The purpose of the study is to confirm the hypothesis that the introduction of machine-readable law technologies generates a complex of legal, ethical and technical risks, including dehumanization, opacity of algorithms, blurring of responsibility and discrimination. To achieve this goal, theoretical-legal, formal-logical and integrative methods of analyzing regulations, scientific literature and empirical data on machine-readable law were applied with a critical assessment of digital systems and the risks of discrimination. As a result, key problems have been identified: lack of standards of responsibility for decisions made by digital data processing software, increasing social disparities, limited transparency of digital systems, and the need to preserve the role of humans in law enforcement. A systematization of problems by legal, ethical and technical categories has been formed. Recommendations on regulatory regulation, audit of digital systems, formation of ethical standards and digital literacy of the legal community have been developed. The scope of the results covers the digitalization of legislation, law enforcement and control (supervisory) activities. It is concluded that machine-readable law serves as a tool for modernizing the legal system, increasing efficiency, but requires a balance between technological progress and the protection of fundamental legal values in order to preserve the humanistic nature of law.

Keywords

machine-readable law, automation of law, digitalization, algorithms, digital systems, discrimination, transparency of digital software algorithms, dehumanization, legal regulation

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

V.G. Romanovsky – research idea and concept, normative documents collection and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, scientific guidance. A.A. Frolov – normative documents collection and processing, factual material analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

Georgy B. Romanovsky is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The authors declare no other conflicts of interest.

For citation

Romanovsky, G.B., & Frolov, A.A. (2026). Machine-readable law as a new form of law and law enforcement. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 351-361. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-351-361>, <https://elibrary.ru/wwwdmmt>

Введение

Процесс системной интеграции алгоритмических решений и сквозных цифровых технологий выступает детерминантой глубокой функциональной трансформации права как базисного социального института. Масштабирование автоматизированных систем в контурах правотворческого и правоприменительного циклов, а также в рамках отправления правосудия инициирует возникновение комплекса системных рисков, дестабилизирующих фундаментальные аксиологические императивы: 1) эквивалентность, 2) процессуальное равенство, 3) транспарентность и 4) юридическую ответственность. Центральной проблемой здесь становится дегуманизация права: роль человека в правовых отношениях размывается, а живое юридическое мышление и толкование смыслов замещаются жесткими математическими алгоритмами.

В рамках указанной трансформации обнаруживается критический онтологический разрыв между естественным языком правовых дефиниций и формализованной логикой бинарного кода. Если классическая юридическая герменевтика опирается на многозначность, контекстуальность и гибкость интерпретации норм, то алгоритмизация требует абсолютной семантической однозначности и жесткой логической детерминации. Подобная редукция правовых смыслов к исполняемому коду неизбежно ведет к потере «духа закона» в угоду технической эффективности, превращая правоприменение из акта интеллектуального усмотрения в процесс механической обработки данных.

Сформулированный выше тезис логически подводит нас к вопросу о границах алгоритмизации: следует ли нам признать существование «невычислимых» зон права, где человеческая интуиция и этический выбор являются незаменимыми?

Специфическим фокусом исследования выступает генезис технологий машиночитаемого права – концепции, предполагающей глубокую имплементацию юридических норм в архитектуру программных комплексов. Подобная конвергенция обуславливает усложнение правовой системы и возникновение феномена гибридной нормативности, при которой текстовые формы и цифровые алгоритмы сосуществуют в едином правовом пространстве. Данный дуализм генерирует угрозы для принципа правовой определенности, поскольку алгоритмическая логика программных систем может входить в диссонанс с исходной волей законодателя, допуская интерпретации, не верифицированные в рамках классического правотворческого процесса.

Критически важным аспектом является непрозрачность алгоритмов цифровых систем по принципу «черного ящика», что препятствует контролю их работы. Кроме того, алгоритмы цифровых систем, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующие социальные и правовые диспропорции [1, с. 16], что ведет к дискриминации.

Современное состояние российской правоприменительной практики характеризуется дефицитом верифицированных стандартов регулирования алгоритмических сис-

тем, отсутствием легитимных механизмов распределения ответственности между разработчиками и субъектами эксплуатации, а также неразработанностью императивов транспарентности и верифицируемости принимаемых решений. Данный правовой вакуум детерминирует рост юридической неопределенности и провоцирует недоверие общества к институтам правосудия и государственного управления, функционирующим в условиях имплементации машиночитаемого права и нейросетевых технологий.

Цель исследования

Целью настоящего исследования является комплексный анализ негативных последствий автоматизации права, выявление ключевых правовых, этических и технических рисков, а также разработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в условиях растущего влияния автоматизированных систем на правовую сферу. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: а) проанализировать трансформацию правовых принципов под влиянием развивающихся технологий машиночитаемого права; б) выявить основные риски дискриминации и нарушения прав человека при использовании алгоритмов цифровых систем; в) оценить уровень прозрачности и подотчетности алгоритмов цифровых систем в правоприменительной практике; г) предложить направления нормативного и институционального регулирования для обеспечения баланса между технологической эффективностью и сохранением гуманистических основ права.

Исследование опирается на анализ научной литературы, нормативных актов и международной практики.

Ограничения исследования

Настоящее исследование опирается преимущественно на анализ научной литературы и концептуальных доктрин, что ограничивает эмпирическую базу. Отсутствуют данные о масштабах внедрения алгоритмических систем в российские суды и контролирующие органы. Кроме того, многие алгоритмы цифровых систем обработки данных являются проприетарными, что затрудняет их независимую оценку и проверку на наличие предвзятости. Исследование не охватывает все сферы применения ИИ в

праве, фокусируясь на общих правовых и этических вызовах, а не на отраслевых особенностях.

Методы

Исследование основано на теоретико-правовом, формально-логическом и интегративном подходах к анализу источников права, нормативных актов, концептуальных доктрин, а также эмпирических данных по примеру машиночитаемого права. Были использованы методы анализа и синтеза, сопоставления, юридического прогнозирования, а также критического обзора российской и международной литературы по вопросам алгоритмизации права. Для выявления рисков дискриминации применялся анализ обучающих данных алгоритмов, оценка соблюдения юридических и этических стандартов, прозрачности и воспроизводимости решений.

Обсуждение. Результаты исследования

В современной доктрине превалирует инструментальный подход, в рамках которого цифровизация юриспруденции интерпретируется как поэтапная интеграция автоматизированных систем и сквозных технологий в контуры правотворческого, правоприменительного и консультативного циклов [2]. Однако указанная технологическая экспансия, наряду с очевидной интенсификацией юридических процессов, детерминирует ряд существенных экстерналий, трансформирующих функциональную природу права как фундаментального регулятора общественных отношений и базисного социального института.

Влияние цифровизации на право является системным и многоаспектным явлением, которое затрагивает как формальную определенность права, так и его принципы, модели правотворчества, правового регулирования, технологию и методологию толкования права. Можно говорить о том, что процесс цифровизации является причиной появления машиночитаемого права – гибрида права и цифровых решений¹, которое, в свою очередь, оказывает влияние на правописание и трансформирует традицион-

¹ Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 12.

ную форму юридических норм путем их интеграции в программные и технические комплексы.

Так, например, по мнению Р.В. Амелина и С.Е. Чаннова, эволюционные изменения в праве, вызванные цифровыми технологиями, уже достигли критической стадии трансформации. На этом этапе фундаментальные основы права, такие как его источники и механизмы реализации, подвергаются значительным изменениям [3, с. 2].

Вместе с тем все более очевидным становится, что не все юридические факты, с которыми связаны возникновение, изменение и прекращение правоотношений, носят дискретный характер, в силу чего они обладают низким потенциалом к автоматизации [4], без существенной потери аналогового содержания.

Основные последствия такой гибридации права, как социального регулятора общественных отношений, включают в себя:

- усложнение архитектуры права с параллельным сосуществованием машиночитаемого и текстуально (традиционно) выраженного права;
- появление новых формально-юридических источников, включая программные комплексы с машиночитаемыми нормами;
- необходимость упрощения содержания правовых норм в процессе их проектирования для перевода в алгоритмы;
- появление необходимости формирования формального алгоритмического способа толкования машиночитаемых правовых норм;
- непрозрачность создания и реализации алгоритмов;
- изменение требований к компетентности субъектов правоприменения.

Таким образом, развивающиеся технологии машиночитаемого права, создавая систему права, где юридические нормы интегрируются в программные комплексы, одновременно с этим усложняют существующую (традиционную) архитектуру права, тем самым порождая параллельное существование текстовых и цифровых норм.

В настоящее время Проблема развития технологий машиночитаемого права рассматривается не только в научной среде, но

и на государственном уровне. Так, в 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15 сентября 2021 г. № 31) утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права². Концепция выделяет снижение зависимости контрольных (надзорных) мероприятий от человеческого фактора как одно из ключевых преимуществ внедрения машиночитаемого права. По мнению авторов концепции это также способствует уменьшению затрат на оценку соблюдения обязательных норм.

В указанной концепции перечислены основные направления использования технологий машиночитаемого права, включая контрольно-надзорную деятельность, стандартизацию и сертификацию, а также заключение сделок в машиночитаемом формате. Эти сферы, с точки зрения ее разработчиков, считаются наиболее подходящими для применения таких технологий, и в них уже достигнуты определенные успехи.

Концепция также рассматривает существующие и потенциальные риски, связанные с внедрением машиночитаемого права, и оценивает их уровень безопасности. Выделены два основных риска: автоматическое исполнение правовых норм, сформулированных на формальном языке, включая случаи изменения норм, выраженных на естественном языке, а также возможная неверная квалификация событий из-за уменьшения участия человека в правоприменении и сложности перевода принципов в машиночитаемый формат. При этом последний риск является неизбежным, поскольку справедливость – свойство человека, а не машины [5, с. 62]. Этот фактор, по нашему мнению, должен определять границы применения машиночитаемого права. В ситуациях, где требуется оценка разумности, добросовестности и справедливости, оно выполняет

² Концепция развития технологий машиночитаемого права, утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 // СПС Консультант Плюс.

вспомогательные функции. Перевод права в машиночитаемую форму имеет ограничения, но он уже эффективен в анализе правоприменительной практики и выявлении противоречий.

Следует согласиться с разработчиками Концепции в том, что технологии машиночитаемого права имеют наибольший потенциал в контрольной (надзорной) деятельности. Самый простой и наглядный пример – штрафы за нарушения ПДД, которые начисляются автоматически, а документы подписываются уполномоченными лицами. Это обеспечивает объективность при выявлении правонарушений. Также большой потенциал технологии машиночитаемого права имеют в автоматизации мониторинга, сокращении проверок и дистанционном сборе данных при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности в рамках 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Считаем необходимым отметить, что, по нашему мнению, разделяемому далеко не всеми исследователями в данной сфере, технологии машиночитаемого права не меняют и не должны менять сущность, цели или содержание права, но трансформируют его внешнее выражение и способ применения. В связи с чем предлагаем рассматривать машиночитаемое право, как новую форму права, способ представления уже существующих правовых норм в формализованной, структурированной и доступной для автоматизированной обработки форме, а технологии машиночитаемого права – как новую форму его реализации. Вместо традиционного текста на естественном языке, подлежащего интерпретации человеком, нормы кодируются на формальном языке (например, языке разметки или программирования), что позволяет машинам их «читать», анализировать и применять. Такой подход, как уже было отмечено, предполагает использование онтологий – формальных описаний правовых понятий, субъектов, объектов и связей между ними – для обеспечения логической согласованности и машинной интерпретируемости [6, с. 29].

Право не может существовать вне ценностных характеристик. Аксиологическая база включает в себя такие принципы, как

гуманизм, справедливость, добросовестность, разумность, которые не могут потерять свою сущность при внедрении машиночитаемого права. Юридическое многообразие нельзя вместить в математическую формулу, даже если она будет понятной и открытой. В этой части нельзя рассматривать машиночитаемое право как полную замену существующей нормативной системы, его задача – принятие на себя решения рутинных задач, которых значительное количество в любой общественной (а значит, и юридической) деятельности. А.А. Перевозкин указывает на основную прерогативу машиночитаемого права – повышение определенности и предсказуемости юридических процедур, но при этом вне замены субъекта, их реализующих [7, с. 34-35]. Инструментальная природа данной инновации подтверждается ее неспособностью к аутентичной интерпретации оценочных понятий, требующих этической рефлексии и мировоззренческого выбора, что фиксирует границы автоматизации исключительно в плоскости формально-логических операций.

Таким образом, технологию машиночитаемого права следует квалифицировать как форму инструментальной модернизации правовой системы, обусловленную необходимостью адаптации классических юридических институтов к условиям цифровой экосистемы. Сохраняя содержательную преемственность, данная технология обеспечивает конвергенцию правовой материи в технологически совместимые форматы, что способствует интенсификации правоприменения, минимизации транзакционных издержек и повышению открытости юридических процедур. Наиболее выраженный прагматический потенциал машиночитаемого права локализован в сфере автоматизированного мониторинга, оптимизации контрольно-надзорной деятельности и дистанционной верификации данных. Тем не менее, в ситуациях, апеллирующих к категориям разумности, добросовестности и справедливости, обнаруживаются неустранимые пределы алгоритмизации, что предопределяет исключительно субсидиарный (вспомогательный) характер данной технологии в структуре правового регулирования.

Прежде чем продолжить исследование влияния технологий машиночитаемого права на правовую систему, считаем необходимым отметить, что используемый авторами настоящего исследования подход к определению машиночитаемого права далеко не единственный. В научных исследованиях представлено множество определений термина «машиночитаемое право», есть свое определение и в Концепции развития технологий машиночитаемого права, что в целом связано с попытками интерпретации данного понятия с различных позиций. В частности, оно может рассматриваться как область научного знания, методологический подход, система нормативных предписаний или способ формализации законодательных актов в виде, пригодном для обработки компьютерными системами. Так, по мнению Н.Ф. Порываевой, машиночитаемое право представляет собой гибрид права и современных алгоритмов³, что, на наш взгляд, является не вполне удачной формулировкой, поскольку, машиночитаемое право – это не только переведенная на формальный язык машиночитаемого права онтология, но также и технологии реализации правоприменения машиночитаемого права, которые в настоящее время определены через общепринятое и нормативно закрепленное понятие – цифровизация⁴.

Кроме того алгоритм, как понятие само по себе достаточно емкое и неоднозначное, в связи с чем всегда присутствует необходимость уточнять конкретное значения данного понятия применительно к его использованию. Так, алгоритм (от лат. написания арабского имени аль-Хорезми– *Algorithmi*) есть инструкция, точное описание способа действия с использованием простых, общепонятных элементов (в том числе правил)⁵.

³ Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022.

⁴ Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 // СПС Консультант Плюс.

⁵ Семенов А. Л. Алгоритм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 10.08.2022. URL: <https://bigenc.ru/c/algorithm-ee5b00/?v=4523149> (дата обращения: 03.04.2026).

Это приводит нас к тому, что традиционная правовая структура и содержание правовой нормы по своей сути также представляет собой алгоритм, только не современный, что, безусловно, по крайней мере для целей нашего исследования, создает определенную смысловую запутанность.

По сути, заложенной автором в определение машиночитаемого права – оно представляет собой процесс цифровизации права, то есть перевод права из традиционной (аналоговой) формы в цифровую, за счет чего, собственно, и обеспечивается машиночитаемость права, а также осуществление процесса правоприменения в цифровой среде.

Это означает предпочтительность определения машиночитаемого права, как процесс, представляющий собой совокупность двух компонентов – перевод традиционной формы права в машиночитаемую (цифровую) форму и реализацию в цифровой среде правоприменения.

Анализируя вызовы, которые ставят перед традиционной системой права технологии машиночитаемого права, следует отметить, что далеко не все правовые нормы могут быть автоматизированы. Это в первую очередь касается двух категорий норм – норм, требующих субъективной оценки, а также норм-принципов. Нормы, требующие субъективной оценки, часто регулируют правоотношения, где необходима оценка явлений участниками этих отношений, например, в случае необходимой обороны как обстоятельства, исключающего юридическую ответственность. Нормы-принципы, в свою очередь, имеют широкую формулировку и могут быть интерпретированы по-разному, что также требует субъективного восприятия и анализа. Типичный пример – большинство норм Конституции Российской Федерации.

Значительный массив нормативных предписаний оперирует оценочными категориями (такими как «существенный вред», «разумный срок» или «значительный ущерб»), семантический объем которых традиционно детерминирован через призму профессионального усмотрения правоприменителя в конкретном контексте. В текущих технологических реалиях представляется маловероятным, что существующие сис-

темы алгоритмизации способны к адекватной верификации и интерпретации подобных дефиниций, обладающих высокой степенью контекстуальной зависимости и ценностной нагрузки. Учитывая ригидность бинарной логики, автоматизированная обработка таких норм без участия субъекта права сопряжена с риском формалистических искажений, что обуславливает императивную необходимость сохранения антропоцентрического контроля и обеспечения механизмов человеческого участия (за рубежом выработан специальный термин – “human-in-the-loop”) для верификации юридически значимых решений.

Существенным вызовом «машинизации» права, по мнению некоторых ученых, является то, что она способствует укреплению исполнительной ветви власти, расширению ее полномочий за счет делегирования нормотворчества приказам, положениям, регламентам, поскольку в условиях динамично меняющейся социальной среды, в том числе и за счет процессов цифровизации, законодательная и судебная власть не способны оперативно реагировать на изменения в сфере регулирования и обеспечивать требующуюся мобильность управления, в связи с чем машинизация права способствует концентрации законодательных и правоприменительных полномочий у исполнительной ветви власти [8, с. 32].

Считаем, что тотальное внедрение технологий машиночитаемого права потребует пересмотра базовых доктринальных категорий юриспруденции: что такое субъект права, правосубъектность, сфера и пределы правового регулирования. В связи с чем велик риск подмены права техническим регулированием, где формальная логика алгоритмов цифровых систем заменяет морально-этические и социальные основания права.

В обобщенном виде фундаментальный риск экстенсивного развития технологий машиночитаемого права заключается в девальвации права как специфического социального регулятора и его переходе к сугубо техническому инструментарию, лишенному аксиологической гибкости и гуманистического содержания. К наиболее существенным негативным рискам данного процесса следует отнести: а) дегуманизацию правовой

среды, выражающуюся в эрозии субъектности человека и игнорировании антропоцентрических ценностей; б) технизацию и гиперформализацию регулятивных нормативов, подменяющих правовой дух алгоритмической буквой; в) проблему «черного ящика», обусловленную непрозрачностью proprietарных алгоритмов и отсутствием их публичной верифицируемости; г) риски алгоритмической дискриминации и уязвимость перед комплексными киберугрозами [9]; д) цифровой барьер, ограничивающий реализацию законных интересов социально уязвимых групп населения в условиях принудительной цифровизации правового пространства [10].

Оценка рисков дискриминации, возникающих в процессе функционирования алгоритмических систем, требует внедрения комплексного системного подхода. Это обусловлено тем, что программные решения, базирующиеся на технологиях машинного обучения, функционируют в рамках вероятностных парадигм и способны к латентному усилению косвенной дискриминации. Подобная непреднамеренная дискриминация часто детерминирована смещениями в обучающих выборках данных, что в условиях автоматизации юридических процедур может приводить к систематическому нарушению принципа равенства без явного намерения со стороны разработчика или пользователя системы.

Заключение

Дальнейшее развитие машиночитаемого права возможно, в самое ближайшее время потребует пересмотра базовых доктринальных категорий: субъектов права, института ответственности, способов толкования [11, с. 93]. Принципы гласности, справедливости и равенства становятся уязвимыми из-за закрытости программных алгоритмов и отсутствия прозрачности процедур. В связи с чем баланс между технической эффективностью и сохранением фундаментальных правовых ценностей становится ключевой задачей современного правоприменения.

Анализ результатов проведенного исследования обуславливает формулирование следующих практико-ориентированных рекомендаций. В целях минимизации выявленных рисков и обеспечения гармоничного

развития правовой среды представляется необходимым осуществление следующего комплекса мероприятий:

- институционализация нормативных стандартов – разработка и принятие федерального законодательного акта, регламентирующего архитектуру и порядок применения технологий машиночитаемого права (включая системы на базе искусственного интеллекта);

- приоритетной задачей является легальное закрепление субъектной ответственности за юридически значимые решения, генерируемые программными комплексами;

- верификация открытости приводит к необходимости нормативного внедрения процедур обязательного независимого аудита алгоритмических решений и установлению императива публичности ключевых параметров функционирования цифровых систем для обеспечения общественного контроля;

- формирование деонтологических императивов означает разработку междисциплинарных этических кодексов, устанавливающих профессиональные стандарты поведения для юристов, судей и разработчиков в условиях цифрового правового взаимодействия;

- фиксируется трансформация образовательной парадигмы, что детерминирует модернизацию юридических учебных планов посредством интеграции специализированных дисциплин, сфокусированных на цифровом праве, алгоритмической этике и методологии анализа данных;

- расширение практики применения регуляторных «песочниц» (в рамках экспериментальных правовых режимов) для тестирования прототипов машиночитаемого права в контролируемой среде.

Реализация предлагаемых мер приведет к снижению основных рисков, вытекающих из развития инновационных технологий. В то же время абсолютное полагание, что машиночитаемое право возьмет на себя решение всех проблем и социальных задач, связанных с применением закона, не имеет под собой четкого обоснования, хотя и предлагается некоторыми представителями технологических компаний, наиболее заинтересованными в распространении информацион-

но-коммуникационных технологий и переводу любых видов общественного взаимодействия в цифровое пространство. Любая национальная юридическая система строится не только на просчитываемых параметрах, которые как раз можно уместить в алгоритм (зачастую не самый сложный), но на определенной ценностной основе. К тому же есть и иная сторона: право само должно адаптироваться к технологическим изменениям. Отставание закона от инноваций и прогресса – глобальная тенденция, которая фиксируется в большинстве стран мира. Разработана специальная концепция технологического детерминизма, предполагающая вторичность права, главная задача которого заключается лишь в реагировании на складывающиеся отношения под влиянием новых изобретений. В таких реалиях машиночитаемое право может рассматриваться как еще один дополнительный элемент, подчеркивающий такую расстановку приоритетов.

При обозначенных рисках необходимо рассматривать Концепцию развития технологий машиночитаемого права как часть общей тенденции цифровизации государственного управления. Необходимо понимать, что этот тренд приводит к переформатированию многих устоявшихся институтов: государство и право здесь не исключения. Цифровое государство не стоит рассматривать как традиционную систему социального взаимодействия только с набором электронных устройств. Цифровое государство – новый проект социального общежития, в котором преобразования настолько изменяют всю привычную систему, что во многих работах подчеркивается возможность внегосударственного существования, где роль государственного служащего, как основного агента государства, будет выполняться алгоритмом. Приведенная футурология до настоящего времени является лишь плодом академических раздумий, хотя и приобретающих некоторую популярность, но при этом необходимо оценивать и практические сложности воплощения идеи машиночитаемого права: определение тождества перевода текста в цифровой код, пределы автоматизации норм-принципов и оценочных категорий, обратная связь машиночитаемого права с его текстуальным воплощением. Указан-

ные моменты затрудняют внедрение новых цифровых технологий в процесс принятия

юридических решений, что на современном этапе выглядит вполне оптимальным.

Список источников

1. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 4-27. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>, <https://elibrary.ru/pwepsj>
2. Романовская О.В. Публично-правовые основы цифровой трансформации судебной системы «Умный суд» (опыт Китая) // Российский судья. 2024. № 6. С. 55-60. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2024-6-55-60>, <https://elibrary.ru/mdkvsj>
3. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. 280 с. <https://doi.org/10.12737/2007816>
4. Фролов А.А. О важности аналогового компонента в концепции цифрового государства // Административное право и процесс. 2025. № 9. С. 52-55. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-9-52-55>, <https://elibrary.ru/hgorkb>
5. Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. и др. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. 352 с. <https://elibrary.ru/sphrbh>
6. Агibalова Е.Н., Высогурская Т.В. Машиночитаемое право: актуальные вопросы автоматизации права в правовой системе Российской Федерации // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 4. С. 27-37. <https://elibrary.ru/yuaqkp>
7. Перевозкин А.А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 22-37. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037>, <https://elibrary.ru/yfemky>
8. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор). Москва: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2023. 232 с. <https://elibrary.ru/ehwzrh>
9. Талапина Э.В. Дискриминационный потенциал алгоритмов // Административное право и процесс. 2025. № 2. С. 55-58. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-2-55-58>, <https://elibrary.ru/vyfmecc>
10. Попова Н.Н. Правосознание в условиях формирования цифрового общества // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). С. 34-39. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.46.2.03>, <https://elibrary.ru/wpqnsu>
11. Порываева Н.Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5. С. 90-95. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.5.15>, <https://elibrary.ru/gepuno>

References

1. Talapina E.V. (2022). Artificial intelligence processing and risks of discrimination. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 1, pp. 4-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>, <https://elibrary.ru/pwepsj>
2. Romanovskaya O.V. (2024). Public law fundamentals of the digital transformation of the smart court judicial system (Chinese experience). *Rossiiskii sud'ya = The Russian Judge*, no. 6, pp. 55-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2024-6-55-60>, <https://elibrary.ru/mdkvsj>
3. Amelin R.V., Channov S.E. (2023). *The evolution of law under the influence of digital technologies*. Moscow, NORMA Publ., 280 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2007816>
4. Frolov A.A. (2025). On importance of the analog component in the digital state concept. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 9, pp. 52-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-9-52-55>, <https://elibrary.ru/hgorkb>
5. Volkova N.S., Efremov A.A., Zyryanov S.M. et al. (2024). *The state, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information sphere*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 352 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sphrbh>
6. Agibalova E.N., Vysogurskaya T.V. (2021). Machine-readable law: topical issues of automation of law in the legal system of the Russian Federation. *Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy = Journal of Legal Research*, vol. 6, no. 4, pp. 27-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yuaqkp>
7. Perevozkin A.A. (2024). Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 19, no. 8, pp. 22-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037>, <https://elibrary.ru/yfemky>

8. Zyryanov S.M. (2023). *Inspections as a stage of regulation*. Moscow, Kontrakt Law Firm Publ., 232 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ehwzrh>
9. Talapina E.V. (2025). The discriminatory potential of algorithms. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, no. 2, pp. 55-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-2-55-58>, <https://elibrary.ru/vyfmec>
10. Popova N.N. (2022). Legal awareness in the context of the formation of digital society. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 2 (46), pp. 34-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.46.2.03>, <https://elibrary.ru/wpqnsu>
11. Poryvaeva N.F. (2021). Algorithms and Law. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, no. 5, pp. 90-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.5.15>, <https://elibrary.ru/gepuno>

Информация об авторах

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал), г. Саранск, Российская Федерация, SPIN-код: [2791-8376](#), РИНЦ AuthorID: [422344](#), ResearcherID: [S-7012-2016](#), Scopus Author ID: [57191983029](#), <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, svi_kaf_uppk@mail.ru

Фролов Александр Александрович, аспирант, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; руководитель юридической службы АО «Орбита», г. Саранск, Российская Федерация, SPIN-код: [3651-0513](#), РИНЦ AuthorID: [1269416](#), ResearcherID: [PMF-9567-2026](#), <https://orcid.org/0009-0008-7131-1785>, afrolov77@yandex.ru

Information about the authors

Georgy B. Romanovsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation, SPIN-code: [2791-8376](#), RSCI AuthorID: [422344](#), ResearcherID: [S-7012-2016](#), Scopus Author ID: [57191983029](#), <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, svi_kaf_uppk@mail.ru

Aleksander A. Frolov, Post-Graduate student, National Research Ogarev Mordovian State University; Head of the Legal Service of Joint-Stock Company “Orbita”, Saransk, Russian Federation, SPIN-code: [3651-0513](#), RSCI AuthorID: [1269416](#), ResearcherID: [PMF-9567-2026](#), <https://orcid.org/0009-0008-7131-1785>, afrolov77@yandex.ru

Для контактов:

Романовский Георгий Борисович
svi_kaf_uppk@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 29.07.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 328.185

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>

EDN BGGARW

Шифр научной специальности 5.1.2

Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса: природа, ограничения и контроль

Наталья Витальевна Ковалева^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

109542, Российская Федерация, г. Москва, просп. Рязанский, 99

²ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

 doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию конфликта интересов как самостоятельного элемента системы антикоррупционного комплаенса и одного из наиболее значимых правовых инструментов раннего предупреждения коррупционных рисков. Рассмотрена легальная конструкция конфликта интересов, закрепленная в российском законодательстве, раскрыто содержание категории личной заинтересованности, проанализированы ограничения, обязанности и процедуры, направленные на предотвращение и урегулирование подобных ситуаций. Особое внимание уделено соотношению нормативного регулирования и внутренних механизмов контроля в организации, включая порядок уведомления, документирование, внутреннюю проверку, самоотвод, изменение должностного положения и иные меры, способные исключить влияние частного интереса на принимаемое решение. Показано, что практическая эффективность антикоррупционного комплаенса определяется не только наличием формальных запретов, но и качеством локальных актов, встроенностью контрольных процедур в кадровые, закупочные и договорные процессы, а также возможностью последующей проверки добросовестности действий организации. Отдельно исследована связь конфликта интересов с корпоративно-правовыми механизмами, прежде всего со сделками, в совершении которых имеется заинтересованность, и с судебными подходами к оценке нераскрытой заинтересованности руководителя. Обоснован вывод о том, что конфликт интересов следует рассматривать как особый правовой режим контроля, а развитие процедур его выявления и урегулирования имеет ключевое значение для совершенствования современной антикоррупционной политики.

Ключевые слова

конфликт интересов, антикоррупционный комплаенс, личная заинтересованность, внутренний контроль, предупреждение коррупции, сделки с заинтересованностью

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Н.В. Ковалева – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ковалева Н.В. Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса: природа, ограничения и контроль // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 362-371. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>, <https://elibrary.ru/bggarw>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>

EDN BGGARW

OECD 5.05; ASJC 3308

Conflict of interest in anti-corruption compliance: nature, restrictions, and control

Natalya V. Kovaleva^{1,2}

¹State University of Management

99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskiy St., Moscow, 125993, Russian Federation

 doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract

The conflict of interest is studied as an independent element of the anti-corruption compliance system and one of the most significant legal instruments for early prevention of corruption risks. The legal construction of a conflict of interest, fixed in Russian legislation, is examined, the content of the category of personal interest is revealed, restrictions, duties and procedures aimed at preventing and resolving such situations are analyzed. Special attention is paid to the relationship between regulatory regulation and internal control mechanisms in the organization, including the notification procedure, documentation, internal audit, recusal, change of official position and other measures that can exclude the influence of private interest on the decision. It is shown that the practical effectiveness of anti-corruption compliance is determined not only by the presence of formal prohibitions, but also by the quality of local acts, the integration of control procedures into personnel, procurement and contractual processes, as well as the possibility of subsequent verification of the integrity of the organization's actions. Separately, the relationship of conflict of interest with corporate legal mechanisms, primarily with related-party transactions and with judicial approaches to assessing the undisclosed interest of the head, is investigated. The conclusion is substantiated that conflict of interest should be considered as a special legal control regime, and the development of procedures for its identification and resolution is of key importance for improving modern anti-corruption policy.

Keywords

conflict of interest, anti-corruption compliance, personal interest, internal control, corruption prevention, related party transactions

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

N.V. Kovaleva – formulation of research ideas and concepts, collection and analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflicts of interest.

For citation

Kovaleva, N.V. (2026). Conflict of interest in anti-corruption compliance: nature, restrictions, and control. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 362-371. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-362-371>, <https://elibrary.ru/bggarw>

Введение

Коррупционный риск в современной организации все чаще возникает на стадии подготовки решения, распределения полномочий, выбора контрагента, согласования платежа или доступа к информации. Именно поэтому конфликт интересов занимает центральное место в антикоррупционном комплаенсе. Через него право и внутриорганизационный контроль получают возможность воздействовать на ситуацию до совершения правонарушения, когда личная заинтересованность уже способна исказить объективность, но еще поддается выявлению, фиксации и управленческому урегулированию.

В исследовании были использованы как общенаучные, так и специальные юридические методы. Формально-юридический метод в определенной мере позволил интерпретировать положения нормативных правовых актов, где установлены признаки конфликта интересов. Системно-структурный подход способствовал анализу понятийных конструкций в исследуемой сфере общественных отношений. В необходимой мере был применен и междотраслевой подход, учитывая, что конфликт интересов может возникать в правоотношениях, упорядочиваемых нормами из различных отраслей законодательства. Нормативный метод применен при анализе существующих источников права, где на законодательном уровне установлены критерии, позволяющие идентифицировать условия возникновения конфликта интересов.

Обсуждение. Результаты исследования

Легальная конструкция конфликта интересов в российском праве строится как категория предупредительного характера. В статье 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее по тексту – Закон о противодействии коррупции) он определяется через ситуацию, при которой личная заинтересованность, прямая или косвенная, влияет либо может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей¹. Формула «мо-

жет повлиять» показывает, что законодатель связывает правовое значение не только с реальным и доказанным искажением решения, но и с риском такого искажения. В научной литературе обращается внимание и на то, что действующее легальное определение конфликта интересов сохраняет высокую степень оценочности, из-за чего его применение требует дополнительных ориентиров для правоприменителя [1; 2]. По этой причине конфликт интересов следует рассматривать как самостоятельный объект антикоррупционного регулирования [3].

Правовое значение имеет также конфигурация связей, через которые принятое решение может принести преимущество заинтересованному лицу или связанным с ним субъектам. Статья 10 Закона о противодействии коррупции раскрывает личную заинтересованность через возможность получения доходов, имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод самим лицом, его близкими родственниками, а также гражданами или организациями, с которыми оно связано имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. Для антикоррупционного комплаенса это означает, что предметом контроля выступает как собственное участие работника в сделке, так и косвенные каналы влияния, при которых формальный выгодоприобретатель находится за пределами должностной позиции.

Эта конструкция позволяет сделать прикладной вывод, что внутренние процедуры не могут ограничиваться проверкой только прямой аффилированности. Они должны охватывать ситуации, в которых решение улучшает положение лица, связанного с работником семейными, корпоративными, имущественными или иными устойчивыми отношениями. Такой подход соответствует и логике методических материалов Минтруда России, где конфликт интересов рассматривается как оценочная категория, требующая анализа конкретной ситуации, а не формального сопоставления должности и статус-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «Консультант

Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

са лица². Далее эти рекомендации будут неоднократно упоминаться.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Дополнительную определенность в понимание пределов конфликта интересов внес Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 26 декабря 2025 г. № 51-П. Суд указал, что законодательство допускает неисчерпывающий перечень мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, а оценка конкретной ситуации должна учитывать характер полномочий, способ участия лица в принятии решения и иные значимые обстоятельства. Тем самым был подтвержден профилактический характер института и одновременно обозначена недопустимость его механического применения³.

В большинстве случаев совершенное коррупционное правонарушение предполагает ретроспективную оценку деяния и применение санкции. Конфликт интересов относится к иной плоскости: он фиксирует состояние повышенной уязвимости решения, при котором личная, семейная, имущественная, корпоративная либо иная близкая связь получает значение для служебного усмотрения [4]. Поэтому в центре внимания оказываются в том числе такие процедуры, как уведомление, проверка, отвод, передача контроля другому должностному лицу, документирование принятых мер. Институт конфликта интересов находится на стыке правовых и этических регуляторов, однако его практическая ценность раскрывается именно там, где этика получает процедурную форму и становится проверяемой по документам [5].

Российская модель предупреждения конфликта интересов опирается на не-

сколько взаимосвязанных блоков ограничений. *Первый* связан с прозрачностью имущественного положения. Статья 8 Закона о противодействии коррупции закрепляет обязанность представления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Этот механизм дополняется контролем расходов по Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ, что позволяет сопоставлять формально представленные сведения с реальным имущественным профилем лица⁴. *Второй блок* выражен в специальных запретах, включая установленный статьей 7.1 Закона о противодействии коррупции запрет для определенных категорий лиц иметь счета и иностранные финансовые инструменты за пределами Российской Федерации. *Третий блок* составляют постслужебные ограничения, предусмотренные статьей 12 Закона о противодействии коррупции. Они направлены на предотвращение ситуаций, при которых лицо, завершившее исполнение публичных полномочий, использует полученные служебные связи, информацию или влияние для извлечения частной выгоды при трудоустройстве в организациях, деятельность которых была связана с его прежними полномочиями.

Ограничения, адресованные субъекту конфликта интересов, приобретают практическое значение только в сочетании с процедурой их выявления [6]. Статья 11 Закона о противодействии коррупции возлагает на лицо, указанное в части 1 статьи 10, две самостоятельные обязанности: принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и уведомлять представителя нанимателя, работодателя либо иное уполномоченное лицо о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения сразу после того, как об этом стало известно. Норма прямо учитывает и специальные порядки, действующие в Банке России, государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, государственных внебюджетных фондах и иных организациях, созданных

² О Методических рекомендациях по вопросам организации антикоррупционной работы: Письмо Минтруда России от 17.06.2019 № 18-2/10/В-4646 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2025 № 51-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и законодательства о местном самоуправлении» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁴ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

Российской Федерацией на основании федеральных законов. Это показывает, что процедурная модель конфликта интересов все отчетливее распространяется за пределы классической государственной службы.

Соответствующая обязанность возникает и у работодателя либо иного уполномоченного субъекта. Если им стало известно о личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, они обязаны принять меры по его предотвращению или урегулированию. Закон прямо называет изменение должностного или служебного положения, отстранение от исполнения обязанностей, отказ от выгоды, отвод и самоотвод, но не ограничивается только этими вариантами. Как уже отмечалось, Конституционный Суд в Постановлении № 51-П указал на неисчерпывающий характер такого перечня. Для комплаенса это означает, что значение имеет не формальное следование универсальной модели реагирования, а применение меры, которая в конкретной организационной ситуации действительно устраняет влияние заинтересованности на принимаемое решение.

Конфликт интересов и институт утраты доверия

Именно на этой стадии конфликт интересов получает правовое продолжение в институте утраты доверия. Непринятие должностным лицом мер по его предотвращению или урегулированию является основанием для увольнения в предусмотренных законом случаях, при этом сведения о таком лице включаются в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, порядок ведения которого установлен постановлением Правительства РФ от 5 марта 2018 г. № 228⁵. Реестр выполняет не только учетную, но и контрольную функцию: кадровое решение получает значение для последующих проверок и оценок благонадежности при новом назначении. В правовом смысле это означает, что неурегулированный конфликт интересов рассматривается как длительный негативный юридический факт. Существенное организаци-

онное значение в этой системе сохраняет и Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 368, определяющий полномочия Управления делами Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции⁶.

Нормативная конструкция еще не в полной мере устранила всех проблем правоприменения. Сохраняются сложности толкования круга лиц, обязанных принимать меры по предотвращению конфликта интересов, трудности доказывания косвенной и нематериальной заинтересованности, а также необходимость более точной работы с категориями близких связей и мнимого конфликта интересов [7]. Для комплаенса эта проблема имеет прикладной характер, так как чрезмерно абстрактная формула ослабляет качество внутренней проверки, а слишком узкая оставляет вне контроля значимую часть реальных рисков, связанных с дружескими, семейными и корпоративными связями.

Предупреждение конфликта интересов становится эффективным только тогда, когда у организации существует понятный алгоритм действий с момента появления риска [8]. Статья 11 Закона о противодействии коррупции исходит из обязанности лица принимать меры по недопущению конфликта интересов и уведомлять о возникшей либо потенциальной ситуации сразу после того, как она стала ему известна. Закон допускает разные способы урегулирования, включая изменение должностного или служебного положения, отстранение от исполнения обязанностей, отказ от выгоды, а также иные меры, позволяющие исключить влияние личного интереса на принимаемое решение.

Роль локальных нормативных правовых актов

В этой связи ключевое значение приобретают локальные нормативные правовые акты. Политика по конфликту интересов должна описывать круг типовых ситуаций, порядок раскрытия сведений, критерии су-

⁵ О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2018 № 228 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁶ Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 № 368 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

щественности связи, правила самоотвода, уровни эскалации и требования к документированию. Недостаточно закрепить абстрактную обязанность сообщать о конфликте интересов – необходимо определить, кому именно сообщается информация, в какой форме она проверяется, кто принимает итоговое решение и каким образом оно фиксируется. Без этой процессуальной части антикоррупционный комплаенс утрачивает доказуемость и превращается в декларацию добросовестности. Неопределенность критериев объективности и беспристрастности усиливает значение профилактических мер внутри организации, включая обучение, разъяснение обязанностей и разбор типичных ситуаций конфликта интересов [9].

Стоит отметить, что действенность внутренних процедур определяется их встроенностью в реальные бизнес-процессы, а не количеством принятых локальных документов. Такое построение внутреннего контроля имеет и общетеоретическое основание. В условиях усложнения социальной организации возрастает значение технико-юридического регулирования, выражающегося в детализации содержания правоотношения [10]. Это может происходить в структуре рассматриваемых правоотношений и через специальные процедуры, сроки, компетенции и формы фиксации результата. Применительно к конфликту интересов это означает перевод антикоррупционных требований в проверяемый порядок действий, снижающий зависимость решения от неформального влияния.

Для организации наиболее продуктивной является постоянная процедура выявления и сопровождения риска. Так, Методические рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции прямо ориентированы на формирование единого подхода к профилактике коррупции независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и отраслевой специфики. В этом подходе конфликт интересов занимает место одного из постоянных объектов внутреннего контроля.

Практически это означает необходимость выстроить последовательную процедуру: получение уведомления, его регистра-

цию, предварительную проверку, определение ответственного подразделения или должностного лица, принятие решения по существу и последующий контроль исполнения. Минтруд России размещает типовые формы документов, включая форму уведомления о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения. Следовательно, правоприменение уже исходит из того, что конфликт интересов должен быть не просто назван, а переведен в документированную процедуру, пригодную для последующей проверки.

В организационной практике особую роль играют регулярное обучение работников, периодическое анкетирование, проверка аффилированности контрагентов и мониторинг повторяющихся зон риска. Конфликт интересов редко проявляется как единичный и полностью изолированный случай. Значительно чаще он обнаруживается в совокупности косвенных признаков: постоянное привлечение одних и тех же посредников, участие связанных лиц в закупочных процедурах, необъяснимые исключения из общих правил согласования, концентрация решений у одного сотрудника, закрытость информации о бенефициарах контрагента. Именно поэтому статья 13.3 Закона о противодействии коррупции связывает обязанность организаций по предупреждению коррупции с определением ответственных лиц, принятием кодекса этики, внедрением стандартов добросовестной работы и предотвращением конфликта интересов как самостоятельным элементом корпоративной политики.

В современных организационных процессах конфликт интересов осложняется тем, что структура соответствующих правоотношений становится менее прозрачной: расширяется круг фактически вовлеченных лиц, возрастает роль посреднических и цифровых звеньев, затрудняется выявление субъекта, реально влияющего на подготовку и принятие решения. Это повышает значение внутренней регламентации, позволяющей заранее определить участников процедуры, объем их полномочий и пределы ответственности [11; 12].

С практической точки зрения комплаенс в этой части выполняет двойную функцию:

он снижает вероятность принятия искаженных управленческих решений и одновременно формирует доказательственную базу добросовестности самой организации. Для работодателя имеет значение возможность показать, что риск был идентифицирован заранее, заинтересованное лицо отстранено от участия в решении, проверка проведена уполномоченным подразделением, а итоговое распоряжение мотивировано и зафиксировано. В противном случае конфликт интересов легко переходит из зоны внутреннего риска в основание для кадровых, административных и репутационных последствий.

Антикоррупционный комплаенс и корпоративное управление

Для частноправовой сферы наибольшее значение имеет соединение антикоррупционного комплаенса с институтами корпоративного управления. Наиболее прикладное значение здесь имеет статья 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», регулирующая сделки, в совершении которых имеется заинтересованность⁷. Норма обязывает общество уведомлять незаинтересованных участников, а при наличии совета директоров – и незаинтересованных членов совета директоров, о сделках с заинтересованностью.

Закон предусматривает возможность получения предварительного согласия на такую сделку по требованию управомоченных лиц, определяет порядок принятия решения незаинтересованными участниками или директорами и устанавливает специальные последствия совершения сделки без согласия. При этом сама сделка не требует обязательного предварительного согласия во всех случаях, а отсутствие такого согласия само по себе не влечет ее недействительность. Для антикоррупционного комплаенса эта конструкция важна потому, что она придает конфликту интересов процессуально определенную корпоративную форму. В результате конфликт интересов перестает быть сугубо внутренней оценкой комплаенс-подразделения и становится юридически значимым фактом внутри корпоративной

процедуры. Это особенно важно в случаях, когда личная заинтересованность маскируется под деловую целесообразность сделки или под обычную договорную работу.

Судебные правовые позиции

Роль нераскрытого конфликта интересов существенно усилила судебная практика. В обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 г., прямо сформулирована позиция о том, что если сделка совершена руководителем хозяйственного общества в условиях конфликта интересов, который не был им раскрыт перед участниками общества или членами совета директоров, презюмируется, что причиненные обществу убытки возникли именно в связи с такими действиями руководителя⁸. Тем самым нераскрытый конфликт интересов получает самостоятельное доказательственное значение в корпоративном споре и влияет на распределение бремени доказывания.

Не менее показателен и обратный подход, выраженный в том же обзоре Президиума Верховного Суда: если руководитель раскрыл заинтересованность в совершении сделки, он презюмируется действовавшим в интересах юридического лица, пока иное не будет доказано истцом. Таким образом, юридически значимой становится не только оценка последствий уже совершенной сделки, но и качество процедуры до ее совершения. Важно является то – было ли раскрытие своевременным, доведена ли информация до компетентного органа, имелась ли возможность принять информированное решение, подтверждены ли рыночные условия и экономическая обоснованность. В этом смысле корпоративный контроль и антикоррупционный комплаенс работают в одном направлении.

⁷ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁸ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2026).

Заключение

На практике корпоративная политика по конфликту интересов должна быть прямо связана с процедурами договорной и закупочной работы. Внутренние акты организации целесообразно оформлять так, чтобы они охватывали порядок раскрытия заинтересованности, реестр соответствующих раскрытий, отвод заинтересованного работника от подготовки и согласования сделки, проверку цены и контрагента, а также фиксацию мотивов принятого решения. Именно на этом уровне антикоррупционная программа получает юридически проверяемое содержание.

Практически значимым представляется связывание контроля конфликта интересов с кадровыми и организационными изменениями внутри компании. Раскрытие личной заинтересованности целесообразно делать обязательным при назначении на должность, расширении полномочий, включении в закупочные и согласовательные процедуры, допуске к выбору контрагентов, изменении состава аффилированных или подконтрольных лиц. Такой подход позволяет выявлять конфликт интересов в момент увеличения риска, а не после принятия спорного реше-

ния, переводя внутренний контроль от формального учета сведений к комплексной модели проверки.

Конфликт интересов в сфере антикоррупционного комплаенса следует рассматривать как самостоятельный правовой механизм раннего воздействия на коррупционный риск. Его нормативное ядро в российском праве образуют статьи 10, 11 и 13.3 Закона о противодействии коррупции, однако реальная эффективность этого института раскрывается только в сочетании с процедурой уведомления, внутренней проверкой, кадровыми последствиями и корпоративно-правовыми фильтрами заинтересованности. По этой причине качество антикоррупционного комплаенса определяется способностью организации своевременно выявить личную заинтересованность, исключить влияние заинтересованного лица на решение и подтвердить добросовестность принятых мер по документам.

Столь многогранная и актуальная тематика конфликта интересов в сфере антикоррупционного комплаенса должна стать предметом дальнейших комплексных исследований в целях совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Костенко Я.В. Понятие и сущность конфликта интересов на государственной гражданской службе // Научный альманах. 2025. № 8-1(130). С. 58-60. <https://elibrary.ru/btvshx>
2. Старицына Д.А. Понимание конфликта интересов в российском праве // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 1 (32). С. 107-113. <https://elibrary.ru/bvnpqx>
3. Советкина А.А. Конфликт интересов как предпосылка совершения коррупционных правонарушений на государственной службе // Молодежь Сибири – науке России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2025. С. 232-237. <https://elibrary.ru/bfcsxg>
4. Дубчак А.А. Конфликт интересов как юридическое правонарушение // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2025. С. 356-361. <https://elibrary.ru/oygjbz>
5. Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Габов А.В., Черногор Н.Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 5-12. <https://elibrary.ru/uvjbzi>
6. Пулова Е.В. Конфликт интересов на государственной службе // Кооперация науки и общества как инструмент модернизации инновационного развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: РИЦ МГПУ, 2024. С. 133-137. <https://elibrary.ru/uwewjj>
7. Костина Е.Р. Проблема конфликта интересов в международном и российском антикоррупционном законодательстве: пути развития и перспективы // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 283-291. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-283-290>, <https://elibrary.ru/inncek>
8. Рязанцева Е.Г. Проблемы выявления и разрешения конфликта интересов на государственной службе // Молодежь Сибири – науке России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию

- Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2025. С. 198-202. <https://elibrary.ru/zcwqzs>
9. Лихо Ю.Л. Институт конфликта интересов на государственной службе // Проблемы управления социальными и экономическими системами в современной России: сб. науч. ст. Ульяновск: Изд-во «Зебра», 2024. С. 217-222. <https://elibrary.ru/kpmxup>
10. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18-24. <https://elibrary.ru/kokzab>
11. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // Преступность. Общество. Безопасность: сб. науч. ст. по материалам Междунар. форума и материалам Междунар. науч.-практ. конф. (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола. Москва: Академия управления МВД России, 2024. С. 82-86. <https://elibrary.ru/fginon>
12. Ковалева Н.В., Жук А.П. Заключение договоров с использованием электронной цифровой подписи по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2(63). С. 62-69. <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-62-69>, <https://elibrary.ru/bhpgdb>

References

1. Kostenko Ya.V. (2025). The concept and essence of conflict of interest in the state civil service. *Nauchnyi al'manakh = Scientific Almanac*, no. 8-1 (130), pp. 58-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/btvshx>
2. Staritsyna D.A. (2024). Understanding conflict of interest in Russian law. *Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii = Economic Justice in the Russian Far East*, no. 1 (32), pp. 107-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bvnpqx>
3. Sovetkina A.A. (2025). Conflict of interest as a prerequisite for committing corruption offenses in public service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Molodezh' Sibiri – nauke Rossii» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War “Youth of Siberia – Science of Russia”*. Krasnoyarsk, Siberian Institute of Business, Management and Psychology Publ., pp. 232-237. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bfcsgx>
4. Dubchak A.A. (2025). Conflict of interest as a legal offense. *Sbornik statei po rezul'tatam 4 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Okhrana i zashchita prav i zakonnykh interesov v sovremennom prave» = Collection of Articles Based on the Results of the 4th International Scientific and Practical Conference “Protection and Protection of Law and Legitimate Interests in Modern Law”*. Simferopol, pp. 356-361. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oygjbj>
5. Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., Gabov A.V., Chernogor N.N. (2018). Conflict of interest: nature, prevention, social regulation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 3 (70), pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uvjbzi>
6. Pulova E.V. (2024). Conflict of interest in public service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kooperatsiya nauki i obshchestva kak instrument modernizatsii innovatsionnogo razvitiya» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Cooperation between Science and Society as a Tool for Modernization of Innovative Development”*. Saransk, Editorial and Publishing Center of Moscow City Pedagogical University Publ., pp. 133-137. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uwewjj>
7. Kostina E.R. (2021). Conflict of interest in international and Russian anti-corruption legislation: development ways and prospects. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki = Vestnik of Mari State University. Chapter: History. Law*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 283-291. (In Russ.) <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-283-290>, <https://elibrary.ru/inncek>
8. Ryazantseva E.G. (2025). Problems of identifying and resolving conflicts of interest in the civil service. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine «Molodezh' Sibiri – nauke Rossii» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War “Youth of Siberia – Science of Russia”*. Krasnoyarsk, Siberian Institute of Business, Management and Psychology Publ., pp. 198-202. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zcwqzs>
9. Likho Yu.L. (2024). Conflict of interest during the period of state service. *Sbornik nauchnykh statei «Problemy upravleniya sotsial'nymi i ekonomicheskimi sistemami v sovremennoi Rossii» = Collection of Scientific Proceedings “Problems of Management of Social and Economic Systems in Modern Russia”*. Ulyanovsk, Zebra Publ., pp. 217-222. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kpmxup>

10. Kovaleva N.V. (2019). Social, technical and legal regulation in society. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4 (86), pp. 18-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kokzab>
11. Kovaleva N.V. (2024). Changes in the structure of legal relations as a factor of social dangers in the era of modern transformations. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo foruma i materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.V. Borodina) i kruglogo stola «Prestupnost'. Obshchestvo. Bezopasnost'»: v 2 ch = Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Forum and the International Scientific and Practical Conference (Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor S.V. Borodin) and the Round Table "Crime. Society. Security"*. Moscow, Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fginon>
12. Kovaleva N.V., Zhuk A.P. (2024). Electronic contracting using an electronic signature under the legislation of the Russian Federation. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii = Right. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (63), pp. 62-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-62-69>, <https://elibrary.ru/bhpgdb>

Информация об авторе

Ковалева Наталья Натальевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Государственный университет управления; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: [7445-8801](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), РИНЦ AuthorID: [581160](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), ResearcherID: [XMB-2715-2023](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), Scopus Author ID: [57211466869](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), [https://orcid.org/0000-0003-2982-871X](mailto:doktor.kovaleva.nv@yandex.ru), doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Information about the author

Natalya V. Kovaleva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Public Law and Legal Support of Management Department, State University of Management; Chief Researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [7445-8801](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), RSCI AuthorID: [581160](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), ResearcherID: [XMB-2715-2023](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), Scopus Author ID: [57211466869](https://orcid.org/0000-0003-2982-871X), <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 28.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.736.4

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-372-380>

EDN CEYYFX

Шифр научной специальности 5.1.3

Проблемы правовой регламентации исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота

Диана Алексеевна Волгина¹ , Александр Валерьевич Логинов²

¹ООО «ФРЕШ РЕСТАРТ»

121467, Российская Федерация, г. Москва, ул. Молдавская, 5

²ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университета юстиции (РПА Минюста России)», Средне-Волжский институт (филиал)

430032, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6

Loginov77@rambler.ru

Аннотация

Рассмотрены актуальные проблемы и правовая эволюция института исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота. Используя формально-юридический, системный, историко-правовой и структурно-функциональный методы, была поставлена цель – выявить актуальные проблемы доктринального, законодательного и правоприменительного плана, связанные с практикой реализации исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота. Проанализированы проблемы, возникающие при попытках преодоления иммунитета в случае наличия у должника жилья, явно превышающего разумные потребности («роскошное жилье»). Особое внимание в процессе научного анализа уделено критериям предоставления замещающего жилья, роли добросовестности поведения должника и вопросу соотношения конституционного права на жилище с имущественными интересами кредиторов. На основе применения специальных юридических методов доказано, что институт исполнительского иммунитета единственного жилья в российском праве прошел сложную эволюцию от абсолютизации защиты, порождавшей злоупотребления, к дифференцированному подходу, основанному на принципах добросовестности и разумной достаточности. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления четких критериев ограничения исполнительского иммунитета и процедуры реализации единственного жилья.

Ключевые слова

исполнительский иммунитет, единственное жилье, банкротство граждан, баланс интересов, замещающее жилье

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

Д.А. Волгина – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции. А.В. Логинов – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Волгина Д.А., Логинов А.В. Проблемы правовой регламентации исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 372-380. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-372-380>, <https://elibrary.ru/ceyyfx>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-372-380>

EDN CEYYFX

OECD 5.05; ASJC 3308

Problems of legal regulation of executive immunity in relation to the sole residence of a bankrupt debtor

Diana A. Volgina¹ , Alexander V. Loginov²

¹FRESH RESTART LLC

5 Moldavskaya St., Moscow, 121467, Russian Federation

²Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

6 Fedoseyenko St., Saransk, 430003, Russian Federation

 Loginov77@rambler.ru

Abstract

The current issues and legal evolution of the institution of executive immunity concerning the sole housing of the bankrupt debtor have been examined. Using formal-legal, systemic, historical-legal, and structural-functional methods, the aim was set to identify current doctrinal, legislative, and law enforcement issues related to the practice of implementing executive immunity concerning the sole residence of a bankrupt debtor. The problems arising from attempts to overcome immunity in cases where the debtor has housing that clearly exceeds reasonable needs (“luxurious housing”) have been analyzed. Particular attention in the process of scientific analysis is given to the criteria for providing substitute housing, the role of the debtor’s good faith behavior, and the issue of the relationship between the constitutional right to housing and the property interests of creditors. Based on the application of special legal methods, it has been proven that the institution of executive immunity for the sole residence in Russian law has undergone a complex evolution from the absolutisation of protection, which led to abuses, to a differentiated approach based on the principles of good faith and reasonable sufficiency. A conclusion has been drawn about the necessity of legislative consolidation of clear criteria for limiting executive immunity and the procedure for the realization of the sole residence.

Keywords

executive immunity, sole housing, bankruptcy of citizens, balance of interests, substitute housing

Funding

This study received no external funding.

Authors’ contribution

D.A. Volgina – research concept, regulatory documents collection and analysis, scientific literature analysis, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board. A.V. Loginov – regulatory documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interest.

For citation

Volgina, D.A., & Loginov, A.V. (2026). Problems of legal regulation of executive immunity in relation to the sole residence of a bankrupt debtor. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 372-380. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-372-380>, <https://elibrary.ru/ceyyfx>

Введение

Институт банкротства граждан, выступая правовым механизмом освобождения от непосильных долговых обязательств, неизбежно сталкивается с необходимостью поиска справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и фундаментальными социальными правами должника. Отдельными авторами справедливо обращается внимание на стремление «законодателя сбалансировать интересы добросовестных учредителей (участников) должника и защиту прав кредиторов в деле о банкротстве» [1, с. 253]. Наиболее остро эта дилемма проявляется при решении вопроса о судьбе единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности. Закрепленный в абзаце втором части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и воспроизведенный в пункте 3 статьи 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) исполнительский иммунитет, будучи по своей природе исключением из принципа полного удовлетворения требований кредиторов, призван гарантировать гражданину и членам его семьи сохранение минимально необходимых условий для существования. Однако многолетняя практика применения данных норм выявила их существенный недостаток. Законодатель, установив сам иммунитет, длительное время уклонялся от определения его пределов, что сделало возможным его использование не только для защиты конституционно значимого права на жилище, но и в качестве инструмента злоупотреблений со стороны недобросовестных должников. Эволюция этого института представляет собой движение от абсолютизации защиты права на жилище к попыткам выработки критериев, позволяющих дифференцировать подход к иму-

ществу, явно выходящему за рамки разумной достаточности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Применение системного метода способствовало комплексному исследованию доктринальных подходов к определению исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-банкрота. С помощью формально-юридического метода были проанализированы нормы гражданского и гражданско-процессуального законодательства, регламентирующие институт исполнительского иммунитета в процедуре банкротства физического лица. Историко-правовой метод позволил использовать потенциал генезиса для характеристики этапов эволюции направленности правоприменения в контексте переосмысления абсолютного характера исполнительского иммунитета. Структурно-функциональный метод позволил структурировать теоретические и правоприменительные позиции, ориентированные на соблюдение баланса между правом на жилище и правом кредитора на удовлетворение своих требований.

Обсуждение. Результаты исследования

Первоначальный смысл, закладываемый законодателем в статью 446 ГПК РФ, состоял в создании преграды для обращения взыскания на единственное жилье. Это в полной мере корреспондировало предписаниям статьи 40 Конституции Российской Федерации о праве каждого на жилище и недопустимости произвольного лишения такового. Как замечает В.А. Гуреев, подобный подход реализовывал «принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника и его семьи» [2, с. 33]. Долгое время правоприменительная практика исходила из буквального толкования данной нормы. Иммунитет распространялся на любое жилое помещение, формально отвечающее признаку единственности,

вне зависимости от его площади, стоимости или иных характеристик. Лицо, имеющее многомиллионные долги и проживающее в особняке площадью несколько сотен квадратных метров, могло безусловно исключить его из конкурсной массы, ссылаясь на отсутствие в собственности иного жилья. Такое положение дел, разумеется, не могло не вызвать критических замечаний. Оно очевидным образом нарушало баланс интересов, ставя кредиторов в заведомо проигрышное положение.

Первым серьезным шагом к переосмыслению абсолютного характера исполнительского иммунитета стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П¹. В этом акте высший орган конституционного контроля, не ставя под сомнение саму необходимость существования иммунитета как гарантии социально-экономических прав, указал на иное. Его действие не может распространяться на жилые помещения, которые по своим объективным характеристикам явно превышают уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности в жилище. Конституционный Суд РФ впервые сформулировал тезис о том, что право на жилище не должно превращаться в инструмент необоснованного обогащения за счет кредиторов, и предписал федеральному законодателю установить соответствующие критерии и механизмы, позволяющие обратиться взыскание на «избыточное» жилье с одновременным предоставлением должнику иного, разумно достаточного для проживания помещения. Однако данное предписание носило рекомендательный характер и адресовалось законодателю, который на протяжении почти десятилетия так и не предпринял действенных шагов по его реализации. Законопроекты, вносимые в Государственную Думу, в частности проект № 175340-6, не находили поддержки. Причина крылась в неразработанности процедурных аспектов:

оставалось неясным, кто, за чей счет и в каком порядке должен приобретать замещающее жилье, какова его судьба в период между реализацией старого и приобретением нового, и каким критериям оно должно отвечать [3, с. 59-60].

В отсутствие законодательного регулирования инициативу на себя взяла судебная практика. Она вынуждена была работать «в ручном режиме». Как отмечает в своем исследовании К.Ю. Сасыкин, «справедливости ради стоит сказать, что законодатель и Верховный Суд РФ систематически поднимает актуальность проблематики, принимая меры, направленные на устранение недостатков законодательства о банкротстве, в том числе путем разъяснения толкования спорных норм» [4, с. 383-384]. Арбитражные суды, особенно в округах, столкнувшихся с большим количеством дел о банкротстве, начали самостоятельно вырабатывать подходы к преодолению исполнительского иммунитета. В доктрине данное понятие также получило своё развитие: «отталкиваясь от вопроса исполнительского иммунитета в отношении имущества гражданина-банкрота... предлагалось наряду с этим видом иммунитета выделять близкий, но в то же время иной по происхождению, содержанию и видам банкротный иммунитет» [5, с. 29]. Как отмечается в доктрине, суды все чаще обращали внимание на добросовестность поведения должника [6; 7]. При этом К.Ю. Сасыкин обращает внимание на то обстоятельство, что «на сегодняшний момент практика так и не разработала единого стандарта добросовестности, осмотрительности и разумности участников оборота при совершении сделок, связанных с приобретением недвижимости или иного дорогостоящего имущества (особенно если вопрос касается сделок, оцениваемых как очень крупные)» [8, с. 98]. Если гражданин накануне банкротства специально «консолидировал» все имеющиеся у него активы в один объект недвижимости, например, объединял две квартиры или продавал несколько и покупал одну, но более дорогую, суды квалифицировали такие действия как злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ). В применении иммунитета в таких случаях отказывали. Классическим примером подобного подхода стало дело, в ко-

¹ По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 21. Ст. 2697.

тором должник, имея две смежные квартиры, перед банкротством объединил их в одну, утверждая, что это его единственное жилье. Суд расценил это как недобросовестное действие, направленное исключительно на уклонение от исполнения обязательств².

Кроме того, суды начали апробировать механизм предоставления замещающего жилья, инициированный самими кредиторами.

Тем не менее, эта прогрессивная, но не основанная на прямом указании закона практика была подвергнута сомнению Верховным Судом Российской Федерации. В определении от 29 октября 2020 г. № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ заняла консервативную позицию. Суд указал, что в отсутствие специального закона суды не вправе самостоятельно определять критерии достаточности жилья и навязывать должнику право собственности на иное имущество³. Подтвердив абсолютный характер иммунитета до внесения законодательных изменений, высшая судебная инстанция вновь вернула проблему в исходную точку. Это решение, безусловно правильное с точки зрения формальной законности, создало ситуацию правовой неопределенности, фактически заблокировав возможность обращения взыскания на любое, даже самое роскошное, единственное жилье. Означает ли это, что законодательный пробел оказался непреодолимым? Практика показала, что нет.

Выход из этого концептуального тупика был найден Конституционным Судом Российской Федерации, который 26 апреля 2021 г. принял Постановление № 15-П по жалобе гражданина И.И. Ревкова. Это Постановление стало поворотным моментом в развитии института исполнительского иммунитета. Конституционный Суд РФ не просто подтвердил свою позицию 2012 г. Учитывая бездействие законодателя, он по-

шел значительно дальше, фактически сформулировав для правоприменителей конкретные условия и критерии, при которых отказ в иммунитете возможен непосредственно на основании Конституции и с учетом выявленного им конституционно-правового смысла норм. Суд указал, что положения статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве не могут служить основанием для безусловного отказа в обращении взыскания. Отказ возможен лишь при условии, что должник и члены его семьи не останутся без жилища, пригодного для проживания, площадью не меньшей, чем установлено нормами предоставления жилья по договору социального найма, и в пределах того же поселения⁴. Иными словами, ключевым ориентиром для судов отныне становились не абстрактные рассуждения о роскоши, а четкие количественные параметры – нормы предоставления площади, устанавливаемые органами местного самоуправления. Тем самым Конституционный Суд РФ перевел проблему из плоскости оценочных суждений в плоскость формальных критериев, обеспечивающих единообразие правоприменения. Как верно отмечает в своем исследовании А.Г. Марценюк, «стоит всецело поддержать значимость изложенной позиции Конституционного Суда, так как цель исполнительского иммунитета состоит в сохранении минимально необходимого имущества, удовлетворяющего нормальное существование должника и членов его семьи, но никак не гарантированное, несмотря ни на какие обстоятельства, сохранение такого имущества за должником» [3, с. 62-63]. Постановление № 15-П также закрепило важнейший принцип: ухудшение жилищных условий не должно вынуждать должника к изменению поселения, что гарантирует сохранение его социальных связей, места работы и учебы. При этом Суд особо подчеркнул, что сам по себе отказ в иммунитете не мо-

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.01.2021 № 309-ЭС20-15448 по делу № А50-34786/2017. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2020 № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

⁴ По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

жет являться карательной санкцией, а должен преследовать реальную экономическую цель – удовлетворение требований кредиторов.

Развивая и детализируя позицию Конституционного Суда, Верховный Суд Российской Федерации в определении от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 сформулировал важные процессуальные гарантии для должника. В этом акте высшая судебная инстанция указала, что отказ от исполнительского иммунитета действительно должен иметь экономический смысл и не может быть средством наказания. Более того, Верховный Суд РФ допустил возможность расширительного толкования понятия «пределы того же поселения». Он распространил его на случаи предоставления жилья в границах одной агломерации, что является реалистичным подходом, учитывающим сложившуюся практику расселения в крупных городских округах. Важнейшим вкладом Верховного Суда РФ стала детализация порядка предоставления замещающего жилья: вопрос о его приобретении должен предварительно выноситься на собрание кредиторов, а условия договоров купли-продажи должны обеспечивать синхронность перехода права собственности, исключая риск остаться без жилья даже на один день⁵.

Дальнейшая судебная практика, сформировавшаяся после принятия указанных актов, свидетельствует об их эффективности. Суды при рассмотрении соответствующих споров в первую очередь оценивают добросовестность действий должника и соотносят характеристики его жилья с социальными нормами. В деле № А41-103054/2016 суд, констатируя, что площадь дома (858,2 кв. м) многократно превышает разумные потребности семьи должника, утвердил решение собрания кредиторов о приобретении для него замещающего жилья площадью не менее 33 кв. м, расположенного в том же городском округе. При этом суд тщательно проверил экономическую целесообразность данной меры, убе-

дившись, что реализация роскошного жилья позволит существенно погасить требования кредиторов. В другом деле, рассмотренном Арбитражным судом Западно-Сибирского округа, суд, напротив, отказал в ограничении иммунитета. Площадь квартиры лишь незначительно превышала социальные нормы, и ее реализация, с учетом затрат на приобретение замещающего жилья, не привела бы к сколь-либо значимому погашению долгов, то есть не имела экономического смысла [9, с. 88-89].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о действии исполнительского иммунитета в ситуации, когда на единственное жилье ранее был наложен арест в рамках уголовного судопроизводства для обеспечения гражданского иска. Долгое время подходы судов к разрешению данной коллизии разнились. Однако позиция, сформулированная Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 24 октября 2024 г. № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021, поставила точку в этом вопросе. Суд указал, что возбуждение дела о банкротстве меняет правовой режим всего имущества должника. Принудительное исполнение всех имущественных требований, в том числе подтвержденных приговором суда, осуществляется исключительно в рамках дела о банкротстве. Аресты, наложенные вне этого дела, не препятствуют включению имущества в конкурсную массу, а вопрос о применении исполнительского иммунитета к такому имуществу подлежит разрешению арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве. В указанном деле Верховный Суд РФ прямо признал, что конституционное право должника на единственное жилье имеет приоритет перед ранее наложенными ограничениями, и исключил квартиру и земельный участок из конкурсной массы⁶. Это решение не только подтвердило универсальность правил об иммунитете, но и продемонстрировало верховенство социальных

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021. URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

гарантий перед фискальными и иными интересами в процедуре банкротства.

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый благодаря активной позиции высших судебных инстанций, окончательное и системное решение проблемы остается задачей законодателя. Выработанные судебной практикой критерии – нормы социального найма, принцип того же поселения, требование экономической целесообразности являются надежным ориентиром. Однако их применение в каждом конкретном случае неизбежно требует судебного усмотрения и может порождать споры. Как справедливо отмечает Н.В. Головушкина, «пределы ограничения имущественного иммунитета на единственное жилье необходимо регулировать на законодательном уровне и устанавливать их в первую очередь для лиц, нарушающих принцип добросовестности. Одновременно необходимо закрепить гарантии членам семьи должника» [10, с. 207]. Законодательное закрепление не только оснований, но и детализированной процедуры ограничения иммунитета, включая гарантии для членов семьи должника и механизмы финансирования приобретения замещающего жилья, позволило бы снять оставшиеся вопросы и создать устойчивый правовой институт, отвечающий как требованиям социальной справедливости, так и потребностям экономического оборота. Важно, чтобы в законе были четко прописаны

последствия злоупотреблений со стороны должника, вплоть до полного отказа в предоставлении замещающего жилья, а также установлены гарантии для добросовестных граждан, исключающие возможность их выселения в жилье, не отвечающее минимальным санитарным и техническим требованиям.

Заключение

Институт исполнительского иммунитета единственного жилья в российском праве прошел сложную эволюцию от абсолютизации защиты, порождавшей злоупотребления, к дифференцированному подходу, основанному на принципах добросовестности и разумной достаточности. Определяющую роль в этой трансформации сыграли акты Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Восполняя пробелы законодательства, они сформировали стройную доктрину, позволяющую соблюсти баланс между правом на жилище и правом кредитора на удовлетворение своих требований. Ее смысл проистекает из понимания исполнительского иммунитета как правовой гарантии обеспечения охраны благосостояния должника. Для окончательного формирования этого института, полагаем, требуется воля законодателя, призванного закрепить выработанные судебной практикой критерии и процедуры в тексте федерального закона, обеспечив тем самым стабильность и предсказуемость правового регулирования.

Список источников

1. *Сунгатуллина Л.А., Камалетдинова А.В.* Правовой статус учредителей (участников) в деле о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 2. С. 248-255. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>, <https://elibrary.ru/boabec>
2. *Гуреев В.А.* Современное восприятие исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника в рамках процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 31-35. <https://elibrary.ru/glpyub>
3. *Марценюк А.Г.* Защита единственного жилья при банкротстве гражданина: проблемы правоприменения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 2. С. 57-64. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2022.2.7>, <https://elibrary.ru/yijuum>
4. *Сасыкин К.Ю.* Проблематика заинтересованности арбитражных управляющих в делах о банкротстве. Взгляд кредитора // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 381-393. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393>, <https://elibrary.ru/iljsob>
5. *Мишаков О.Г.* Банкротный иммунитет и конституционный принцип равенства прав и свобод // Российская юстиция. 2021. № 8. С. 29-34. https://doi.org/10.52433/01316761_2021_8_29, <https://elibrary.ru/sehfny>
6. *Дубец Е.К., Ступина С.А.* Возможность и основания частичного освобождения должника от обязательств в деле о банкротстве // Современное право. 2021. № 4. С. 93-97. <https://doi.org/10.25799/NI.2021.29.40.015>, <https://elibrary.ru/tpjini>

7. Морхат П.М. Обращение взыскания на единственное жилье должника-банкрота: теоретико-правовой аспект и анализ судебной практики // Судья. 2020. № 9. С. 55-60. <https://elibrary.ru/mxqqfp>
8. Сасыкин К.Ю. Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 94-106. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>, <https://elibrary.ru/bgnyxi>
9. Корсунова А.С. Проблемы исполнительского иммунитета единственного жилья должника и условия его преодоления в правоприменительной практике по делам о несостоятельности (банкротстве) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 87-90. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_2_87, <https://elibrary.ru/ocaveu>
10. Головушкина Н.В. Пределы имущественного (исполнительского) иммунитета единственного жилья: от роскошности к минимальным стандартам обеспечения // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 3 (102). С. 201-208. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_3_201, <https://elibrary.ru/bcpmtt>

References

1. Sungatullina L.A., Kamaletdinova A.V. (2025). The legal status of the founders (participants) in the bankruptcy case. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 248-255. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-2-248-255>, <https://elibrary.ru/boabec>
2. Gureev V.A. (2019). Modern perception of executive immunity in respect of the debtor's sole dwelling within the framework of procedural legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, no. 5, pp. 31-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/glpyub>
3. Martsenyuk A.G. (2022). Protection of the sole dwelling in the possession of the bankrupt citizen: law enforcement issues. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, no. 2, pp. 57-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2022.2.7>, <https://elibrary.ru/yijuum>
4. Sasykin K.Yu. (2022). The problem of the interest of arbitration managers in bankruptcy cases. lender's view. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 3, pp. 381-393. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-381-393>, <https://elibrary.ru/iljsob>
5. Mishakov O.G. (2021). Bankruptcy Immunity And The Constitutional Principle Of Equality Of Rights And Freedoms. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, no. 8, pp. 29-34. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2021_8_29, <https://elibrary.ru/sehfny>
6. Dubets E.K., Stupina S.A. (2021). Possibility and grounds for partial exemption of the debtor from obligations in the bankruptcy case. *Sovremennoe pravo = The Modern Law*, no. 4, pp. 93-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.25799/NI.2021.29.40.015>, <https://elibrary.ru/tpjini>
7. Morkhat P.M. (2020). Levying execution against the sole housing of an insolvent debtor: theoretical aspect and case-law analysis. *Sud'ya = Judge*, no. 9, pp. 55-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mxqqfp>
8. Sasykin K.Yu. (2024). Disputable issues of challenging the debtor's transactions under paragraph 2 of article 61.2 of the bankruptcy law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1, pp. 94-106. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-94-106>, <https://elibrary.ru/bgnyxi>
9. Korsunova A.S. (2022). Problems of executive immunity of the debtor's sole dwelling and conditions for overcoming it in law enforcement practice in cases of insolvency (bankruptcy). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 2 (206), pp. 87-90. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_2_87, <https://elibrary.ru/ocaveu>
10. Golovushkina N.V. (2022). Limits of property (performance) immunity of a single housing: from luxury to minimum provision standards. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, vol. 1, no. 3 (102), pp. 201-208. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_3_201, <https://elibrary.ru/bcpmtt>

Информация об авторах

Волгина Диана Алексеевна, специалист по банкротству, ООО «ФРЕШ РЕСТАРТ», г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 6647-2334, РИНЦ AuthorID: 1341321, <https://orcid.org/0009-0008-7488-0940>, diana.volgina@yandex.ru

Логинов Александр Валерьевич, доктор политических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Всероссийский государственный университета юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал), г. Саранск, Российская Федерация, SPIN-код: 2187-3153, РИНЦ AuthorID: 218572, <https://orcid.org/0009-0001-6203-1780>, Loginov77@rambler.ru

Information about the authors

Diana A. Volgina, bankruptcy specialist, FRESH RESTART LLC, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 6647-2334, RSCI AuthorID: 1341321, <https://orcid.org/0009-0008-7488-0940>, diana.volgina@yandex.ru

Alexander V. Loginov, Dr. Sci. (Political Sciences), Professor of the Civil Law and Process Department, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation, SPIN-code: 2187-3153, RSCI AuthorID: 218572, <https://orcid.org/0009-0001-6203-1780>, Loginov77@rambler.ru

Для контактов:

Логинов Александр Валерьевич

Loginov77@rambler.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 24.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91/.95

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-381-387>

EDN CUKKXL

Шифр научной специальности 5.1.3

Использование искусственного интеллекта в целях повышения эффективности правосудия по гражданским делам: возможности и пределы

Мария Владимировна Андрианова

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

Северо-Западный филиал

197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

 amvspb2019@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены основные подходы, касающиеся использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве, как в судах общей юрисдикции Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Применение технологий искусственного интеллекта судами рассмотрено в настоящем исследовании как один из способов повышения эффективности гражданского судопроизводства. Целью исследования является выявление перспективных направлений развития гражданского процессуального законодательства и судебной практики в области применения технологий искусственного интеллекта, а также определение границ такого использования. В этой связи произведена оценка указанной меры с точки зрения выполнения двух условий эффективности: достижения цели правосудия по гражданским делам и оптимизации (минимизации) издержек судопроизводства. С учетом указанных условий определены возможные направления использования современных технологий в гражданском процессе, обеспечивающие действительное повышение эффективности судопроизводства. Сделан вывод о том, что при очевидном эффекте в виде снижения (оптимизации) издержек судопроизводства для повышения эффективности правосудия по гражданским делам применение искусственного интеллекта должно обеспечивать достижение цели гражданского судопроизводства – защиту прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой.

Ключевые слова

эффективность гражданского судопроизводства, судебная защита прав, оптимизация нагрузки судов, издержки судопроизводства, искусственный интеллект

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

М.В. Андрианова – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Андреанова М.В. Использование искусственного интеллекта в целях повышения эффективности правосудия по гражданским делам: возможности и пределы // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 381-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-381-387>, <https://elibrary.ru/cukxxl>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-381-387>

EDN CUKKXL

OECD 5.05; ASJC 3308

Using artificial intelligence to improve the effectiveness of civil justice: opportunities and limits

Maria V. Andrianova

North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

 amvspb2019@mail.ru

Abstract

The main approaches regarding the use of artificial intelligence in civil proceedings, both in the courts of general jurisdiction of the Russian Federation and in foreign countries, have been examined. The application of artificial intelligence technologies by courts is considered as one of the ways to enhance the efficiency of civil proceedings. The aim of the study is to identify promising directions for the development of civil procedural legislation and judicial practice in the field of artificial intelligence technology application, as well as to determine the boundaries of such use. In this regard, an assessment of the specified measure was conducted in terms of meeting two efficiency conditions: achieving the goal of justice in civil cases and optimizing (minimizing) litigation costs. Taking these conditions into account, possible directions for the use of modern technologies in civil proceedings have been identified, ensuring a genuine increase in the efficiency of judicial proceedings. It is concluded that, with the obvious effect of reducing (optimizing) litigation costs to enhance the efficiency of civil justice, the use of artificial intelligence should ensure the achievement of the goal of civil proceedings – the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of individuals seeking judicial protection.

Keywords

efficiency of civil proceedings, judicial protection of rights, optimization of judges' workload, litigation costs, artificial intelligence

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

M.V. Andrianova – research concept development, normative documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Andrianova, M.V. (2026). Using artificial intelligence to improve the effectiveness of civil justice: opportunities and limits. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 381-387. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-381-387>, <https://elibrary.ru/cukxxl>

Введение

В настоящее время вопросы внедрения искусственного интеллекта во всех направлениях общественной жизни являются особенно актуальными. Юридическая сфера в целом и судебная система в частности не являются исключением. Проблемы определения возможных векторов развития внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность являются предметом дискуссии не только в юридической науке, но среди представителей практической юриспруденции. Как правило, внедрение искусственного интеллекта рассматривается как один из способов сокращения издержек судопроизводства, с чем следует согласиться. Однако необходимым представляется обозначение пределов использования указанных технологий в судебной деятельности, позволяющих обеспечить действительную защиту прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой, что является необходимым условием эффективности правосудия.

Целью исследования является выявление и систематизация перспективных направлений использования искусственного интеллекта в гражданском процессе, а также обозначение пределов такого использования с точки зрения обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам.

Вопросы правового регулирования искусственного интеллекта, возможностей его внедрения в практическую юридическую деятельность становятся предметом исследования ученых-правоведов по всему миру. Только в Российской Федерации по данным официального сайта ВАК при Минобрнауки России¹ с 2019 г. защищено более 10 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и доктора юридических наук. Кроме того, издано достаточное количество научных трудов по указанной проблематике [1–7], содержащих различные идеи по внедрению рассматриваемых технологий в судопроизводство и судебное делопроизводство. Вместе с тем представляется

необходимым определение пределов использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с точки зрения двух основных условий эффективности правосудия: достижение цели судопроизводства и наличие оптимальных (минимальных) издержек правосудия. Только при одновременном выполнении двух этих условий правосудие может считаться эффективным, а применение информационных технологий обоснованным.

Методы исследования

В целях проведения настоящего исследования использованы следующие методы: диалектический – для анализа доктринальных исследований в области возможного применения искусственного интеллекта в судопроизводстве; формально-юридический – для анализа нормативно-правовых основ применения указанных технологий при рассмотрении и разрешении гражданских дел в судах общей юрисдикции; сравнительно-правовой – при исследовании зарубежного опыта использования современных технологий в судопроизводстве и др.

Результаты исследования

Вопрос использования искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении гражданских дел в суде является одним из самых обсуждаемых в контексте повышения эффективности правосудия путем внедрения информационных технологий. Безусловно, применение указанных инструментов позволяет снизить (оптимизировать) издержки судопроизводства. При использовании технологий искусственного интеллекта обработка информации осуществляется с гораздо более высокой скоростью, в том числе позволяя преобразовывать информацию из одного вида в другой (например, распознавать аудиозаписи, производить описание изображений). Вместе с тем с точки зрения обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам необходимым условием является достижение цели судопроизводства – защита прав, свобод и законных интересов субъектов гражданского процессуального правоотношения. В связи с этим обязательным представляется определение пределов внедрения искусственного интеллекта, позволяющих, с одной стороны, снизить издерж-

¹ Объявления о защитах ВАК // Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://vak.gisnauka.ru/adverts-list/advert> (дата обращения: 27.04.2026).

ки, а с другой – обеспечить достижение цели судопроизводства.

В некоторых зарубежных странах искусственный интеллект активно используется в судопроизводстве и судебном делопроизводстве не только при технической подготовке судебного процесса, но и непосредственно при принятии решения и вынесении судебного постановления по делу [1; 8]. В Российской Федерации процессуальное законодательство пока не содержит норм, регулирующих использование искусственного интеллекта в судопроизводстве, однако на практике некоторые инструменты судьями и работниками аппаратов судов внедряются².

Конституция Российской Федерации³ устанавливает, что «правосудие осуществляется только судом». В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли считать правосудием вынесение решений искусственным интеллектом? Представляется, что безоговорочно положительно на этот вопрос ответить нельзя. Все-таки суд осуществляет правосудие в лице судей, обладающих в силу закона особым правовым статусом.

Некоторые авторы предлагают «поручить» искусственному интеллекту принятие решений по так называемым типичным делам. Однако, как справедливо отмечает Д.А. Туманов [9, с. 19], даже по таким, на первый взгляд типичным, делам необходимо судебское усмотрение и внутреннее убеждение судьи, недоступное искусственному интеллекту.

В связи с этим представляется, что оценка доказательств и как следствие вынесение судебного постановления должны производиться судом в лице судьи, поскольку только такой подход позволит обеспечить соблюдение принципа непосредственности

судебного разбирательства в гражданском процессе [10], а также избежать искажения доказательств, влекущего за собой снижение вероятности достижения цели судопроизводства – защиты прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой. В качестве одной из мер, позволяющих «скорректировать» ошибки искусственного интеллекта, можно было бы предложить возможность обжалования судебного постановления с последующим рассмотрением судьей-человеком, однако на данном этапе развития технологий искусственного интеллекта такое предложение представляется необоснованным с точки зрения обеспечения права на судебную защиту, а также оптимизации издержек судопроизводства, которые в таком случае будут неизбежно расти.

Следует согласиться также с тезисом Д.О. Дрозда о том, что даже при условии активного внедрения технологий искусственного интеллекта необходимо обеспечить право сторон на доступ к рассмотрению дела судьей-человеком⁴, поскольку это, как представляется, обеспечивает соблюдение принципа доступности правосудия.

Представляется, что искусственный интеллект может стать одним из инструментов повышения эффективности правосудия по гражданским делам в контексте решения рутинных задач, связанных с рассмотрением и разрешением гражданского дела. Так, например, технологии искусственного интеллекта могут быть использованы для распознавания речи при составлении протоколов судебного заседания, систематизации доказательств, исследования электронных доказательств, анализа действующего законодательства и судебной практики.

Вместе с тем необходимо отметить, что фиксируются случаи, когда искусственный интеллект со значительным объемом данных не справляется или выдает некорректные результаты [11]. В связи с этим очевидной становится необходимость, с одной стороны, обучения и совершенствования искусственного интеллекта, а с другой стороны, кон-

² Например: В России начали применять ИИ при вынесении судебных решений. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4827207?ysclid=mpccslngff401538859> (дата обращения: 19.04.2026); Верховный суд использовал ИИ для подготовки разъяснений, сообщил судья. URL: <https://ria.ru/20260421/sud-2088112548.html?ysclid=mpcczqlh5k613247687> (дата обращения: 29.04.2026).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 19.04.2026).

⁴ Дрозд Д.О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 19.

троль судьи или секретаря судебного заседания (помощника судьи) при использовании указанных технологий для решения конкретных задач. Такое совершенствование, как видится, должно учитывать специфику судебного делопроизводства и судопроизводства для достижения большей эффективности внедрения соответствующего программного обеспечения. Наличие даже незначительного объема искажений при толковании нормативных правовых актов, анализе судебной практики или исследовании и оценке доказательств является недопустимым, поскольку это может в значительной степени повлиять на внутреннее убеждение судьи и, как следствие, на содержание судебного постановления, имеющего прямое отношение к реализации цели гражданского судопроизводства.

Кроме того, перспективным видится направление, в котором уже развивается судебная система России, в частности суды города Москвы, где технологии искусственного интеллекта активно используются в работе горячей линии⁵ и официального сайта⁶. Внедрение таких инструментов, безусловно, способствует разгрузке аппарата суда в части консультирования граждан, а также обработки их обращений. Вместе с тем использование искусственного интеллекта подобным образом не препятствует достижению цели судопроизводства и соответствует принципам доступности правосудия и непосредственности судебного разбирательства.

⁵ Московские суды дополнились искусственным интеллектом. URL: <https://telesputnik.ru/materials/tech/news/moskovskie-sudy-dopolnilis-iskusstvennym-intellektom?ysclid=mpcdaorivd625720123> (дата обращения: 19.04.2026).

⁶ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/?ysclid=mpcd5zmk7128979044> (дата обращения: 19.04.2026).

Список источников

1. Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198-202. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10737>, <https://elibrary.ru/whmuvp>
2. Буглаева Е.А. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов по составлению процессуальных документов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 7-12. <https://doi.org/10.14529/law220101>, <https://elibrary.ru/lqnble>

Заключение

Таким образом, представляется, что искусственный интеллект не может быть полноценным участником процесса на стороне суда. Субъектом гражданского процессуального правоотношения является суд, именно ему принадлежат права и обязанности, составляющие содержание такого правоотношения. В связи с этим необходимым представляется сохранение за судом функции по разрешению гражданских дел с возможностью привлечения искусственного интеллекта для обработки информации, решения рутинных задач, подготовки проектов судебных постановлений. Искусственный интеллект, как представляется, не может сформировать внутреннего убеждения, которое является необходимым для принятия законного и обоснованного решения, а также на данном этапе демонстрирует вероятность искажения информации, а значит, может повлечь за собой вынесение решения, не соответствующего требованиям законности и обоснованности, что препятствует достижению цели судопроизводства.

Предложения по внедрению искусственного интеллекта должны быть проанализированы с точки зрения соблюдения двух условий эффективности правосудия: достижение цели судопроизводства (защита прав, свобод, законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой) и наличие оптимальных (минимальных) издержек. То есть, если оптимизация издержек, которая является главным аргументом при предложениях о внедрении технологий искусственного интеллекта, приводит к снижению вероятности достижения цели судопроизводства, то такое предложение не будет способствовать повышению эффективности правосудия.

3. Журавлева М.Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1 (12). С. 20-28. <https://doi.org/doi:10.24412/2618-8120-2021-1-20-28>, <https://elibrary.ru/qggqtd>
4. Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 2 (33). С. 11-14. <https://elibrary.ru/ivqwfwz>
5. Андреев В.К., Лантев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 19-34. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.102>, <https://elibrary.ru/lwzbiv>
6. Лантев В.А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 180-186. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186>, <https://elibrary.ru/homqcg>
7. Кирпичев А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 4. С. 906-918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>, <https://elibrary.ru/iloqxb>
8. Воронцова И.В., Колобынина Е.А. Проблематика использования искусственного интеллекта в гражданском процессе // Современное право. 2024. № 5. С. 71-74. <https://elibrary.ru/hfzrdd>
9. Туманов Д.А. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Цифровое право. 2024. Т. 5. № 4. С. 11-28. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1>, <https://elibrary.ru/ibkfqp>
10. Дрозд Д.О. Непосредственность судебного разбирательства при использовании искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 87-98. https://doi.org/10.34076/20713797_2022_4_87, <https://elibrary.ru/zfpyww>
11. Мокишанов М.В. Применение искусственного интеллекта в анализе данных: обзор текущего состояния и будущих направлений // Universum: технические науки. 2024. № 5-1 (122). С. 40-48. <https://doi.org/10.32743/UniTech.2024.122.5.17513>, <https://elibrary.ru/zcnaqa>

References

1. Pashentsev D.A., Novikova K.S. (2020). Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 7, pp. 198-202. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10737>, <https://elibrary.ru/whmuvp>
2. Buglaeva E.A. (2022). Prospects for implementation of artificial intelligence technologies in the activities of law enforcement bodies in compiling procedural documents. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, vol. 22, no. 1, pp. 7-12. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/law220101>, <https://elibrary.ru/lqnble>
3. Zhuravleva M.D. (2021). On the introduction and use of artificial intelligence systems in civil proceedings. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya = Humanitarian and Political-Law Studies*, no. 1 (12), pp. 20-28. (In Russ.) <https://doi.org/doi:10.24412/2618-8120-2021-1-20-28>, <https://elibrary.ru/qggqtd>
4. Bednyakov I.L., Razveikina N.A. (2019). Opportunities of using digital intelligence in legal proceedings. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, no. 2 (33), pp. 11-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ivqwfwz>
5. Andreev V.K., Laptev V.A., Chucha S.Yu. (2020). Artificial intelligence in the system of electronic justice by consideration of corporate disputes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 11, no. 1, pp. 19-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.102>, <https://elibrary.ru/lwzbiv>
6. Laptev V.A. (2021). Deepfake and other artificial intelligence products on the way to the development of online justice. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 11 (132), pp. 180-186. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186>, <https://elibrary.ru/homqcg>
7. Kirpichev A.E. (2024). Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, vol. 28, no. 4, pp. 906-918. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>, <https://elibrary.ru/iloqxb>
8. Vorontsova I.V., Kolobynina E.A. (2024). The problems of using artificial intelligence in the civil process. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 5, pp. 71-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hfzrdd>
9. Tumanov D.A. (2024). Can artificial intelligence replace human judges? *Tsifrovoe pravo = Digital Law Journal*, vol. 5, no. 4, pp. 11-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1>, <https://elibrary.ru/ibkfqp>

10. Drozd D.O. (2022). The immediacy of judicial proceedings when using artificial intelligence. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Russian Juridical Journal*, no. 4 (145), pp. 87-98. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/20713797_2022_4_87, <https://elibrary.ru/zfpyww>
11. Mokshanov M.V. (2024). The use of artificial intelligence in data analysis: an overview of the current state and future directions. *Universum: tekhnicheskie nauki* = *Universum: Technical Sciences*, no. 5-1 (122), pp. 40-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.32743/UniTech.2024.122.5.17513>, <https://elibrary.ru/zcnaqa>

Информация об авторе

Андреанова Мария Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 9336-0842, РИНЦ AuthorID: 999621, <https://orcid.org/0000-0003-0161-1199>, amvspb2019@mail.ru

Information about the author

Maria V. Andrianova, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation, SPIN-code: 9336-0842, RSCI AuthorID: 999621, <https://orcid.org/0000-0003-0161-1199>, amvspb2019@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.06.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.56

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-388-395>

EDN AUBALL

Шифр научной специальности 5.1.2

Принцип справедливости сквозь призму решений высших судов Российской Федерации

Юлия Олеговна Хоршева

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

Северо-Западный филиал

197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5А

 uhorseva@mail.szfrgup.ru

Аннотация

Реализации любого принципа деятельности органов публичной власти должно предшествовать правильное полное понимание содержания такого принципа. Справедливость по-разному рассматривается в различных научных концепциях. Например, в философии она выступает ценностной категорией, в то время как в юридической науке – принципом. Проведен анализ существующей правоприменительной практики относительно применения и реализации принципа справедливости. Исследован вопрос дальнейшей детализации содержания понятия справедливости в праве. Рассмотрены аргументы «за» и «против» закрепления четкого определения понятия «справедливость» в норме права. Сделаны промежуточные выводы о значимости роли высших судов в толковании. Основной целью исследования является выявление подходов к раскрытию содержания принципа справедливости. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: разграничить понимание категории справедливости в разных научных направлениях; исследовать развитие категории «справедливость» в российской доктрине и нормотворчестве; оценить роль высших судов Российской Федерации в толковании принципа справедливости; определить основные сложности, возникающие при попытке дать четкое определение принципу справедливости; предложить возможные варианты совершенствования законодательства для устранения существующей правовой неопределенности в определении содержания принципа справедливости. Среди общих методов исследования можно перечислить логический и системный методы. Среди специальных методов наиболее обширно использовались формально-юридический, сравнительно-правовой (в процессе рассмотрения подходов к толкованию принципа справедливости в разных отраслях права), а также анализ правоприменительной практики. В результате проведенного исследования сделан вывод о невозможности ограничения понимания принципа справедливости путем нормативного закрепления. При этом отсутствие такого закрепления грозит высокой долей субъективизма и зависимости от ценностных ориентиров каждого отдельно взятого правоприменителя. Сформулирована идея о том, что оптимальным является подход, при котором расширительное толкование применяется высшими судами Российской Федерации. Полученные результаты могут послужить основой для формирования правотворческой инициативы, развития доктринальных исследований в выбранной проблематике, а также выработке устойчивого единообразного правоприменения. В итоге выявлены такие особенности правового понимания принципа справедливости в российском нормотворчестве, правоприменении и доктрине, как преобладающее расширительное толкование изучаемой категории высшими судами, отведение значительной роли индивидуализированному подходу при толковании с учетом всех обстоятельств ситуации, неоднооб-

разное использование терминологии для раскрытия содержания принципа справедливости, отказ от определения исчерпывающего перечня обстоятельств и характеристик, которые позволили бы определить ситуацию как справедливую, а также различных подходов к определению содержания принципа справедливости в зависимости от отрасли права и регулируемой группы общественных отношений.

Ключевые слова

принцип справедливости, справедливый суд, Верховный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, расширительное толкование, правоприменитель, принципы деятельности органов публичной власти

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Ю.О. Хоршева – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Хоршева Ю.О. Принцип справедливости сквозь призму решений высших судов Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 388-395. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-388-395>, <https://elibrary.ru/auball>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-388-395>

EDN [AUBALL](https://elibrary.ru/auball)

OECD 5.05; ASJC 3308

The principle of justice through the lens of decisions made by the highest courts of the Russian Federation

Yulia O. Khorsheva

North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

 uhorseva@mail.szfrgup.ru

Abstract

The implementation of any principle of the activity of public authorities should be preceded by a correct and complete understanding of the content of such a principle. Justice is viewed differently in different scientific concepts. For example, in philosophy it acts as a value category, while in law it is a principle. The analysis of the existing law enforcement practice regarding the application and implementation of the principle of justice is carried out. The issue of further detailing the content of the concept of justice in law is investigated. The arguments for and against the establishment of a clear definition of the concept of “justice” in the rule of law are considered. Intermediate conclusions are drawn about the importance of the role of the higher courts in interpretation. The main aim of the study is to identify approaches to the disclosure of the content of the principle of justice. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks: to differentiate the understanding of the category of justice in different scientific directions; to explore the development of the category of “justice” in Russian doctrine and rulemaking; to assess the role of the supreme courts of the Russian Federation in interpreting the principle of justice; to identify the main difficulties that arise when trying to give a clear definition of the principle of justice; to propose possible options for improving legislation to eliminate the existing legal uncertainty in determining the content of the principle of justice. Logical and systematic methods can be listed among the general research methods. Among the special methods, the most extensively used were formal law, comparative law (in the process of considering approaches to interpreting the principle of justice in various branches of law), as well as the analysis of law enforcement practice. As a result of the conducted research, it is concluded that it is impossible to limit the understanding of the principle of justice by means of normative consolidation. At the same time, the absence of such consolidation threatens a high degree of subjectivity and dependence on the value

orientations of each individual law enforcement officer. The idea is formulated that the optimal approach is one in which an expansive interpretation is applied by the highest courts of the Russian Federation. The results obtained can serve as a basis for the formation of a law-making initiative, the development of doctrinal research in the chosen field, as well as the development of sustainable uniform law enforcement. As a result, such features of the legal understanding of the principle of justice in Russian rulemaking, law enforcement and doctrine have been identified as the prevailing broad interpretation of the category under study by the highest courts, the allocation of a significant role to an individualized approach to interpretation taking into account all the circumstances of the situation, the ambiguous use of terminology to disclose the content of the principle of justice, the refusal to define an exhaustive list of circumstances and characteristics that would allow define the situation as fair, as well as different approaches to determining the content of the principle of justice, depending on the branch of law and the regulated group of public relations.

Keywords

principle of justice, fair trial, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, broad interpretation, law enforcement, principles of activity of public authorities

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

Yu.O. Khorsheva – research idea and concept formulation, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Khorsheva, Yu.O. (2026). The principle of justice through the lens of decisions made by the highest courts of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 388-395. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-388-395>, <https://elibrary.ru/auball>

Введение. Постановка проблемы

Такие основы конституционного строя, как концепция социального государства, верховенство права, приоритет прав и свобод человека и гражданина, разделение властей, основаны на принципе справедливости. Деятельность органов публичной власти также должна быть основана на принятии справедливых решений, применении справедливых подходов при реализации норм права. Данный принцип является базисным, однако нормативно его содержание не закреплено. Данное обстоятельство порождает дискуссии, связанные с различными подходами к толкованию данной категории.

Вопросам реализации принципа справедливости в праве посвящен ряд научных исследований. Тем не менее, такие исследования зачастую сконцентрированы на раз решении отраслевых, подотраслевых или институциональных вопросов.

Например, доктрина уделяет особенное внимание вопросам социальной справедливости,

ее эволюции, механизмам реализации [1].

В уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве рассмотрение принципа справедливости встречается довольно часто. Например, в исследовании вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания [2], уголовно-правовым поощрением [3]. Исследования могут быть посвящены принципу справедливости в налоговом праве [4], медицинском праве [5]. Ряд научных статей включает в себя анализ принципа справедливости в праве вообще, без привязки к конкретной отрасли права [6; 7].

Таким образом, на сегодняшний день в правовой реальности России существует проблема отсутствия нормативного определения принципа справедливости. В связи с этим основной целью исследования является проведение сравнительно-правового анализа основных подходов к определению содержания принципа справедливости для дальнейшего совершенствования отечественного законо-

дательства и достижения правового единообразия в вопросе определения соответствия принципу справедливости тех или иных действий, правовых оценок или ситуаций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Определить основные подходы к определению принципа справедливости в праве (включая законодательный, правоприменительный и доктринальный уровни).

2. Исследовать раскрытие принципа справедливости в различных отраслях права России.

3. Определить основные сложности, связанные с толкованием принципа справедливости.

4. Сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства для устранения существующей правовой неопределенности в сфере толкования принципа справедливости.

Методы исследования

При проведении исследования активно использовались логический и систематический подходы, а также совокупность общенаучных (исторический, анализ) и специальных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов правового исследования. При конструировании возможных путей совершенствования механизма правового регулирования общественных отношений также использовались отдельные инструменты метода правового моделирования.

Обсуждение. Результаты исследования

Существуют понятия, содержание и объем которых отличается в зависимости от того, сквозь призму какой области знаний мы будем их рассматривать. Понятие «справедливость» – одно из таких.

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации определяет «справедливость» как «соответствие чего-либо нравственным законам, естественным человеческим отношениям, тому, что оценивается как правильное, честное и заслуженное в отношении человека, общества или государства в целом»¹. Такое толкование до-

вольно широкое, границы справедливости не очерчены и содержат определенную долю субъективизма. Философский смысл справедливости имеет еще более объемное понимание. Следует также учитывать, что различные философские школы имеют свое видение значения категории справедливости, начиная от нравственного идеала Аристотеля и заканчивая равенством субъектов либеральных течений современности [8, с. 32].

Если рассматривать категорию справедливости в правовой науке, то здесь также многообразие подходов – начиная от разделения доктринального подхода и нормотворческого/правоприменительного и до выделения различных школ внутри доктринального подхода, а также рассмотрения категории справедливости в различных судопроизводствах. Справедливость соотносится с концепцией определенности, при которой правоприменитель, с одной стороны, должен сохранять уровень справедливости, заложенный законодателем, а с другой – углублять и расширять законодательную справедливости в процессе правоприменения [9, с. 295].

Общественное понимание справедливости связано с ценностной категорией. Справедливость в праве – это принцип, на котором основывается построение норм, правоприменительная практика.

Зачастую законодатель отождествляет понятия справедливости и законности. Например, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации закрепляет принцип законности и справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел, связывая их реализацию с соответствием решений нормативным правовым актам и правильному толкованию². Уголовный кодекс Российской Федерации, напротив, содержит две отдельные статьи, посвященные принципу законности и принципу справедливости, связывая законность с исключительным сопоставлением деяния с нормами Уголовного кодекса, а справедли-

¹ Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 т. / под науч. ред. Н.М. Кропачева, С.А. Белова, С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. Т. 2. С. 465.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации № 21-ФЗ от 08.03.2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531297&ds=t100080&cacheid=49713DFBFE0CC4CEB10E6F9B4A38AFDF&mode=splus&rnd=QjF3yg#KAKw8KVIRh7226xl> (дата обращения: 20.03.2026).

вость с соответствием характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного³.

В гражданском праве принцип справедливости реализуется через условие, что при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости⁴. Наряду с этим гражданское законодательство также применяет индивидуализацию гражданско-правовой ответственности исходя из обстоятельств дела, целей, мотивов, характера деяния и поведения сторон, а также при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает требования разумности и справедливости.

Процессуальное законодательство сопоставляет принцип справедливости с правом на справедливое судебное разбирательство. Данный подход идентичен во всех видах судопроизводства. При этом содержание справедливого судебного разбирательства само по себе довольно объемное, начиная от предоставления равных прав сторонам с распределением бремени доказывания исходя из специфики правоотношений и заканчивая равными возможностями использования при необходимости переводчиков, представителей, бесплатной юридической помощи и т. д. Следует отметить, что необоснованный отказ, например, в приобщении надлежащих доказательств, является основанием для отмены решения. Таким образом, процессуальное законодательство содержит широкий перечень инструментов и механизмов реализации принципа справедливости на всех этапах судебного разбирательства.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=531283&dst=100023&cacheid=49713DFBFE0CC4CEB10E6F9B4A38AFDF&mode=splus&rnd=QjF3yg#Zmix8KVKQzzFY07t> (дата обращения: 20.03.2026).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/84b5134c56769561e4fd8f33216aee4e7e3243c/ (дата обращения: 21.03.2026).

Позиции судов содержат расширительный подход к толкованию принципа справедливости. Например, в позициях Верховного Суда Российской Федерации принцип справедливости реализуется через оценку особенностей жизненной ситуации в каждом отдельном случае и отмечается недопустимость формального подхода к применению правовых норм⁵.

В позициях Конституционного Суда Российской Федерации также можно найти индивидуализированный подход, через который реализуется принцип справедливости. Например, в вопросах определения справедливой заработной платы для каждого отдельного работника следует учитывать его квалификацию, сложность выполняемой работы, количество и качество затраченного труда, а также повышенную оплату труда в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе при работе в ночное время, сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни⁶.

В вопросах, связанных с реализацией права на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам, Конституционный Суд Российской Федерации определяет ситуации, при которых невозможно достичь справедливости – в случае, если суд не заслушал и не оценил по существу все аргументы, представленные в ходе судебного процесса его участниками со стороны обвинения и защиты, и не обеспечил им равные процессуальные права⁷.

Конституционный Суд Российской Федерации также частично дает определение

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-КГ24-127-К2 от 03.03.2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=851770&cacheid=E6EC3C74873C7DDE1CFF50334E4BD197&mode=splus&rnd=QjF3yg#6t309KVGm3PBfrPU3> (дата обращения: 20.03.2026).

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 17-П/2019 от 11.04.2019 // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision396664.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 237-О/2004 от 08.07.2004 // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision32117.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

принципу справедливости через механизм его реализации, отмечая, что для обеспечения справедливого разрешения уголовного дела мотивировка такого решения должна основываться на конкретных обстоятельствах, подтверждающих необходимость его принятия и нашедших отражение в материалах дела, а также на нормах материального и процессуального права⁸.

Таким образом, ни нормативные правовые акты, ни позиции высших судов не содержат полного определения содержания принципа справедливости, а лишь описывают его признаки через конкретные ситуации, механизмы реализации либо «от обратного» – объясняя, что есть несправедливым.

Принцип справедливости может закрепляться в законах прямо или косвенно – через механизмы его реализации, использование определенных юридических конструкций и институтов. Суды используют расширительный подход при толковании в случаях, когда буквальное толкование непременно приведет к явно несправедливому решению.

В свою очередь справедливость является центральной категорией права, базовой ценностью [10, с. 216]. Более того, являясь общеправовой категорией, содержание принципа справедливости должно совпадать в различных государствах. Однако исследования показывают, что не только государства, но и отраслевое законодательство внутри одного государства вкладывает в этот принцип различный объем [11, с. 229].

Исходя из вышесказанного вытекает вопрос необходимости нормативного закрепления определения принципа справедливости. На наш взгляд, любые попытки четкого определения приведут к ограничительному пониманию данной категории. Находясь на стыке философской и юридической наук, категория справедливости является эталонной

идеей, которая не может быть формально ограничена терминологией.

Подход, при котором на правоприменителя возложена ответственность по толкованию принципа справедливости при применении тех или иных норм, также имеет свои слабые и сильные стороны. С одной стороны, такой подход соответствует природе принципов, которые невозможно ограничить нормативным определением. С другой стороны, сохраняется риск высокой доли субъективизма и зависимости от ценностных ориентиров каждого отдельно взятого правоприменителя. Ведь даже на бытовом уровне каждый человек вкладывает свой смысл в понятие справедливости, порой такие смыслы могут быть очень противоречивы.

Таким образом, считаем оптимальным подход, при котором расширительное толкование применяется высшими судами Российской Федерации.

Заключение

В рамках проведенного исследования выявлены особенности толкования содержания принципа справедливости в российском законодательстве, позициях высших судов и доктринальных исследованиях. Установлено отсутствие нормативного закрепления определения принципа справедливости. При этом законодатель использует различные формулировки, связанные с реализацией принципа справедливости в отраслевом законодательстве. Верховный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Российской Федерации используют расширительный подход при толковании содержания принципа справедливости. Основной проблемой является то, что любые попытки четкого определения принципа справедливости приведут к ограничительному пониманию данной категории. Одним из возможных вариантов разрешения неоднозначности исследуемого вопроса может стать закрепление в позициях высших судов перечня критериев оценки справедливости.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 96-О/2016 от 14.01.2016 // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision222983.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

Список источников

1. Павлова М.А. Эволюция конституционного регулирования принципа социальной справедливости в России в контексте федерализма и социальной дифференциации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 4. С. 41-51. https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_41, <https://elibrary.ru/aofmgb>
2. Кобзева Е.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в свете принципов справедливости и гуманизма // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу: сб. тр. по материалам Всерос. заочной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов: Саратов. гос. юр. акад., 2021. С. 89-99. <https://elibrary.ru/xedajq>
3. Колосовский О.В., Сабитов Т.Р. О некоторых проблемных вопросах соотношения принципов уголовно-правового поощрения и принципа справедливости // Право, политика, управление: риски в условиях суверенизации экономики: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Урал. гос. эконом. ун-т, 2025. С. 88-93. <https://elibrary.ru/adfvba>
4. Прохорко Т.Н. Значение принципов налогового права (на примере принципа справедливости) // Ex Jure. 2024. № 4. С. 93-108. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-4-93-108>, <https://elibrary.ru/oktupp>
5. Шикла И.Р., Шатирия Л.А. Принципы разумности, добросовестности и справедливости при оценке качества оказания медицинской помощи // Вестник Московского международного университета. 2024. № 4 (4). С. 176-180. <https://elibrary.ru/nwdoyz>
6. Ласиков Е.С. Принцип справедливости в системе принципов права // Молодежь, наука и цивилизация: материалы Междунар. студ. науч. конф. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т Мин-ва внутр. дел Рос. Фед., 2022. Т. 24. С. 63-64. https://doi.org/10.51980/978-5-7889-0327-9_2022_23_13_63, <https://elibrary.ru/qlpkcu>
7. Немаев И.М. Роль принципа справедливости в системе принципов исполнительного права // Ex Jure. 2022. № 4. С. 57-76. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-4-57-76>, <https://elibrary.ru/tjrdxi>
8. Гасанова А.А. Понятия справедливости в философии // Научный журнал. 2026. № 1 (76). С. 32-33. <https://elibrary.ru/xtztnc>
9. Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Справедливость как определенность в праве и неотъемлемое качество в сфере реализации права и правоприменительной деятельности // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 292-296. <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-292-296>, <https://elibrary.ru/aomhfd>
10. Ломакина И.Б., Честнов И.Л. Бытие справедливости в праве: рецензия на монографию «Жива ли справедливость в праве?» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 2. С. 213-221. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-2-lomakina-chestnov>, <https://elibrary.ru/ribftr>
11. Нуждова Д.А. Законодательное закрепление принципа справедливости в отечественном и международном праве // Конституции Российской Федерации 30 лет: история и новые вызовы современной юридической науке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов с междунар. участием. Омск: Сибир. юрид. ун-т, 2024. С. 227-230. <https://elibrary.ru/ipaowc>

References

1. Pavlova M.A. (2023). The evolution of constitutional regulation of the principle of social justice in Russia in the context of federalism and social differentiation. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu* = *Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, no. 4, pp. 41-51. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_41, <https://elibrary.ru/aofmgb>
2. Kobzeva E.V. (2021). Conditional exemption from service of punishment in the light of the principles of justice and humanism. *Sbornik trudov po materialam Vserossiiskoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhduнародnym uchastiem «Razvitie nauk antikriminal'nogo tsikla v svete global'nykh vyzovov obshchestvu»* = *Collection of Articles Based on the Proceedings of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference with International Participation "Development of Anti-Criminal Sciences in the Light of Global Challenges to Society"*. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., pp. 89-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xedajq>
3. Kolosovskii O.V., Sabitov T.R. (2025). On some problematic issues of correlation between the principles of criminal law encouragement and the principle of justice. *Materialy 3 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravo, politika, upravlenie: riski v usloviyakh suverenizatsii ekonomiki»* = *Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference "Law, Politics, Management: Risks in the Context of*

- the Sovereignization of the Economy*". Ekaterinburg, Ural State University of Economics Publ., pp. 88-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/adfvba>
4. Prokhorko T.N. (2024). The importance of the principles of tax law (on the example of the principle of fairness). *Ex Jure*, no. 4, pp. 93-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-4-93-108>, <https://elibrary.ru/oktupp>
  5. Shikula I.R., Shatiryan L.A. (2024). Principles of reasonability, integrity and fairness when assessing the quality of medical care. *Vestnik Moskovskogo Mezhdunarodnogo Universiteta = Bulletin of the Moscow International University*, no. 4 (4), pp. 176-180. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nwdoyz>
  6. Lasikov E.S. (2022). The principle of justice in the system of principles of law. *Materialy Mezhdunarodnoi studentcheskoi nauchnoi konferentsii «Molodezh', nauka i tsivilizatsiya» = Proceedings of the International Student Scientific Conference "Youth, Science and Civilization"*. Krasnoyarsk, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., vol. 24, pp. 63-64. (In Russ.) https://doi.org/10.51980/978-5-7889-0327-9_2022_23_13_63, <https://elibrary.ru/qlpkcu>
  7. Nemaev I.M. (2022). The role of the principle of justice in the system of principles of executive law. *Ex Jure*, no. 4, pp. 57-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-4-57-76>, <https://elibrary.ru/tjrdxi>
  8. Gasanova A.A. (2026). Concepts of justice in philosophy. *Nauchnyi zhurnal = Scientific Journal*, no. 1 (76), pp. 32-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xtztnc>
  9. Bulgakov V.V., Bulgakova D.V. (2021). Justice as a certainty in law and inherent quality in the field of the implementation of the law and law enforcement activities. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-Legal Research*, no. 4, pp. 292-296. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2021-4-292-296>, <https://elibrary.ru/aomhfd>
  10. Lomakina I.B., Chestnov I.L. (2024). The existence of justice in law: review of the monograph "Is justice alive in law?" *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, vol. 19, no. 2, pp. 213-221. (In Russ.) <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2024-19-2-lomakina-chestnov>, <https://elibrary.ru/ribftr>
  11. Nuzhdova D.A. (2024). Legislative consolidation of the principle of justice in domestic and international law. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov s mezhdunarodnym uchastiem «Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 30 let: istoriya i novye vyzovy sovremennoi yuridicheskoi nauke» = Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students with International Participation "Constitution of the Russian Federation 30 Years: History and New Challenges of Modern Legal Science"*. Omsk, Siberian Law University Publ., pp. 227-230. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ipaowc>

Информация об авторе

Хоршева Юлия Олеговна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 6156-9307, РИНЦ AuthorID: 1177476, <https://orcid.org/0009-0006-9558-6711>, uhorseva@mail.szfrgup.ru

Information about the author

Yulia O. Khorsheva, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer at the Department of Public Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation, SPIN-code: 6156-9307, RSCI AuthorID: 1177476, <https://orcid.org/0009-0006-9558-6711>, uhorseva@mail.szfrgup.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 29.06.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-396-406>

EDN VVKJMX

Шифр научной специальности 5.1.3

Плагат в научных исследованиях и правовой статус результатов интеллектуальной деятельности: проблемы и перспективы

Константин Геннадьевич Балашов¹ , Наталья Владимировна Кравченко²

¹Адвокатская контора Краснопереконского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов)

150001, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Малая Пролетарская, 22

²ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

✉ kravchenko-nv46@yandex.ru

Аннотация

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта и нейросетевых систем генерации текста создает качественно новые вызовы для правового регулирования академической деятельности и защиты интеллектуальных прав. Традиционное понимание плагиата претерпевает существенную трансформацию в условиях, когда алгоритмы способны создавать текстовые массивы, имитирующие научный дискурс без непосредственного копирования охраняемых произведений. Цель исследования состоит в выявлении правовых пробелов в регулировании использования технологий искусственного интеллекта в научной деятельности, оценке эффективности существующих механизмов антиплагиатного контроля и разработке комплексных законодательных предложений по совершенствованию системы защиты академической добросовестности в условиях цифровой трансформации. Для достижения указанной цели использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и эмпирический методы познания правовой действительности. Экспериментальный метод был реализован путем тестирования нейросетевых моделей с постановкой задачи генерации научной статьи, результаты которого подверглись лингвистической экспертизе с применением методов текстологического и терминологического анализа, что позволило количественно верифицировать наличие плагиата и выявить устойчивые паттерны заимствования. Результатами исследования являются критическое осмысление существующих подходов к правовому регулированию интеллектуальной собственности в контексте использования генеративных систем, установление методологической несостоятельности традиционных антиплагиатных систем при выявлении нейросетевого перефразирования, а также формулирование проектных норм, направленных на устранение законодательных пробелов.

Ключевые слова

плагиат, искусственный интеллект, нейросетевые технологии, академическая добросовестность, авторское право, интеллектуальная собственность, антиплагиатный контроль, генеративные модели, правовое регулирование, научная этика, цифровая трансформация науки

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

К.Г. Балашов – сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи. Н.В. Кравченко – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Балашов К.Г., Кравченко Н.В. Плагиат в научных исследованиях и правовой статус результатов интеллектуальной деятельности: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 396-406. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-396-406>, <https://elibrary.ru/vvkjmx>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-396-406>

EDN **VVKJMX**

OECD 5.05; ASJC 3308

Plagiarism in scientific research and the legal status of outcomes of intellectual pursuits: challenges and prospects

Konstantin G. Balashov¹ , Natalia V. Kravchenko²

¹Law office of the Krasnoperesekopsky district of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association)

22 Malaya Proletarskaya St., Yaroslavl, 150001, Russian Federation

²Southwest State University

94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation

 kravchenko-nv46@yandex.ru

Abstract

The rapid advancement of generative artificial intelligence technologies and neural network-based text generation systems presents fundamentally new challenges for the legal regulation of academic activity and intellectual property protection. The traditional understanding of plagiarism undergoes substantial transformation under conditions where algorithms can produce textual arrays that simulate scholarly discourse without direct copying of protected works. The aim of the study is to identify regulatory gaps in the governance of artificial intelligence technologies in scientific activity, assess the efficacy of existing anti-plagiarism control mechanisms, and develop comprehensive legislative proposals for improving the system of academic integrity protection in the context of digital transformation. To achieve this objective, formal-legal, comparative-legal, systemic-structural, and empirical methods of legal reality cognition were employed. The experimental method was implemented through testing neural network models with the task of generating a scientific article, the results of which were subjected to linguistic expertise using textological and terminological analysis methods, enabling quantitative verification of plagiarism presence and identification of persistent borrowing patterns. The research outcomes include critical examination of existing approaches to legal regulation of intellectual property in the context of generative system utilization, establishment of the methodological inadequacy of traditional anti-plagiarism systems in detecting neural network paraphrasing, and formulation of draft provisions aimed at eliminating legislative gaps.

Keywords

plagiarism, artificial intelligence, neural network technologies, academic integrity, copyright, intellectual property, anti-plagiarism control, generative models, legal regulation, scientific ethics, digital transformation of science

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

K.G. Balashov – normative documents research and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation. N.V. Kravchenko – research concept development, normative documents research and analy-

sis, scientific literature analysis, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board.

For citation

Balashov, K.G., & Kravchenko, N.V. (2026) Plagiarism in scientific research and the legal status of outcomes of intellectual pursuits: challenges and prospects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 396-406. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-396-406>, <https://elibrary.ru/vvkjmx>

Введение

Современное развитие технологий искусственного интеллекта и нейросетевых систем генерации текста приносит качественно новые вызовы в сферу правового регулирования академической деятельности и защиты интеллектуальных прав. Традиционное понимание плагиата как противоправного присвоения авторства на результаты чужого интеллектуального труда претерпевает существенную трансформацию в условиях, когда генеративные алгоритмы способны создавать текстовые массивы, имитирующие научный дискурс без непосредственного копирования охраняемых произведений [1, с. 74]. Данная ситуация актуализирует необходимость переосмысления доктринальных подходов к квалификации плагиата, выработки новых правовых механизмов идентификации и пресечения недобросовестных практик в научной среде, а также формирования адекватной нормативной базы, учитывающей специфику цифровой трансформации научно-исследовательской деятельности.

Проблематика использования нейросетевых технологий в контексте академического плагиата характеризуется многоаспектностью юридических коллизий, затрагивающих как материально-правовые, так и процессуально-правовые аспекты регулирования. Применение генеративных моделей для создания научных текстов порождает вопросы о субъектном составе правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, критериях оригинальности и творческого характера произведения, пределах допустимости использования искусственного интеллекта в качестве инструмента научного познания [2, с. 108]. Особую сложность представляет разграничение правомерного использования технологических средств для оптимизации исследовательского процесса и злоупотреб-

ления такими инструментами с целью фальсификации результатов научной деятельности, что требует выработки четких правовых дефиниций и критериев квалификации.

Действующее законодательство большинства юрисдикций демонстрирует существенные пробелы в регламентации данной проблематики, поскольку формировалось в условиях иной технологической парадигмы и не предусматривает специальных механизмов противодействия плагиату, осуществляемому посредством нейросетевых систем. Нормы авторского права, академические регламенты и этические кодексы научного сообщества оказываются недостаточно эффективными для адекватного реагирования на новые формы недобросовестного поведения, что обуславливает необходимость комплексного правового анализа существующих институтов и разработки инновационных подходов к их совершенствованию [3, с. 52]. Критическое значение приобретает вопрос о балансе между защитой академической добросовестности и обеспечением свободы научного творчества в условиях технологического прогресса.

Перспективы исследования данной проблематики связаны с формированием междисциплинарного подхода, интегрирующего правовую науку, этику научной деятельности, информационные технологии и практику правоприменения. Особую актуальность приобретает разработка специализированных правовых норм, устанавливающих требования к раскрытию информации об использовании нейросетевых технологий в научных работах, критерии оценки оригинальности контента, созданного с применением искусственного интеллекта, а также механизмы юридической ответственности за нарушение академической добросовестности [4, с. 133]. Системное решение обозначенных проблем будет способствовать сохранению

фундаментальных ценностей научной деятельности в эпоху цифровой трансформации и обеспечению правовой определенности в сфере академических правоотношений.

Обсуждение. Результаты исследования

Плагиа́т представляет собой противоправное деяние, заключающееся в незаконном присвоении авторства на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие иному лицу, и их последующем использовании без надлежащего указания на действительного правообладателя [5, с. 89].

В доктрине авторского права данное явление рассматривается как форма нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, охраняемые положениями гражданского законодательства. Объектами плагиата могут выступать литературные произведения, научные труды, музыкальные композиции, произведения изобразительного искусства, дизайнерские решения и иные результаты творческой деятельности, обладающие признаками оригинальности и выраженные в объективной форме [6, с. 69].

Противоправность плагиата обусловлена нарушением как имущественных прав автора на использование произведения, так и его личных неимущественных прав, в частности, права авторства и права на имя.

Квалифицирующими признаками плагиата выступают два взаимосвязанных элемента состава правонарушения.

Первичным признаком является незаконное присвоение авторства, при котором нарушитель выдает чужое произведение или его существенную часть за результат собственной творческой деятельности, тем самым вводя в заблуждение третьих лиц относительно действительного создателя интеллектуального продукта.

Вторым конститутивным признаком служит отсутствие надлежащего указания на источник заимствования и его автора, что лишает правообладателя возможности реализации права на признание своего авторства. При этом юридически значимым является сам факт отсутствия атрибуции авторства, независимо от объема заимствованного материала, поскольку даже использование фрагментов охраняемого произведения без

соответствующей ссылки образует состав нарушения авторских прав [7, с. 38].

Классификация форм плагиата в правовой доктрине основывается на степени и характере заимствования чужого произведения.

Полный плагиат характеризуется воспроизведением произведения в целом без каких-либо изменений с последующим присвоением авторства на него, что представляет собой наиболее грубую форму нарушения исключительных прав.

Мозаичный плагиат заключается в компиляции фрагментов различных охраняемых произведений без указания их авторов и получения соответствующих разрешений правообладателей, при этом заимствованные элементы могут подвергаться механическому объединению или незначительной редакции.

Перефразирование представляет собой переложение чужого произведения иными лексическими средствами при сохранении его содержательной основы, структуры и смысловой нагрузки без ссылки на первоисточник, что квалифицируется как создание производного произведения с нарушением прав автора оригинального текста.

Особую категорию образует плагиат идей, концепций и методологических подходов, правовая квалификация которого представляет определенную сложность ввиду того, что идеи как таковые не подлежат охране нормами авторского права согласно принципу дихотомии идеи и формы ее выражения [8, с. 6].

Тем не менее, присвоение чужой оригинальной концепции или научной методологии без указания ее разработчика может рассматриваться как нарушение академической этики и недобросовестная научная практика, влекущая применение мер дисциплинарной и репутационной ответственности. Самоплагиат, или автоплагиат, характеризуется повторным опубликованием автором собственного ранее изданного произведения под видом нового научного результата без надлежащего указания на предшествующую публикацию, что формально не образует нарушения авторских прав, однако противоречит принципам академической добросовестности и может вводить в заблуждение относительно новизны представляемых результатов научной деятельности.

С точки зрения авторского права (глава 70 ГК РФ, статьи 1259, 1260, 1270, 1274), автоматизированное переформулирование ставит вопрос о границах между правомерной переработкой и противоправным воспроизведением. Российская и международная (Бернская конвенция 1886 г., Договор ВОИС 1996 г.) модели охраны исходят из необходимости «творческого» вклада при создании производного произведения. Однако машинная обработка зачастую сохраняет идейно-тематическую структуру, систему доказательств, терминологический аппарат и научную новизну исходника, что объективно повышает риск несанкционированного создания производного объекта. Отсутствие разъяснений Верховного Суда РФ или официального толкования Минкультуры РФ формирует правовую неопределенность для научных организаций, издательств и грантовых фондов.

Дополнительную сложность вносит проблема соавторства. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности традиционно привязан к человеческому творчеству (пункт 1 статьи 1228 ГК РФ).

Между тем при автоматизированном ре-райте субъектный состав может включать:

- а) владельца исходного текста;
- б) пользователя, применившего программно-аппаратный комплекс;
- в) разработчика программного обеспечения, которому принадлежит алгоритм и обучающие корпуса. В отсутствие специальных норм о правосубъектности «искусственного интеллекта» распределение исключительных и неимущественных прав, а также ответственность за нарушение чужих прав подлежат оценке по аналогии закона и по аналогии права (статьи 6, 8 ГК РФ), что требует выработки теоретических критериев для правоприменителя.

Академическая добросовестность и научная репутация также подвергаются испытанию. Автоматизированное переформулирование потенциально дезактуализирует действующие методики антиплагиатной экспертизы, опирающиеся на количественный анализ совпадений [9, с. 267]. В результате создается угроза искажения конкуренции при распределении бюджетных и внебюджетных средств на исследования, подрывается доверие к диссертационному и издательскому

процессу, нарушаются стандарты ГОСТ и Кодекса этики научного работника РАН.

В рамках настоящего исследования был проведен эксперимент с использованием пяти моделей искусственного интеллекта, интегрированных в популярные чат-боты мессенджера Телеграм. Каждой модели была поставлена задача генерировать научную статью по гражданскому праву на тему: «Проблемы защиты геномной информации в России».

Анализ полученных результатов продемонстрировал критический уровень текстуального заимствования – до 61 % содержания представляло собой плагиат, что свидетельствует о неспособности исследованных моделей создавать оригинальный научный контент. Данный факт был верифицирован посредством лингвистической экспертизы с применением специализированных методов текстологического анализа.

В частности, были выявлены следующие лингвистические маркеры заимствования из работ: С.С. Бородина и А.А. Инюшкина «Геномные исследования и геномное редактирование в аспекте формирования эффективного правового режима», Е.К. Москвиной «Конфиденциальность пациента и права родственников в генетических исследованиях», а также А.Б. Дубова и В.Г. Дьякова «Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования»:

- устойчивые терминологические конструкции: «формирование эффективного правового режима», «аспекты международного и национального регулирования»;
- идентичная структура аргументации при описании проблематики геномной безопасности;
- дословное воспроизведение определений правовых категорий без надлежащего цитирования [10, с. 25].

Таким образом, проведенное исследование актуализирует проблему применения систем искусственного интеллекта в научной деятельности и подтверждает необходимость комплексного правового регулирования данной сферы.

Обозначив указанную проблематику, целесообразно перейти к сравнительно-правовому анализу зарубежного опыта с це-

лю выявления оптимальных правовых механизмов для российской правовой системы.

Вопрос о принадлежности исключительных прав на изображения, литературные произведения, музыкальные композиции, аудиовизуальные произведения и иной контент, генерируемый системами искусственного интеллекта, а также на алгоритмические запросы (промпты) решается в различных юрисдикциях неоднозначно.

Правовая доктрина США. Американское законодательство об авторском праве допускает регистрацию произведений, созданных с участием алгоритмов машинного обучения, при условии внесения человеком существенного творческого вклада [11, с. 203]. Объекты, подвергшиеся редактированию и доработке, могут быть квалифицированы как охраноспособные произведения. Контент, созданный исключительно автоматизированными средствами без участия человека, не подлежит авторско-правовой защите.

Правовой режим Европейского союза. Для возникновения авторских прав на результаты деятельности ИИ-систем необходимо участие человека в творческом процессе – произведение должно являться результатом интеллектуального творчества и отражать индивидуальность создателя [12, с. 184]. Европейские регуляторные органы ведут активную дискуссию относительно защиты прав авторов визуальных произведений и фотографов, чьи работы используются для обучения алгоритмов без надлежащего согласия правообладателей.

Судебная практика Китайской Народной Республики. Регулирование контента, генерируемого системами искусственного интеллекта, в китайской юрисдикции развивается с применением гибких правовых подходов [13, с. 45]. Показательным является решение суда города Пекина 2023 г., впервые признавшее авторско-правовую охрану изображения, созданного посредством алгоритма Stable Diffusion. Судебная инстанция указала, что отказ в правовой защите подобных объектов может препятствовать развитию отрасли.

Правовая концепция Соединенного Королевства. Британское законодательство применяет подход, согласно которому авто-

ром признается лицо, организовавшее создание произведения, независимо от того, кто конкретно или какой инструмент (включая системы искусственного интеллекта) осуществил генерацию результата [14, с. 102].

Позиция Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). ВОИС предложила дифференцированный подход, разграничивающий контент, созданный с творческим участием человека, и полностью автоматизированную генерацию. Первая категория признается объектом авторского права, вторая исключается из сферы правовой охраны.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act). С августа 2025 г. в ЕС вступил в силу Регламент об искусственном интеллекте, устанавливающий обязанность разработчиков и пользователей ИИ-систем раскрывать информацию о данных, использованных для обучения моделей, и документировать процесс создания контента. В случае использования алгоритмами охраняемых авторским правом текстов, изображений или программного кода, данная информация подлежит обязательному отражению в соответствующей отчетной документации.

Итак, перейдем к анализу правовых проблем. Фундаментальная коллизия современного правопорядка заключается в отсутствии легальной дефиниции правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, созданных с применением нейросетевых технологий [15, с. 325]. Действующая редакция пункта 1 статьи 1228 ГК РФ императивно закрепляет, что автором произведения признается исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создан соответствующий результат. Данная конструкция не учитывает специфику триадного субъектного состава, возникающего при машинной генерации научного контента: правообладатель исходных данных, оператор нейросистемы и разработчик программного обеспечения. Отсутствие нормативного регулирования порождает непреодолимую правовую неопределенность относительно принадлежности имущественных и неимущественных прав, что создает препятствия для реализации механизмов юридической ответственности за нарушение академической добросовестности [16, с. 15].

В целях устранения обозначенной правовой лакуны представляется целесообразным внести изменения в главу 70 ГК РФ путем дополнения статьи 1228 пунктом 3 следующего содержания: «Исключительное право на произведение, созданное с использованием систем искусственного интеллекта, принадлежит физическому или юридическому лицу, осуществившему творческую деятельность по формулированию технического задания, отбору и структурированию исходных данных, а также по редактированию и адаптации полученного результата, при условии внесения существенного творческого вклада в конечный продукт». Одновременно необходимо дополнить указанную статью пунктом 4, устанавливающим: «Разработчик программного обеспечения для генерации контента не приобретает прав на произведения, созданные пользователями с применением такого программного обеспечения, если иное не предусмотрено лицензионным соглашением». Данные изменения обеспечат правовую определенность и позволят разграничить сферы правомочий всех участников правоотношений.

Критическая проблема современной системы контроля академической добросовестности заключается в методологической несостоятельности применяемых инструментов обнаружения плагиата при столкновении с результатами нейросетевого перафразирования [17, с. 887]. Традиционные программные комплексы антиплагиатной верификации осуществляют идентификацию правонарушений посредством выявления лексико-синтаксических совпадений между проверяемым текстом и эталонными массивами данных. Генеративные алгоритмы способны трансформировать исходный текстовый материал таким образом, что формальные показатели оригинальности достигают приемлемых значений при сохранении содержательной идентичности, структуры аргументации, терминологического аппарата и научной новизны первоисточника [18, с. 66]. Эмпирическое исследование, результаты которого отражены в анализируемом документе, демонстрирует наличие до 61 % фактического заимствования при формально удовлетворительных метриках уникальности, что свидетельствует о системном кризисе суще-

ствующей парадигмы антиплагиатного контроля.

Разрешение данной проблемы требует комплексного нормативного вмешательства на уровне федерального законодательства и ведомственного регулирования. Необходимо принятие Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия академическому плагиату с использованием технологий искусственного интеллекта».

Указанный нормативный акт должен установить обязательность применения многоуровневой системы экспертизы, включающей: а) традиционный количественный анализ текстуальных совпадений; б) семантический анализ с использованием технологий обработки естественного языка для выявления содержательной идентичности при различном лексическом оформлении; в) экспертную оценку научной новизны и оригинальности представленных результатов специалистами соответствующей области знаний. Министерству науки и высшего образования Российской Федерации надлежит утвердить Порядок проведения комплексной антиплагиатной экспертизы научных работ, предусматривающий алгоритм применения указанных методов верификации, критерии квалификации нарушений академической добросовестности и процедуры документирования выявленных правонарушений.

Существенным пробелом действующего правового регулирования является отсутствие императивной нормы, обязывающей авторов научных публикаций, диссертационных исследований и квалификационных работ раскрывать информацию о факте, характере и объеме использования систем искусственного интеллекта в процессе создания представляемых результатов [19, с. 270]. Данная ситуация создает информационную асимметрию, препятствующую объективной оценке степени самостоятельности исследования, оригинальности полученных выводов и реального вклада автора в развитие научного знания. Отсутствие транспарентности относительно применения нейросетевых технологий нарушает фундаментальный принцип научной этики – принцип интел-

лектуальной честности, подрывает доверие к результатам исследований и искажает конкурентную среду при распределении ресурсов научного финансирования. Международный опыт, в частности, положения Регламента ЕС об искусственном интеллекте, демонстрирует эффективность установления обязанностей по документированию процесса создания контента с применением алгоритмических систем.

Законодательное решение обозначенной проблемы предполагает внесение изменений в Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» путем дополнения статьи 11 пунктом 5.1 следующего содержания: «Научные работники обязаны при подготовке научных публикаций, диссертаций на соискание ученой степени и иных результатов интеллектуальной деятельности раскрывать информацию об использовании систем искусственного интеллекта, включая наименование программного обеспечения, характер выполненных операций и долю автоматизированно созданного контента в общем объеме работы». Параллельно необходимо дополнить Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, пунктом, устанавливающим обязательность включения в диссертацию специального раздела «Методология исследования и используемый инструментарий», содержащего исчерпывающую информацию о применявшихся технологических средствах, в том числе генеративных системах. Указанные изменения обеспечат принцип транспарентности научной деятельности и создадут нормативную основу для объективной оценки академической добросовестности исследователей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие системного противоречия между динамичным развитием технологий генеративного искусственного интеллекта и статичностью правовых механизмов защиты академической добросовестности, что обуславливает критическую необходимость модернизации нормативно-правовой базы регулирования научно-исследовательской деятельности. Эмпири-

чески верифицированная неспособность существующих антиплагиатных систем выявлять заимствования, осуществленные посредством нейросетевого перефразирования, в совокупности с отсутствием легальных дефиниций правосубъектности результатов машинной генерации контента формирует правовой вакуум, препятствующий эффективному противодействию недобросовестным практикам в академической среде. Предложенные законодательные новеллы, включающие модификацию статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации в части установления критерия «существенного творческого вклада», имплементацию многоуровневой системы экспертизы с применением методов семантического анализа, а также закрепление императивной обязанности по раскрытию информации об использовании алгоритмических систем, образуют комплексный правовой механизм, адекватный вызовам цифровой трансформации научного познания.

Практическая значимость исследования детерминируется возможностью непосредственного применения разработанных нормативных конструкций в законотворческой деятельности для устранения выявленных пробелов правового регулирования, что будет способствовать восстановлению эффективности института защиты интеллектуальных прав в условиях технологической парадигмы. Перспективным направлением дальнейших научных изысканий представляется разработка специализированного правового режима результатов коллаборативного взаимодействия человека и систем искусственного интеллекта, включающего детальную регламентацию механизмов распределения исключительных прав, критериев квалификации творческого вклада и дифференцированной ответственности субъектов правоотношений. Формирование сбалансированной правовой модели, обеспечивающей защиту фундаментальных принципов научной этики при сохранении стимулов для инновационного развития технологий искусственного интеллекта, является императивом современной правовой науки и условием сохранения конкурентоспособности отечественной исследовательской инфраструктуры в глобальном академическом пространстве.

Список источников

1. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы // *Философия науки и техники*. 2024. Т. 29. № 1. С. 73-83. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83>, <https://elibrary.ru/advschs>
2. Канзачаков А.В. Правовое регулирование деятельности с использованием нейросетей // *Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Омск: Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, 2024. С. 108-112. <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2024-1-108-112>, <https://elibrary.ru/dwjnru>
3. Алексеева Д.А., Данилов В.Н. Проблема плагиата в контексте академической этики // *Философия науки и техники*. 2020. Т. 25. № 1. С. 52-64. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-1-52-64>, <https://elibrary.ru/brudgn>
4. Иванько Н.А. Искусственный интеллект в образовании: социальная инновация или когнитивная деградация? // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2025. № 7. С. 125-138. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-7-125-138>, <https://elibrary.ru/zpvkzu>
5. Притулин Р.В., Кубышко М.В. Присвоение авторства (плагиат) как основание уголовной ответственности. Часть 1 ст. 146 УК РФ // *Вестник Московского университета МВД России*. 2016. № 2. С. 84-89. <https://elibrary.ru/vpelax>
6. Демкин Д.А. Современные проблемы авторского права и возможные пути их решения // *Трансформация права в информационном обществе: материалы II Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов*. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. С. 66-73. <https://elibrary.ru/xsugqk>
7. Конорезов Н.А. Плагиат: уголовно-правовая и гражданско-правовая сущность понятия // *Общество и право*. 2023. № 3 (85). С. 37-40. <https://elibrary.ru/znnngm>
8. Овчинников Д.В., Чернявский Е.А., Ятманов А.Н. Плагиат в биомедицинских исследованиях // *Педагогика и просвещение*. 2023. № 4. С. 1-11. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.4.39096>, <https://elibrary.ru/vfvcoc>
9. Бенсон И.Н., Лукина К.И. Влияние научного статуса на использование искусственного интеллекта при написании научной статьи // *Прогрессивная экономика*. 2025. № 6. С. 258-272. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_6_258, <https://elibrary.ru/fmxsyn>
10. Бородин С.С., Инюшкин А.А. Геномные исследования и геномное редактирование в аспекте формирования эффективного правового режима // *Правовое государство: теория и практика*. 2020. № 2 (60). С. 19-31. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.3>, <https://elibrary.ru/rbkkgz>
11. Никончук М.Н., Семенов К.С. К вопросу о наличии авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта // *Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: сб. науч. ст. 6 Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 200-204. <https://elibrary.ru/fjaezr>*
12. Касихин Л.В. Использование искусственного интеллекта в создании произведений // *Recent Scientific Investigation: Proceedings of LXIII International Multidisciplinary Conference*. Shawnee, 2024. С. 181-186. <https://elibrary.ru/layvpl>
13. Касихин Л.В. Принадлежность исключительного права на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта // *Интернаука*. 2024. № 45-5 (362). С. 42-46. <https://elibrary.ru/ablxgm>
14. Курова Н.Н., Филимошина Е.А. Анализ теорий определения авторства результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта // *Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 101-103. <https://elibrary.ru/dsxxts>*
15. Сизова Е.В. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2025. № 7. С. 324-342. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11146>, <https://elibrary.ru/falwfl>
16. Иванов И.А. Понятие и правовая природа произведений, созданных генеративными нейросетями // *Интернаука*. 2025. № 27-3 (391). С. 14-16. <https://elibrary.ru/cndwpm>
17. Хатсон Дж. Эволюция роли авторского права в эпоху произведений, созданных искусственным интеллектом // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2. № 4. С. 886-914. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.43>, <https://elibrary.ru/shduef>
18. Вахрушева М.Ю., Мальков Н.М. Искусственные творцы: нейросети и их творческий потенциал // *Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2024. Т. 1. С. 65-68. <https://elibrary.ru/ktaklr>
19. Белякаев М.Ю. Авторское право искусственного интеллекта // *Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с меж-*

дунар. участием. Чебоксары: ООО «Изд. дом «Среда», 2024. С. 269-273. <https://doi.org/10.31483/a-10626>, <https://elibrary.ru/eoufek>

References

1. Tikhonova S.V., Artamonov D.S. (2024). Neural networks as an actor of socio-epistemic arenas: ethical problems. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, vol. 29, no. 1, pp. 73-83. (In Russ.) <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-73-83>, <https://elibrary.ru/advchs>
2. Kanzachakov A.V. (2024). Legal regulation of activities using neural networks. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Ekonomika i upravlenie: opyt i novye resheniya v ehpokhu transformatsii" = Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Economics and Management: Experience and New Solutions in the Era of Transformations"*. Omsk, Siberian Institute of Business and Information Technologies Publ., pp. 108-112. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2024-1-108-112>, <https://elibrary.ru/dwjnru>
3. Alekseeva D.A., Danilov V.N. (2020). Problem of plagiarism in the context of academic ethics. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, vol. 25, no. 1, pp. 52-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2020-25-1-52-64>, <https://elibrary.ru/brudgn>
4. Ivan'ko N.A. (2025). Artificial intelligence in education: social innovation or cognitive degradation? *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, no. 7, pp. 125-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-7-125-138>, <https://elibrary.ru/zpvkzu>
5. Pritulin R.V., Kubyshko M.V. (2016). Attribution of authorship (plagiarism) as the basis of criminal responsibility. Part 1 art. 146 of the criminal code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 84-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpelax>
6. Demkin D.A. (2019). Modern problems of copyright and possible ways of their solution. *Materialy II Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo foruma molodykh uchenykh i studentov "Transformatsiya prava v informatsionnom obshchestve" = Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Forum of Young Scientists and Students "Transformation of Law in the Information Society"*. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., pp. 66-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsugqk>
7. Konorezov N.A. (2023). Plagiarism: criminal law and civil law essence of the concept. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 3 (85), pp. 37-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znnmgm>
8. Ovchinnikov D.V., Chernyavskii E.A., Yatmanov A.N. (2023). Plagiarism in biomedical research. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and Education*, no. 4, pp. 1-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2023.4.39096>, <https://elibrary.ru/vfvcoc>
9. Benson I.N., Lukina K.I. (2025). Impact of scientific status on the use of artificial intelligence in scientific article writing. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economy*, no. 6, pp. 258-272. (In Russ.) https://doi.org/10.54861/27131211_2025_6_258, <https://elibrary.ru/fmxsyn>
10. Borodin S.S., Inyushkin A.A. (2020). Genomic researches and genomic editing in terms of forming effective legal regime. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-Of-Law State: Theory and Practice*, no. 2 (60), pp. 19-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.2.3>, <https://elibrary.ru/rbkkgz>
11. Nikonchuk M.N., Semenov K.S. (2024). On the issue of copyright for works created using artificial intelligence. *Sbornik nauchnykh statei 6 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Teoriya i praktika ehfektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya" = Collection of Scientific Articles from the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Theory and Practice of the Effectiveness of State and Municipal Administration"*. Kursk, "Universitetskaya kniga" Publ., pp. 200-204. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fjaezr>
12. Kasikhin L.V. (2024). The use of artificial intelligence in the creation of works. *Proceedings of 63rd International Multidisciplinary Conference "Recent Scientific Investigation"*. Shawnee, pp. 181-186. <https://elibrary.ru/layvpl>
13. Kasikhin L.V. (2024). Ownership of the exclusive right to works created using artificial intelligence. *Inter-nauka*, no. 45-5 (362), pp. 42-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ablxgm>
14. Kurova N.N., Filimoshina E.A. (2024). Analysis of theories for determining authorship of the results of intellectual activity created by artificial intelligence. *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Pravo v ehpokhu iskusstvennogo intellekta: perspektivnye vyzovy i sovremennye zadachi" = Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scien-*

- tific and Practical Forum "Law in the Era of Artificial Intelligence: Prospective Challenges and Contemporary Tasks". Tyumen, Tyumen State University Press, pp. 101-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dsxxts>
15. Sizova E.V. (2025). Concepts of academic ethics in the context of digital transformation of education: the influence of artificial intelligence. *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal "Kontsept"* = *Periodical Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, no. 7, pp. 324-342. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11146>, <https://elibrary.ru/falwfl>
  16. Ivanov I.A. (2025). The concept and legal nature of works created by generative neural networks. *Internauka*, no. 27-3 (391), pp. 14-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cndwpm>
  17. Hutson J. (2024). The evolving role of copyright law in the age of ai-generated works. *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 2, no. 4, pp. 886-914. (In Russ.) <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.43>, <https://elibrary.ru/shduelf>
  18. Vakhrusheva M.Yu., Mal'kov N.M. (2024). Artificial creators: neural networks and their creative potential. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie* = *Proceedings of Bratsk State University. Series: Economics and Management*, vol. 1, pp. 65-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktaklr>
  19. Belyakaev M.Yu. (2024). Copyright of Artificial Intelligence. *Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Strategii ustoichivogo razvitiya: sotsial'nye, ehkonomicheskie i yuridicheskie aspekty"* = *Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Strategies for Sustainable Development: Social, Economic, and Legal Aspects"*. Cheboksary, "Sreda" Publ. House, pp. 269-273. (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/a-10626>, <https://elibrary.ru/eoufek>

Информация об авторах

Балашов Константин Геннадьевич, помощник адвоката, Адвокатская контора Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), г. Ярославль, Российская Федерация, SPIN-код: [1346-3110](https://orcid.org/0000-0002-6148-0365), РИНЦ Author ID: [1236389](https://orcid.org/0000-0002-6148-0365), <https://orcid.org/0000-0002-6148-0365>, balashoffkonstantin@yandex.ru

Кравченко Наталья Владимировна, преподаватель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, SPIN-код: [2158-2207](https://orcid.org/0000-0002-6378-5074), РИНЦ Author ID: [1269886](https://orcid.org/0000-0002-6378-5074), <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin G. Balashov, Assistant Lawyer, Law office of the Krasnoperesekopsky district of Yaroslavl (Yaroslavl Regional Bar Association), Yaroslavl, Russian Federation, SPIN-code: [1346-3110](https://orcid.org/0000-0002-6148-0365), RSCI Author ID: [1236389](https://orcid.org/0000-0002-6148-0365), <https://orcid.org/0000-0002-6148-0365>, balashoffkonstantin@yandex.ru

Natalia V. Kravchenko, Lecturer, Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, SPIN-code: [2158-2207](https://orcid.org/0000-0002-6378-5074), RSCI Author ID: [1269886](https://orcid.org/0000-0002-6378-5074), <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

Для контактов:

Кравченко Наталья Владимировна
kravchenko-nv46@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 12.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 10.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.85: 341.229

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-407-416>

EDN CXWHSR

Шифр научной специальности 5.1.5

Эволюция правового режима космической деятельности: от универсальных международных норм и суверенных актов к формированию самостоятельной отрасли национального белорусского космического права

Марина Васильевна Андрияшко

Белорусский институт стратегических исследований

220004, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Победителей, 7

 andryashkomv@mail.ru

Аннотация

Цель исследования состоит в агрегации данных об экспертизе Республики Беларусь в сфере космической деятельности, определении сложившихся подходов к администрированию национального космического законодательства, перспективах его развития, готовности образовательной среды к подготовке специалистов в сфере космического права. Основу методологии исследования составляют метод правового моделирования, а также формально-юридический, сравнительно-правовой и герменевтический методы. Основными научными результатами являются оформление актуального представления об экспертизе Республики Беларусь в сфере космической деятельности, сформированное видение отрасли космического законодательства, вектор по наполнению «космическими компетенциями» непрофильного образования. Области применения полученных результатов видятся нормотворческая деятельность, образовательный процесс, документы государственного прогнозирования.

Ключевые слова

законодательство Республики Беларусь, национальное космическое законодательство, космическое образование, экспертиза в сфере космической деятельности

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

М.В. Андрияшко – разработка концепции исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов

Андрияшко М.В. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Андрияшко М.В. Эволюция правового режима космической деятельности: от универсальных международных норм и суверенных актов к формированию самостоятельной отрасли национального белорусского космического права // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 407-416. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-407-416>, <https://elibrary.ru/cxwhsr>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-407-416>

EDN CXWHSR

OECD 5.05; ASJC 3308

**Evolution of the legal regime of space activities:
from universal international norms and sovereign acts
to the formation of an independent branch
of the national Belarusian space law**

Maryna V. Andryashka

Belarusian Institute for Strategic Research

7 Pobeditelei Ave., Minsk, 220004, Republic of Belarus

 andryashkomv@mail.ru

Abstract

The aim of the research is to aggregate data on the expertise of the Republic of Belarus in the field of space activities, to determine the established approaches to the administration of national space legislation, the prospects for its development, and the readiness of the educational environment to train specialists in the field of space law. The foundation of the research methodology consists of the method of legal modeling, as well as formal-legal, comparative-legal, and hermeneutic methods. The main scientific results include the formulation of a current understanding of the expertise of the Republic of Belarus in the field of space activities, the developed vision of the space law sector, and the direction for filling non-profile education with “space competencies”. The areas of application for the obtained results are seen as legislative activity, the educational process, and state forecasting documents.

Keywords

legislation of the Republic of Belarus, national space legislation, space education, expertise in the field of space activities

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

M.V. Andryashka – research concept development, normative documents collection and processing, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, revision, editing in accordance with the journal requirements.

Conflict of interests

Maryna V. Andryashka is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The authors declare no other conflicts of interest.

For citation

Andryashka, M.V. (2026). Evolution of the legal regime of space activities: from universal international norms and sovereign acts to the formation of an independent branch of the national Belarusian space law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 407-416. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-407-416>, <https://elibrary.ru/cxwhsr>

Введение

В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹. В исследовательской среде высказываются мнения об *a priori* использовании Целей устойчивого развития в качестве ориентира для прогрессивного развития космического права и отмечается сравнительная новизна подобных исследований [1, с. 55]. При этом, по данным ООН, более 40 процентов направлений, обеспечивающих устойчивое развитие, уже обусловлены развитием космических технологий и связаны с использованием космической индустрии.

В соответствии с резолюцией 68/75 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 2013 г. Республика Беларусь была принята в члены Комитета ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях и стала 75-м государством, включенным в его состав (в 1958 г. было 18, а в 2026 г. – 110 участников, так или иначе осуществляющих космическую деятельность).

Характер мировой космической деятельности ежегодно усложняется, возрастает влияние космической отрасли на социально-экономическое развитие стран и целых регионов, нормой становится космический частный аутсорс, оформился глобальный тренд на приватизацию и коммерциализацию исследования и использования космического пространства.

Такой курс космической гонки изменяет формат и тактику ее реализации: происходит смещение рамок с установленного в 60-х гг. XX века публичного правового регулирования – на частное. По этим причинам в исследовательской среде сформировалось мнение о том, что складывающимся отношениям в сфере космической деятельности уже не в полной мере соответствует первоначальная доктрина космического права, построенная на универсальных нормах пяти международно-правовых соглашений:

– Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1966 г.) (2026 год – год 60-летия со дня принятия этого первого в своем роде документа);

– Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1967 г.);

– Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1971 г.);

– Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974 г.);

– Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.).

При этом исследователи при изучении отдельных сфер международного космического права (использование космического пространства в период вооруженного конфликта) отмечают, что надежды на заключение нового международного договора, учитывая факт заключения последнего универсального международного договора в 1979 г., маловероятны [2, с. 36].

Помимо прочего, в сфере международной космической деятельности сложился и развивается устойчивый тренд на создание «мягкого права», не имеющего юридически обязательной силы, но обладающего моральным авторитетом (правила, рекомендации, заключения, коммюнике, книги и т. п.).

Параллельно происходит формирование *интеграционного космического законодательства*, как правила, на условиях кооперации (от лат. *cooperatio* – сотрудничество) в рамках региональных межгосударственных образований.

Так, в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) принято Соглашение о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства (Минск, 30 декабря 1991 г.)²,

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (25 сентября 2015 г.). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 01.02.2026).

² Соглашение о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства (Минск, 30 декабря 1991 г.) // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=n09100007&q_id=6087381 (дата обращения: 01.02.2026).

предусматривавшее *программный формат* реализации на базе имеющихся и создаваемых космических комплексов и объектов космической инфраструктуры, а также финансирование межгосударственных программ исследования и использования космического пространства *за счет долевых вкладов* государств-участников.

Впоследствии была принята Конвенция СНГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (2018 г.)³, изменившая подходы и определившая, что сотрудничество по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях выполняется в рамках межгосударственных, межправительственных договоров и международных договоров межведомственного характера, заключенных в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и с соблюдением законодательства каждой стороны, подписавшей Конвенцию.

Правительствами государств – участников СНГ 13 ноября 1992 г. утверждено Положение о Межгосударственном совете СНГ по космосу, являющимся действующим координирующим органом по формированию и реализации межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства в пределах этого межгосударственного образования.

По ряду других интеграционных образований наблюдается та же динамика через программный формат как способ осуществления совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства. Такой формат применяется, например, в рамках *Союзного государства Беларуси и России* (например, программа «Мониторинг-СГ»⁴). Результатом таких про-

грамм по космосу являются как уже состоявшиеся запуски космических аппаратов, так и планируемые в 2027 и 2028 гг. запуски. Например, в 2027 г. запланирован запуск двух малых спутников и в 2028 г. – одного спутника, который позволит делать ортоизображения с разрешением 0,35 метра. В целом возникновение новых областей применения данных ДЗЗ и создание на их основе продукции с добавленной стоимостью, как отмечает И.Н. Адамов, «будет продолжать являться катализатором ускорения спроса на данные дистанционного зондирования с коммерческих спутников» [3, с. 183]. И в целом перспективы развития прикладных видов космической деятельности будут являться драйвером развития мировых и национальных экономик [4, с. 20].

Определенная работа по развитию космической сферы проводится в рамках *Евразийского экономического союза*, целями которого, среди прочих, являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, повышение конкурентоспособности, модернизация и кооперация национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4 Договора о создании Евразийского экономического союза⁵).

Д.В. Богдан, исследовавшая вопросы сотрудничества государств в сфере космической деятельности в рамках ЕАЭС, отмечает надлежаще сложившуюся по ряду направлений регуляторику (установление тарифных льгот на ввозимые товары из третьих стран в рамках международного сотрудничества по исследованию космического пространства и запуску космических аппаратов; закрепление национального режима и режима наибольшего благоприятствования для страхования рисков коммерческих космических запусков; установление закупок из одного источника при приобретении услуг по подготовке и организации полетов космонавтов в космос [5, с. 20], услуг по проектирова-

³ Конвенция СНГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях (Душанбе, 28 сентября 2018 г.) // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=n01800072&q_id=6087360 (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ О программе Союзного государства «Разработка космических и наземных средств обеспечения потребителей России и Беларуси информацией дистанционного зондирования Земли» («Мониторинг-СГ»): постановление Совета Министров Союзного государства от 11.10.2013 № 4 // Информационно-поисковая

система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=a21300051&q_id=6087338 (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ Договор о создании Евразийского экономического союза от 29.05.2014 г. // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01400176&q_id=6087385 (дата обращения: 01.02.2026).

нию, сборке, испытаниям космических аппаратов; установление аукциона для покупки космических летательных аппаратов) [6, с. 595].

Помимо этого, глобально распространяется тренд на формирование *специального национального космического законодательства* государств с широким набором уникальных компетенций в сфере космической деятельности (Российская Федерация⁶ и Республики Казахстан⁷), а также начавших формализацию регулирования космической отрасли (Туркменистан⁸, Республика Армения⁹, Азербайджанская Республика¹⁰, Республики Узбекистан¹¹).

С учетом отмеченных тенденций видится целесообразным обращение к вопросам о разработанности, правовом статусе и режиме белорусского законодательства в сфере исследования и использования космического пространства.

Методы исследования

Исследование проводилось с целью агрегации данных об экспертизе Республики Беларусь в сфере космической деятельности, определения сложившихся подходов и направлений развития администрирования на-

ционального космического законодательства, выявления и учета потребностей образовательной среды для подготовки специалистов в сфере космического права.

Целью исследования опосредован его дизайн, включающий результаты сбора, анализа и обработки эмпирических данных: планов и достижений в сфере космической деятельности с акцентами на уникальных компетенциях Республики Беларусь; актов национального космического законодательства и международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь; перспектив развития космического образования.

Результаты исследования получены на основе *формально-юридического метода*, изучающего внутреннее строение права (структуру норм, институты, источники) вне связи с экономикой или политикой. Применение *сравнительно-правового метода* позволило сопоставить правовые институты и нормы космического права в различных государствах, регионах и межгосударственных образованиях для выявления общего, частного и заимствования передового опыта. *Герменевтический метод* способствовал интерпретации, толкованию смысла текстов правовых норм, установлению их подлинного содержания и воли законодателя. *Метод правового моделирования* позволил сформировать представление о необходимых шагах по развитию и наполнению национального космического законодательства и прогнозировать его вероятную эффективность.

Обсуждение. Результаты исследования

1. Республика Беларусь известна *уникальными компетенциями в сфере исследования и использования космического пространства*:

1) *студенческие космические аппараты Белорусского государственного университета*:

BSUSat-2 – научно-образовательный спутник, являющийся летной частью распределенной наземно-орбитальной учебно-научной лаборатории для обеспечения развития обучения и науки в аэрокосмической области (2023 г., космодром «Восточный», Российская Федерация);

⁶ О космической деятельности: Федеральный закон № 5663-І от 20.08.1993 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9033683> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ О космической деятельности: Закон Республики Казахстан № 528-ІV от 6.01.2012 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000528> (дата обращения: 01.02.2026).

⁸ О космической деятельности: Закон Туркменистана № 307-V от 21.11.2015 // Законодательство стран СНГ: сайт. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=85082 (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ О космической деятельности: Закон Республики Армения № ЗР-152 от 26.03.2020 // Законодательство стран СНГ: сайт. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=125810 (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁰ О космической деятельности: Закон Азербайджанской Республики № 927-VIQ от 24.06.2023 // База правовой информации: сайт. URL: <https://e-qanun.az/framework/54853> (дата обращения: 01.02.2026).

¹¹ О космической деятельности: Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-1017 от 13.01.2025 // Законодательство стран СНГ: сайт. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=164416 (дата обращения: 01.02.2026).

BSUSat-1 – университетский наноспутник для научных исследований и радиолокационной связи (2018 г., космодром «Цзюцюань», Китайская Народная Республика);

2) *экспериментальные школьные проекты*. Например, проект «В космос со своим помидором», воплотился в реальность благодаря неравнодушному отношению к малой родине и энтузиазму отдельных людей. В 2025 г. 1,5 тысячи семян из «помидорных столиц» Беларуси и России (Ивье и Минусинск) переданы школьниками для участия в эксперименте – 30 суток на биоспутнике «Бион-М» № 2 в условиях невесомости, повышенной радиации (на 30 % выше, чем на орбите) и экстремальных температур (от «–150» до «+125»). Эксперимент проводился с целью изучить влияние космических условий на посевные качества семян и выявить мутации для выведения более стойких сортов;

3) *национальная космическая система дистанционного зондирования земли*. Предприятие «Геоинформационные системы» определено в качестве организации, эксплуатирующей эту систему, состоящую из орбитального (Белорусский космический аппарат и космический аппарат «Канопус-В» № 1) и наземного (Центр управления полетом и Командно-измерительный пункт) сегментов. Впоследствии предприятие получило статус Национального оператора Белорусской космической системы дистанционного зондирования Земли¹²;

4) *защитные экраны*. НПЦ НАН Беларуси по материаловедению разработал защитные экраны для электроники аппаратов *Mercury Planetary Orbiter* и *Mercury Magnetospheric Orbiter*, которые в рамках совместной автоматической космической миссии *Bepi Colombo* (Европейское космическое агентство и Японское агентство аэрокосмических исследований) направились исследовать Меркурий 20 октября 2018 г. Их

прибытие к этой планете планируется в ноябре 2026 года;

5) *экспертиза в сфере страхования космических рисков*. Беларусь с 2006 г. аккумулирует экспертизу в сфере страхования космических рисков, что связано с фактом крушения первого белорусского космического аппарата. Риски *утраты* или *повреждения* этого спутника были застрахованы и перестрахованы;

6) *оптика и другое* [7, с. 9].

Несмотря на активное участие Республики Беларусь в научно-техническом сотрудничестве в области изучения и освоения космоса, регулирование такого взаимодействия осуществляется в парадигме *ad hoc* решений – точно, по запросу и в режиме «ручного управления» для разрешения конкретной проблемы, а не долгосрочного системного регулирования.

Вся деятельность по космосу в Республике Беларусь осуществляется в рамках программного подхода: предметная Национальная программа исследования и использования космического пространства в мирных целях на 2008–2012 гг.¹³; инсталлированные в Государственную программу «Наукоемкие технологии и техника» подпрограммы «Исследование и использование космического пространства в мирных целях» (на 2016–2020¹⁴ и 2021–2025 гг.¹⁵); инсталлированная в Государственную программу «Наука для экономики и общества»¹⁶ подпрограмма

¹³ О Национальной программе исследования и использования космического пространства в мирных целях на 2008–2012 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1517 от 14.10.2008 // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c20801517&q_id=6087467 (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁴ Об утверждении Государственной программы «Наукоемкие технологии и техника» на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 327 от 21.04.2016 // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c21600327&q_id=6087482 (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁵ О Государственной программе «Наукоемкие технологии и техника» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 245 от 23.04.2021 // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c22100245&q_id=6087489 (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁶ О Государственной программе «Наука для экономики и общества» на 2026–2030 годы: постановле-

¹² О реализации государственной политики Республики Беларусь в области исследования и использования космического пространства в мирных целях: Указ Президента Республики Беларусь № 609 от 22.12.2004 // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p30400609&q_id=6087427 (дата обращения: 01.02.2026).

«Исследование и использование космического пространства в мирных целях» (на 2026–2030 гг.). В настоящий момент реализуется четвертая белорусская космическая программа.

Однако вопросы комплексного правового регулирования космической отрасли находятся вне фокуса системного внимания национального регулятора.

2. Комплексная архитектура правового регулирования космической отрасли включает разные уровни законодательства: международное (универсальные стандарты); региональные (на базе региональных и интеграционных межгосударственных образований); национальное (без выделения в качестве самостоятельной отрасли).

При таком разнообразии рамок ключ к эффективному регулированию кроется в достижении консенсусов с неперенными ориентирами на национальные интересы и национальную безопасность Республики Беларусь, одним из ключевых направлений обеспечения которой, по мнению ученых Национальной академии наук Беларуси, является создание технологического базиса новых наукоемких отраслей высших технологических укладов, формирование новых точек экономического роста, среди которых – технологии обработки информации из космоса [8, с. 20].

В Конституции Республики Беларусь, равно как в решениях республиканских референдумов напрямую не закреплены нормы о космической деятельности.

В доктринальных и концептуальных документах Республики Беларусь, не отрицая вклада космических технологий в общечеловеческий прогресс и развитие конкуренции, признается уязвимость околоземного космического пространства как среды для реализации военной экспансии.

Отсутствие в Республике Беларусь специального закона по вопросам космической деятельности, технологий и стратегических приоритетов компенсируется фрагментарным упоминанием различных аспектов в отраслевом законодательстве (гражданском,

воздушном, земельном, страховом, лицензионном, гражданском процессуальном и др.). Пенальное законодательство не выделяет нарушения в сфере космической деятельности в качестве объекта правонарушений (кроме косвенных контекстов: нарушение законодательства о геодезической и картографической деятельности, осуществляемой с применением данных ДЗЗ) [9, с. 406].

Нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь весьма разнообразны: от учреждающих до содержащих меры оперативного реагирования; от определяющих приоритеты в космической индустрии до разрешающих отдельные виды деятельности в этой сфере.

Исключительно постановления Совета Министров Республики Беларусь затрагивают вопросы организации нормативного правового обеспечения и юридического сопровождения космической деятельности, подготовки кадров для космической индустрии. В то же время вопросы подготовки космических юристов, экономистов систематически артикулируются немногочисленными исследователями [10, с. 145].

Придерживаясь теории об интересах как *особо значимой детерминанте образования права и фундаментальной движущей силе правотворчества*, полагаем, устойчивое социально-экономическое развитие, обеспечение технологического суверенитета и национальной безопасности видятся достаточно аргументированными интересами для формализации отрасли *национального космического законодательства*.

3. Для администрирования систематизации законодательства, обмена правовой информацией с 1999 г. внедрен Единый правовой классификатор Республики Беларусь, предусматривающий рубрику международное космическое право (16.03.23.00) как направление международного экономического сотрудничества (16.03.20) раздела международного сотрудничества (16.03) блока законодательства в области международных отношений и внешней политики Республики Беларусь (16).

В настоящее время Единый правовой классификатор Республики Беларусь не предусматривает рубрику «национальное космическое законодательство». Например, в

ние Совета Министров Республики Беларусь № 785 от 29.12.2025 // Информационно-поисковая система: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c22500785&q_id=6087496 (дата обращения: 01.02.2026).

карточке документа информационно-поисковая система «Эталон» увязывает постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 октября 2008 г. № 1517 «О Национальной программе исследования и использования космического пространства в мирных целях на 2008–2012 гг.» со следующими рубриками Единого правового классификатора:

01.21.04.01 Прогноз социально-экономического развития. Программы, концепции развития республики (регионов);

04.12.10 Иные виды связи;

10.02.03 Национальная академия наук Беларуси, научно-исследовательские институты и другие научные организации.

В целом такой подход укладывается в сложившуюся логику приоритетов социально-экономического развития страны. Например, целями подпрограммы «Исследование и использование космического пространства в мирных целях» на 2026–2030 гг. заявлены развитие Белорусской космической системы дистанционного зондирования Земли для *решения народнохозяйственных задач* на основе данных дистанционного зондирования Земли, а также *формирование и развитие* кадрового, научно-технического, организационного и *нормативно-правового обеспечения космической деятельности*, исследования в области космической биологии, физиологии и медицины.

Логическим продолжением формирования и развития нормативно-правового обеспечения космической деятельности видится работа по дополнению Единого правового классификатора Республики Беларусь рубрикой «национальное космическое законодательство».

Формированием отрасли национального космического законодательства не только упорядочиваются отношения в сфере исследования и использования космического пространства, но также повышается субъектность Беларуси в этой сфере деятельности.

4. Одним из первых шагов по созданию специальной национальной отрасли законодательства, как представляется, должна стать **подготовка специалистов в сфере космического права**, а следовательно, нужны учебные программы и изменения учебных планов.

В настоящее время подготовлен макет учебной программы учебной дисциплины (факультативной) в объеме 30 часов для бакалавров «Космическое право» с учетом мирового опыта ее преподавания для неспециалистов (экономистов, юристов, бухгалтеров). При проведении работы над макетом программы учитывался богатый опыт учреждений высшего образования Российской Федерации, имеющий экспертизу в сфере подготовки космических «неспециалистов».

В Республике Беларусь согласно Концепции развития инженерного образования на период до 2035 г.¹⁷ предусмотрены перспективные инженерные специальности, в том числе «Космическая робототехника» на базе Белорусского государственного университета и Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

При этом наименования специальностей общего высшего образования, обеспечивающего получение степени «Бакалавр», в настоящее время *укрупнились*. Так, специальности «Радиофизика» (код 1-31 04 02 по ОКРБ 011-2009) и «Аэрокосмические радиоэлектронные и информационные системы и технологии» (код 1-31 04 04 по ОКРБ 011-2009) с присвоением соответственно квалификаций «Радиофизик» и «Специалист по аэрокосмическим радиоэлектронным и информационным системам и технологиям. Радиофизик» объединены в специальность «Радиофизика и информационные технологии» (код 6-05-0533-05 по ОКРБ 011-2022) с присвоением квалификации «Радиофизик. Инженер-программист», то есть *фокус с собственно аэрокосмических аспектов смещен*. Полагаем, имиджу и популяризации космонавтики и космических исследований в большей степени способствовали наименования специальностей и квалификаций в *предшествующей редакции*. Вместе с тем указатель специальностей и степеней углубленного высшего образования, обеспечивающего получение степени «Магистр», до-

¹⁷ Об утверждении Концепции развития инженерного образования в Республике Беларусь на период до 2035 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 264 от 15.05.2025 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500264> (дата обращения: 01.02.2026).

полнен специальностью магистратуры «Аэрокосмические технологии» (7-06-0533-09) по направлению специальности «Проектирование и управление летательными аппаратами».

В Республике Беларусь осуществляется подготовка и по другим уникальным специальностям на уровне бакалавриата, например, «Космоаэрокартография и геодезия» (6-05-0532-05) с присвоением квалификации «Специалист по картографо-геодезической деятельности» (подготовку осуществляет только БГУ), формирующая у обучающихся компетенции в области обработки данных дистанционного зондирования Земли и дешифровки материалов аэрокосмических съемок.

Заключение

В Республике Беларусь подготовка инженерных кадров для космической отрасли

налажена, а позиционирование страны под брендом «кузницы инженерно-технических и аэрокосмических кадров» сохраняется с советских времен. Резервом здесь видится лишь точечное вовлечение непрофильных специалистов (маркетологов, экономистов, бухгалтеров, юристов), ввиду этого требуется разработка учебно-программной документации и включение в учебные планы соответствующих учебных дисциплин. Формирование национальной отрасли космического законодательства определяется по косвенным признакам, например, через задачи государственных научных программ, при этом формализация сферы национального космического права не только важна для имиджевого странового роста, но и упорядочивает правовое регулирование отношений в сфере исследования и использования космического пространства.

Список источников

1. Адамов И.Н. Прогрессивное развитие международного космического права в свете целей устойчивого развития // Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 1-2. С. 55-60. <https://elibrary.ru/pymegd>
2. Богдан Д.В. О применимости норм международного гуманитарного права к космическому пространству // Юстиция Беларуси. 2019. № 12. С. 35-38. <https://elibrary.ru/ijxogh>
3. Адамов И.Н. Международно-правовая защита данных (информации) дистанционного зондирования земли из космоса // Право.by. 2008. № 1. С. 182-187.
4. Богдан Д.В. Правовое регулирование прикладных видов космической деятельности: опыт Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2024. № 10. С. 20-23. <https://elibrary.ru/dbokka>
5. Богдан Д.В. О правовом становлении регулирования белорусской космонавтики // Юстиция Беларуси. 2024. № 4. С. 20-24. <https://elibrary.ru/pchqtt>
6. Богдан Д.В. Развитие международно-правового сотрудничества Республики Беларусь в космической сфере: опыт Евразийской интеграции // Правовая политика, наука, практика – 2024: сб. материалов Республик. науч.-практ. конф. Минск: Нац. центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2024. С. 594-598.
7. Андрейченко В.П. Доминанта законности, патриотизма и заботы власти о человеке // Проблемы управления. 2017. № 3. С. 7-10. <https://elibrary.ru/zgsvaj>
8. Гусаков В.Г. Научные основы реализации национальных интересов, укрепления суверенитета и независимости государства // Проблемы управления. 2017. № 3. С. 16-23. <https://elibrary.ru/zgsvbn>
9. Андрияшко М.В. Космическая отрасль в национальном законодательстве Республики Беларусь // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3. С. 396-409. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>, <https://elibrary.ru/tezgkw>
10. Витязь П.А., Килин С.Я., Золотой С.А. и др. Беларусь. Путь в космос. Минск, 2018. 245 с.

References

1. Adamov I.N. (2022). International legal instruments on the use of outer space in the global agenda for sustainable development. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*, no. 1-2, pp. 55-60. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pymegd>
2. Bogdan D.V. (2019). Applicability of international humanitarian law to outer space. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 12, pp. 35-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ijxogh>

3. Adamov I.N. (2008). International legal protection of Earth remote sensing data (information) from space. *Pravo.by = Law.by*, no. 1, pp. 182-187. (In Russ.)
4. Bogdan D.V. (2024). Legal regulation of applied types of space activities: the experience of the republic of Belarus. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 10, pp. 20-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dbokka>
5. Bogdan D.V. (2024). On the legal formation of regulation of Belarusian cosmonautics. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, no. 4, pp. 20-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pchqtt>
6. Bogdan D.V. (2024). Development of international legal cooperation of the Republic of Belarus in the space sector: the experience of Eurasian integration. *Sbornik materialov Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovaya politika, nauka, praktika – 2024» = Collection of Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference “Legal Policy, Science, Practice–2024”*. Minsk, National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus Publ., pp. 594-598. (In Russ.)
7. Andreichenko V.P. (2017). The dominant of legality, patriotism and the protection of the authority of man. *Problemy upravleniya = Management Issues*, no. 3, pp. 7-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgsvaj>
8. Gusakov V.G. (2017). Scientific foundations for implementation of national interests, strengthening sovereignty and independence of the state. *Problemy upravleniya = Management Issues*, no. 3, pp. 16-23. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgsvbn>
9. Andriyashka M.V. (2025). The space industry in the national legislation of the republic of Belarus. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 396-409. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-3-396-409>, <https://elibrary.ru/tezgkw>
10. Vityaz' P.A., Kilin S.YA., Zolotoi S.A. et al. (2018). *Belarus. The path to space*. Minsk, 245 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрияшко Марина Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, главный советник отдела внутривластного анализа управления внутренней политики, Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск, Республика Беларусь, SPIN-код: [8337-0086](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), РИНЦ AuthorID: [596206](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), ResearcherID: [AAY-7168-2020](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), Scopus Author ID: [57222323133](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, andryashkomv@mail.ru

Information about the author

Maryna V. Andryashka, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Adviser of the Department of Internal Policy Analysis of the Department of Internal Policy, Belarusian Institute for Strategic Research, Minsk, Republic of Belarus, SPIN-code: [8337-0086](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), RSCI AuthorID: [596206](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), ResearcherID: [AAY-7168-2020](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), Scopus Author ID: [57222323133](https://orcid.org/0000-0003-2527-2224), <https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>, andryashkomv@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 12.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.06.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-417-425>

EDN CDVJAB

Шифр научной специальности 5.1.2

Принципы правового регулирования административной ответственности: опыт Республики Беларусь

Роман Владимирович Терентьев

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

Северо-Западный филиал

197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

 trv-2008@yandex.ru

Аннотация

Принципы права – неотъемлемая часть системы правового регулирования. Одна из особенностей современной системы российского законодательства – слабый уровень легального закрепления принципов применения мер административной ответственности как в сфере материально-правового, так и процессуально-правового регулирования. Предстоящая третья кодификация российского законодательства об административных правонарушениях ставит вопрос о поисках новых подходов к формулированию и раскрытию базовых принципов административной ответственности. Основной целью является проведение сравнительно-правового анализа действующего законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, регулирующего применение мер административной ответственности через призму закрепления и раскрытия базовых принципов правового регулирования в данной сфере, и формулировка выводов о возможности использования белорусского опыта в процессе совершенствования отечественных правовых норм. Исследование основано на применении сравнительно-правового метода. Среди специальных и общенаучных методов наиболее обширно использовались формально-юридический и метод системного анализа. Результатом работы является сравнительно-правовой анализ норм Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части формулировки основных принципов административной ответственности, а также инструментария, направленного на реализацию этих принципов в правоприменительной практике. Особое внимание уделялось принципам равенства перед законом и справедливости через их характеристику, с одной стороны, как общеправовых принципов, с другой стороны, как специальных принципов отраслевого законодательства, имеющих конкретное содержание. Полученные результаты могут послужить основой для правотворческой деятельности и развития доктринальных исследований в выбранной проблематике. Автор на основе проведенного сравнительно-правового анализа приходит к выводу о возможности использования опыта белорусского законодателя в процессе совершенствования законодательства об административных правонарушениях путем частичного заимствования инструментария, направленного на раскрытие принципов равенства лиц перед законом и справедливости.

Ключевые слова

административная ответственность, административное правонарушение, КоАП РФ, КоАП РБ, принципы правового регулирования, сравнительно-правовой анализ

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Р.В. Терентьев – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Терентьев Р.В. Принципы правового регулирования административной ответственности: опыт Республики Беларусь // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 417-425. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-417-425>, <https://elibrary.ru/cdvjab>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-417-425>

EDN CDVJAB

OECD 5.05; ASJC 3308

Principles of legal regulation of administrative responsibility: the experience of the Republic of Belarus

Roman V. Terentev

North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

 trv-2008@yandex.ru

Abstract

The principles of law are an integral part of the legal regulation system. One of the features of the modern system of Russian legislation is the weak level of legal consolidation of the principles of applying administrative liability measures both in the field of substantive and procedural legal regulation. The upcoming third codification of Russian legislation on administrative offences raises the question of finding new approaches to the formulation and disclosure of the basic principles of administrative responsibility. The main purpose is to conduct a comparative legal analysis of the current legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus governing the application of administrative liability measures through the prism of consolidating and disclosing the basic principles of legal regulation in this area, and to draw conclusions about the possibility of using Belarusian experience in the process of improving domestic legal norms. The research is based on the application of the comparative legal method. Among the special and general scientific methods, the formal legal and the method of system analysis were most extensively used. The result of the work is a comparative legal analysis of the norms of the Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation regarding the formulation of the basic principles of administrative responsibility, as well as tools aimed at implementing these principles in law enforcement practice. Special attention was paid to the principles of equality before the law and justice through their characterization, on the one hand, as general legal principles, on the other hand, as special principles of sectoral legislation with specific content. The results obtained can serve as a basis for law-making activities and the development of doctrinal research in the chosen field. Based on the conducted comparative legal analysis, the author comes to the conclusion that it is possible to use the experience of the Belarusian legislator in the process of improving legislation on administrative offenses by partially borrowing tools aimed at revealing the principles of equality of persons before the law and justice.

Keywords

administrative liability, administrative offense, Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus, principles of legal regulation, comparative legal analysis

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

R.V. Terentev – formulation of research ideas and concepts, collection and analysis of scientific literature, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Terentev, R.V. (2026). Principles of legal regulation of administrative responsibility: the experience of the Republic of Belarus. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 417-425. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-417-425>, <https://elibrary.ru/cdvjab>

Введение

Необходимость существенных реформ законодательства об административных правонарушениях не вызывает сомнения у современных исследователей и практикующих юристов. Наглядным подтверждением того, что такая реформа стоит на повестке дня, являются проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса об административных правонарушениях, обсуждение и экспертиза которых начались в 2020 г. Понимая, что задержка в принятии новых кодексов вызвана целым рядом объективных и субъективных причин, можно высказать гипотезу о том, что новые проекты нуждаются в существенном анализе с точки зрения соответствия современным тенденциям в сфере правового регулирования административной ответственности. Одновременно данные тенденции необходимо соотнести с современным подходом к принципам правового регулирования применения мер административной ответственности. Важность выделения базовых принципов правового регулирования в данной сфере неоднократно подчеркивалась исследователями, в том числе автором настоящей статьи [1]. При этом необходимо отметить, что существуют значительные расхождения в отечественной правовой доктрине как по вопросу определения принципов административной ответственности, так и по вопросу определения сущности данного правового института [2]. Один из способов повышения эффективности работы над новыми кодифицированными актами – обращение к аналогичным правовым институтам в зарубежных государствах с целью анализа механизмов повышения эффективности правового регулирования, примененных в государствах,

применяющих схожие правовые институты. Обращение к опыту Республики Беларусь в данной сфере обусловлено фактом завершившегося в данном государстве в 2021 г. процесса третьей кодификации норм, регламентирующих применение мер административной ответственности. Новый законодательный акт создавался с учетом практики применения старого кодекса и является результатом воплощения ряда концепций, направленных на реализацию основных принципов административной ответственности. Кроме того, необходимо помнить, что система законодательства об административных правонарушениях в Республике Беларусь и Российской Федерации имеет общие корни, заложенные Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г.¹ [3, с. 126]. Динамика развития законодательства, регламентировавшего применение мер административной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации, была обусловлена схожими процессами социально-экономического развития в постсоветский период. Сравнительно-правовые методы исследования в отношении законодательства об административных правонарушениях применялись исследователями как в отношении ранее действовавшего в Беларуси законодательства об административных правонарушениях [4], так и после принятия нового Кодекса [3]. При этом необходимо отметить, что отдельных исследований, направленных на сравнительно-правовой анализ законодательства об административных правонарушениях в Российской Федерации и Республике Беларусь через призму реализации принципов юридической ответствен-

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44. Ст. 909.

ности, автором обнаружено не было. Существует возможность выдвинуть гипотезу о том, что опыт третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях, проведенной в Республике Беларусь, может быть использован в рамках аналогичной работы в Российской Федерации.

При проведении исследования активно использовался сравнительно-правовой метод исследования наряду с формально-юридическим, методом правового моделирования, направленного на конструирование возможных путей совершенствования действующих норм. В рамках исследования использовались методы системного анализа, логический, а также совокупность общенаучных методов исследования.

Обсуждение. Результаты исследования

Принципы правового регулирования играют важнейшую роль в системе правового регулирования в целом и в системе мер, связанных с применением мер юридической ответственности, в частности. Как справедливо отмечается исследователями, «Уровень эффективности процессуально-правового регулирования, как и судопроизводства, зависит также от точного и неуклонного использования и соблюдения процессуальных принципов» [5, с. 30].

Необходимо отметить, что планомерное развитие законодательства об административных правонарушениях возможно только в случае определения сущности этой ответственности, определения целей ее применения, черт, отличающих от иных видов юридической ответственности. Формулировка законодателем основных принципов правового регулирования, безусловно, способствует определению основного вектора развития норм, способствует систематизации и гармонизации существующих норм.

Можно констатировать отсутствие системного подхода к изложению принципов административной ответственности в действующем в Российской Федерации Кодексе об административных правонарушениях²

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=533467&d>

(далее – КоАП РФ). Законодатель напрямую формулирует принцип равенства всех лиц перед законом при применении мер административной ответственности (статья 1.4 КоАП РФ), принцип презумпции невиновности (статья 1.5 КоАП РФ). Остальные традиционные принципы, связанные с применением мер ответственности, подлежат выделению из текста закона путем формального и системного толкования [1, с. 690]. Анализируя действующий Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РБ), необходимо прийти к выводу о достаточно подробном изложении принципов правового регулирования, сформулированных как принципы Кодекса об административных правонарушениях, к которым отнесены принципы законности, справедливости, гуманизма, равенства перед законом, а также виновной ответственности физических лиц (часть 3 статьи 1.2 КоАП РБ). Указанные принципы являются общеправовыми, традиционными для правового регулирования. Важной особенностью действующего КоАП РБ является не только фиксация принципов, но и создание норм, направленных на их реализацию. Так, модель раскрытия равенства лиц перед законом, использованная в Республике Беларусь, в значительной степени соответствует базовым характеристикам данного принципа. В соответствии со статьей 4.5 КоАП РБ должностные лица правоохранительных органов, в том числе МВД, Следственного комитета подлежат ответственности на общих основаниях, с исключением возможности применения к ним административных наказаний в виде общественных работ и административного ареста и исключением применения штрафа к военнослужащим срочной службы. Несмотря на схожесть правового регулирования, КоАП РФ предусматривает привлечение к дисциплинарной ответственности лиц, на которые распространяют действие дисциплинарные уставы, связанные с про-

[st=100001#FMyuEKV8RHjYceg11](https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK2100091) (дата обращения: 01.05.2026).

³ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6.01.2021 № 91-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK2100091> (дата обращения: 01.05.2026).

хождением военной службы и осуществлением правоохранительной деятельности. Выделение значительного количества специальных субъектов административной ответственности в российском законодательстве в определенной степени усложняет конструкцию действующих норм, создавая, по сути, самостоятельный институт – институт дисциплинарной ответственности за административные правонарушения.

Отдельно необходимо остановиться на реализации принципа справедливости в КоАП РБ. Содержательная часть принципа справедливости, применительно к процессуальному законодательству, всегда вызывала споры в научном сообществе и среди правоприменителей [6]. В процессе анализа понятия «справедливость» неизбежно встают вопросы о соотношении его с законностью [5, с. 34], о пределах использования терминов, связанных с нравственной и этической оценкой в системе правового регулирования. В связи с этим опыт законодателя Республики Беларусь по раскрытию этого принципа через конкретизацию в отдельных нормах можно признать интересным.

В этом ключе принцип справедливости это не только базовый универсальный общеправовой принцип, это и специальный принцип применения мер административной ответственности с вполне конкретным содержанием. Рассматривая любой кодифицированный акт как инструмент для регулирования конкретных отношений, необходимо прийти к выводу о том, что законодателю следует разъяснить значение этого принципа и предусмотреть конкретный правовой инструментарий, направленный на его реализацию.

Статья 1.4 КоАП РФ раскрывает принцип справедливости через норму о соразмерности применения мер ответственности общественной опасности совершенного деяния, наступившим последствиям и обстоятельствам совершенного деяния, целям назначения наказания. Можно говорить о том, что в данном случае законодатель воспринял конструкцию, характерную для уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, раскрывающего принцип справедливости через справедливость наказания и справед-

ливость приговора (часть 2 статьи 6, статья 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴, часть 4 статьи 350 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь⁵). Указанное обстоятельство подчеркивает факт близости законодательства, регламентирующего производство по делам об административных правонарушениях и уголовно-процессуального законодательства, вытекающего из общих подходов к установлению мер публично-правовой ответственности, связанных с совершением правонарушения. Можно предположить, что схожесть в изложении норм, связанных с раскрытием принципа справедливости, указывает на дальнейшее восприятие законодательством об административных правонарушениях конструкций, характерных для уголовного права и процесса, в целях повышения уровня процессуальных и иных гарантий. Можно констатировать, что такой подход более традиционен для отечественной правовой системы. Несмотря на то, что Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁶ (далее – КАС РФ) нормативно закрепляет принцип справедливости в качестве процессуального принципа (статья 6), его понимание может существенно отличаться от понимания аналогичных принципов в уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве об административных правонарушениях. Как справедливо подчеркивается исследователями: «Нормативное положение статьи 9 КАС РФ не выявляет исчерпывающих

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант плюс». URL: <http://consultant.szfrgup.ru:8000/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=sHPWjg&base=LAW&n=531288&cacheid=0EDCF9FE3F5F6610EF6F8416AABEFDAD&mode=rubr#p9qZKKVmY7O2SWRm> (дата обращения: 01.05.2026).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9900295> (дата обращения: 01.05.2026).

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СПС «Консультант плюс». URL: <http://consultant.szfrgup.ru:8000/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=sHPWjg&base=LAW&n=531297&cacheid=1117DB533839DB9DE284D4D500F674A0&mode=rubr#tL0IKKViMD40iiFr> (дата обращения: 01.05.2026).

признаков, которые могут характеризовать принцип справедливости судопроизводства» [7, с. 52]. Указанное обстоятельство позволило некоторым исследователям говорить о «фантомности» принципа справедливости в рамках административного судопроизводства [8, с. 95]. Можно предположить, что в КАС РФ справедливость понимается, прежде всего, как общеправовой принцип и принцип правосудия, без раскрытия особенностей его применения в рамках процесса. Наиболее распространенным является позиция, в рамках которой принцип справедливости, упомянутый в статье 6 КАС РФ, – это, прежде всего, процессуальный принцип, связанный с порядком рассмотрения дела [9]. И.Н. Спицин выделяет материально-правовую сторону принципа справедливости (проявляющуюся в результате рассмотрения дела), но предлагает избегать такого понимания [10, с. 30].

Анализ дискуссий о содержании принципа справедливости в рамках производства по оспариванию действий и решений публичной администрации (административного судопроизводства, производства в рамках КАС РФ) позволяет сделать вывод о том, что разный подход к понятию и содержанию принципов указывает на различную процессуальную природу норм административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях. Не случайно КоАП РБ устанавливает принципы ответственности, а не принципы производства. На материально-правовую природу принципа справедливости применительно к ответственности указывает и часть 3 статьи 4.1 КоАП РБ, в которой постулируется восстановление социальной справедливости в качестве цели административной ответственности.

Каков дополнительный инструментарий КоАП РБ, направленный на реализацию принципа справедливости? Во-первых, это разграничение правонарушений по степени общественной опасности. КоАП РБ вводит понятие «незначительный размер ущерба» – размер ущерба на сумму до сорока базовых величин. В этих же целях административные правонарушения разделены на административные проступки, значительные административные правонарушения, грубые админи-

стративные правонарушения. Критерием такого разграничения являются размеры штрафных санкций и категории наказаний, которые назначаются за конкретное правонарушение. Таким образом, правоприменитель получил четкие ориентиры, позволяющие проводить градацию между правонарушениями по степени вреда, причиненного общественным отношениям. Во-вторых, необходимо отметить отличительную особенность КоАП РБ – наличие указаний на то, в каких случаях меры ответственности должны быть более серьезными. Например, устанавливая границу в сорок базовых величин для ряда правонарушений в области финансов, рынка ценных бумаг, банковской, предпринимательской деятельности (часть 3 статьи 4.6 КоАП РБ).

Интересным представляется подход, который касается особых условий реализации специального принципа двухсубъектной ответственности в соотношении с принципом справедливости. Препятствием к фактическому наказанию виновного лица дважды за одно и то же деяние является закрепление в КоАП РБ нормы о том, что юридическая ответственность юридического лица является дополнительной к ответственности работников этого лица и применяется в случае нанесения существенного ущерба общественным отношениям.

Российское законодательство об административных правонарушениях, как и законодательство Республики Беларусь, исходит из общего принципа соразмерности наказания противоправному деянию. Статья 4.1 КоАП РФ говорит о том, что при назначении административного наказания должны учитываться характер совершенного административного правонарушения, личность виновного, имущественное положение правонарушителя, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность. Вводя институт малозначительности (статья 2.9 КоАП РФ), а также возможность назначения наказания ниже низшего предела (статья 4.1 КоАП РФ), российский законодатель не дает конкретных ориентиров градации малозначительных, грубых, опасных правонарушений, в связи с чем применение указанных инсти-

тутов всегда порождало противоречивую правоприменительную практику. Прежде всего такие противоречия проявляются при применении института малозначительности и принципа двухсубъектной ответственности, формальное толкование последнего неизбежно приводит к выводу о том, что при совершении правонарушения юридическим лицом обязательным является привлечение к ответственности как должностного лица, так и организации в целом, несмотря на попытки законодателя ограничить такую возможность.

Одновременно законодатель связывает справедливость с воспитательной функцией мер ответственности.

Норма статьи 1.4 КоАП РБ прямо указывает на то, что меры ответственности должны применяться только в случае невозможности применения профилактических мер, предусмотренных кодексом, подчеркивая прямую связь профилактических и воспитательных функций законодательства.

Возможность использования опыта Республики Беларусь в процессе совершенствования законодательства об административных правонарушениях подчеркивается положениями проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подготовленного Министерством юстиции Российской Федерации⁷ (далее – Проект). Проект содержит отдельные статьи, направленные на закрепление принципа справедливости (статья 1.14 Проекта), раскрывая его через соразмерность наказания. Проект указывает на выделение особой категории правонарушений – грубые правонарушения (статья 2.2 Проекта), вводит существенные ограничения для одновременного привлечения к ответственности юридического и должностного лица, фактически отказываясь от принципа двухсубъектной

ответственности как универсального. Вместе с тем Проект сохраняет неопределенность в вопросе градаций малозначительности и степени общественной опасности деяния, сохраняет институт дисциплинарной ответственности за административные правонарушения специальных субъектов.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлен ряд особенностей законодательства Республики Беларусь, регламентирующего применение мер административной ответственности и устанавливающего базовые принципы применения таких мер. Опыт законотворческой деятельности в Республике Беларусь может быть использован в процессе совершенствования законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации. Использование такого опыта связано, прежде всего, с закреплением в законодательстве конкретных мер, направленных на реализацию как общеправовых, так и специальных принципов применения мер административной ответственности. Сказанное, в полной мере, относится к принципам равенства лиц при применении мер административной ответственности и принципу справедливости при назначении наказания. Понимание справедливости через призму назначения наказания, характерное для белорусского и российского законодателя, указывает на общий вектор развития законодательства об административных правонарушениях, который состоит в заимствовании схожих институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Существенным потенциалом совершенствования российского законодательства об административных правонарушениях является не только закрепление базовых принципов правового регулирования в данной сфере, но и формулировка конкретных норм, которые позволят разделять правонарушения по степени общественной опасности, выделять малозначительные правонарушения, применять конструкции, связанные с возможностью наказания ниже низшего предела.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059): Проект (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7614/> (дата обращения: 01.05.2026).

Список источников

1. Терентьев Р.В. К вопросу о нормативном закреплении принципов административной ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Соро-

- кинские чтения): сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2026. С. 689-693. <https://elibrary.ru/hmdrku>
2. Евсикова Е.В., Пономарев А.В. К вопросу о трактовании понятия и принципах административной ответственности в контексте реформирования административно-деликтного законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 2. С. 226-236. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-2-226-236>, <https://elibrary.ru/sbonof>
  3. Петракова М.С. Становление законодательства об административных правонарушениях в Беларуси, Казахстане, Молдове и России // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (45). С. 124-139. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3394>, <https://elibrary.ru/jurrvs>
  4. Гогин А.А. Сравнительная характеристика отдельных положений административного законодательства России и Республики Беларусь // Диалог. 2020. № 1 (15). С. 50-63. <https://elibrary.ru/xbcfep>
  5. Беляев В.П., Беляева Г.С. Процессуально-правовое регулирование: проблема эффективности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 29-38. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.156.11.029-038>, <https://elibrary.ru/lriqqh>
  6. Гриценко В.В., Гриценко Д.В. Справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел как основополагающий принцип российского административного судопроизводства // Журнал административного судопроизводства. 2023. № 1. С. 5-10. <https://elibrary.ru/ruoxeq>
  7. Войтович Л.В., Нельговский И.Е. Принцип справедливости в административном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 51-55. <https://elibrary.ru/aaiqus>
  8. Ильин А.В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства // Закон. 2019. № 1. С. 95-101. <https://elibrary.ru/pohbst>
  9. Терехова Л.А. Закрепление принципов судопроизводства в Кодексе административного судопроизводства и Гражданско-процессуальном кодексе // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 139-147. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).139-147](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).139-147), <https://elibrary.ru/dayyma>
  10. Спичин И.Н. Содержание принципа справедливости в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 28-34. <https://elibrary.ru/ouvgtt>

References

1. Terentev R.V. (2026). On the issue of the normative consolidation of the principles of administrative responsibility. *Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problem administrativnogo i administrativno-protsessualnogo prava» (Sorokinskie chteniya) = Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Administrative and Administrative Procedural Law" (Sorokin Readings)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., pp. 689-693. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hmdrku>
2. Evsikova E.V., Ponomarev A.V. (2021). On the interpretation of the concept and principles of administrative responsibility in the context of the reform of administrative-tort legislation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, no. 2, pp. 226-236. (In Russ.) <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-2-226-236>, <https://elibrary.ru/sbonof>
3. Petrakova M.S. (2021). Formation of legislation on administrative offences in Belarus, Kazakhstan, Moldova and Russia. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, no. 2 (45), pp. 124-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3394>, <https://elibrary.ru/jurrvs>
4. Gogin A.A. (2020). Comparative characteristics of separate provisions of the administrative legislation of Russia and the Republic of Belarus. *Dialog = Dialogue*, no. 1 (15), pp. 50-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xbcfep>
5. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. (2023). Procedural law regulation: the problem of efficiency. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, no. 11, pp. 29-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.156.11.029-038>, <https://elibrary.ru/lriqqh>
6. Gritsenko V.V., Gritsenko D.V. (2023). Fairness in the consideration and resolution of administrative cases as a fundamental principle of Russian administrative proceedings. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva = Journal of the Administrative Proceedings*, no. 1, pp. 5-10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ruoxeq>
7. Voitovich L.V., Nelkovski I.E. (2019). The principle of fairness in administrative proceedings. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, no. 2, pp. 51-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/aaiqus>

8. Ilyin A.V. (2019). The principle of justice of administrative proceedings. *Zakon = Law*, no. 1, pp. 95-101. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pohbst>
9. Terekhova L.A. (2020). Principles of legal proceedings in the Code of Administrative Proceedings and in the Civil Procedure Code. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, vol. 4, no. 3, pp. 139-147. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).139-147](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).139-147), <https://elibrary.ru/dayyma>
10. Spitsin I.N. (2018). The content of the principle of justice in administrative proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, no. 7, pp. 28-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ouvgtt>

Информация об авторе

Терентьев Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 8662-7352, РИНЦ AuthorID: 690320, <https://orcid.org/0000-0002-9436-7182>, trv-2008@yandex.ru

Information about the author

Roman V. Terentev, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Public Law Disciplines Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation, SPIN-code: 8662-7352, RSCI AuthorID: 690320, <https://orcid.org/0000-0002-9436-7182>, trv-2008@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.08.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-426-440>

EDN AATMAS

Шифр научной специальности 5.1.5

Эволютивное толкование обычных норм международного права в практике международных судов

Константин Геннадьевич Сварчевский

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

Северо-Западный филиал

197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

 svarchewsky@yandex.ru

Аннотация

Исследование посвящено анализу концепции эволютивного толкования в международном праве с акцентом на возможность и пределы ее применения к нормам международного обычного права. На основе практики Европейского суда по правам человека, Международного суда ООН, международных уголовных трибуналов и арбитражей исследовано использование эволютивного (динамического) толкования за пределами договорного права. Проведено разграничение узкого и широкого понимания эволютивного толкования, проанализирована роль семантических изменений юридических терминов, последующей практики государств и *opinio juris*. Сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие формализованных критериев, эволютивное толкование международного обычного права фактически применяется международными судами для адаптации норм к изменяющимся условиям при сохранении баланса между правовой определенностью и динамическим развитием международного права.

Ключевые слова

эволютивное толкование, динамическое толкование, международное обычное право, толкование норм международного права, практика международных судов, Международный суд ООН, Европейский суд по правам человека, международные уголовные трибуналы, *opinio juris*, правовые тренды, эффективность международного права

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

К.Г. Сварчевский – постановка проблемы исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование, приведение к требованиям журнала.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Сварчевский К.Г. Эволютивное толкование обычных норм международного права в практике международных судов // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 426-440. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-426-440>, <https://elibrary.ru/aatmas>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-426-440>

EDN AATMAS

OECD 5.05; ASJC 3308

Evolutionary interpretation of customary rules of international law in the practice of international courts

Konstantin G. Svarchevsky

North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
5 Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

 svarchevsky@yandex.ru

Abstract

The study is dedicated to the analysis of the concept of evolutionary interpretation in international law, with an emphasis on the possibilities and limits of its application to the norms of international customary law. Based on the practice of the European Court of Human Rights, the International Court of Justice, international criminal tribunals, and arbitrations, the use of evolutionary (dynamic) interpretation beyond treaty law has been examined. A distinction has been made between the narrow and broad understanding of evolutionary interpretation, and the role of semantic changes in legal terms, subsequent state practice, and *opinio juris* has been analyzed. It is concluded that, despite the absence of formalized criteria, the evolutionary interpretation of international customary law is effectively applied by international courts to adapt norms to changing conditions while maintaining a balance between legal certainty and the dynamic development of international law.

Keywords

evolutionary interpretation, dynamic interpretation, customary international law, interpretation of international law norms, practice of international courts, International Court of Justice, European Court of Human Rights, international criminal tribunals, *opinio juris*, legal trends, effectiveness of international law

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

K.G. Svarchevsky – research problem formulation, regulatory documents collection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, editing, preparation of the article in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Svarchevsky, K.G. (2026). Evolutionary interpretation of customary rules of international law in the practice of international courts. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 426-440. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-426-440>, <https://elibrary.ru/aatmas>

Введение

В международном праве проблема толкования норм традиционно занимает центральное место, поскольку именно через толкование обеспечивается применение пра-

ва к изменяющимся социальным, политическим и правовым условиям. В условиях усложнения международных отношений и роста роли международных судебных и квазисудебных органов вопрос о допустимых

пределах интерпретации приобретает особую актуальность. Одним из наиболее дискуссионных подходов в современной доктрине и практике является концепция эволютивного (динамического) толкования, предполагающая адаптацию правовых норм к современным условиям без их формального изменения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена противоречием между растущей практикой обращения международных судов к эволютивным аргументам при применении обычных норм международного права и отсутствием их системного теоретического осмысления.

Цель исследования заключается в анализе возможности, форм и пределов эволютивного толкования международного обычного права в практике международных судов. Для достижения данной цели потребовалось рассмотреть доктринальные подходы к эволютивному толкованию, проанализировать практику Международного суда ООН, международных уголовных трибуналов, арбитражей и судов по правам человека, а также выявить соотношение эволютивного толкования с такими категориями, как последующая практика государств, *opinio juris* и правовые тренды.

Обсуждение. Результаты исследования

Концепция эволютивного толкования международного права восходит к практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Как отмечается в научной литературе, «в своих постановлениях и решениях Суд неоднократно подчеркивал, что «Конвенция не является статическим правовым актом, она открыта для толкования в свете современности»; «предмет и цель Конвенции как правового акта, обеспечивающего защиту прав человека, требуют, чтобы ее нормы толковались, то есть эволюционировало их понимание в правосознании общества, и применялись так, чтобы сделать их гарантии эффективными и реальными». Такой подход в науке был назван «эволютивным толкованием». ЕСПЧ, соответственно, использует эволютивное толкование для формирования правовой позиции, которая соотносится с основными принципами, заложенными в ЕСПЧ, с ее духом, а решение,

в котором закреплена такая новая правовая позиция, становится прецедентом.

Речь здесь идет о толковании конвенционной нормы. Однако возникает вопрос: возможно ли эволютивное толкование обычной нормы международного права международными судами? Обзор литературы показывает, что концепция эволютивного толкования может применяться в узком и широком смысле [1, р. 183; 2, р. 450].

В узком смысле эволютивное толкование исходит из семантических изменений, которые со временем происходят в словах, используемых для описания правила [3, р. 53]. Может происходить смещение значения, то есть то, что ранее означало определенный предмет, может изменить значение или оттенок значения. Например, слово «профиль», которое когда-то означало лишь вид головы человека сбоку, теперь означает часть социальной сети, содержащую имя, фотографию и личную информацию. Другой пример, связанный с высокими технологиями – слово «вирус», которое ранее обозначало болезнетворный агент, а теперь также обозначает определенную (как правило, вредоносную) компьютерную программу. Можно наблюдать также расширение значения как пример семантического изменения, происходящего в связи с научно-техническим развитием. Например, слово «телефон» до 1990-х гг. не охватывало мобильные телефоны, и содержание этого слова изменилось с научно-техническим прогрессом. В подобных случаях не требуется специального правила или техники толкования, поскольку такая эволюция меняет и обычное значение соответствующего слова. Другими словами, судьи могут полагаться на стандарт обычного значения для толкования положений, содержащих термины, значение которых изменилось вследствие научно-технического развития.

Эти наблюдения верны, если рассматривать эволютивное толкование на уровне слов. Однако приведенные примеры касаются лишь обычного языка. Возникает вопрос о применимости этих рассуждений к юридической терминологии и о том, можно ли определить обычное значение правовой концепции на основе ее последующей эволюции.

Здесь можно упомянуть второй движущий фактор эволютивного толкования в узком смысле, который заключается в том, что стороны договора включают ссылки на другие нормы договора. Это делает возможной автоматическую адаптацию договора, когда содержание других норм эволюционировало в течение периода существования такого договора. Эта техника позволяет избегать нормативного конфликта между договорами и нормами, на которые осуществляется ссылка. Однако техника динамических ссылок может быть эффективно применена только при наличии намерения сторон синхронизировать две нормы. В таких случаях эволютивное толкование действует не на уровне отдельных слов, а на уровне нормы в целом. Примером является статья 1105 Североамериканского соглашения о свободной торговле, согласно которой «каждая сторона предоставляет инвестициям и инвесторам другой стороны обращение, предусмотренное международным правом»¹. Это положение позволяет адаптацию содержания договора к стандартам международного права на момент его применения, а не на момент заключения договора.

Концепция эволюции или эволютивного толкования часто рассматривается как синоним, исходящий из стремления адаптировать право к изменениям, происходящим со временем. Однако это выходит за рамки простой техники толкования. Такое стремление охарактеризовал судья А. Триндад в консультативном заключении Межамериканского суда по правам человека (англ. Inter-American Court of Human Rights) по вопросу права на информацию о консульской помощи: «содержание и эффективность юридических норм сопровождаются эволюцией во времени»².

При работе над Проектом статей о государственной ответственности Комиссии международного права Организации Объеди-

ненных Наций (далее – КМП ООН) специальный докладчик Г. Вальдок предложил статью, которая устанавливала бы, что договор допускается толковать исходя из норм права, действующих на момент его заключения (статическое толкование), а не на момент применения (эволютивное толкование)³. Предложенная им статья 56 выглядела следующим образом:

«1. Договор должен толковаться в свете права, действовавшего на момент разработки этого договора.

2. В соответствии с пунктом 1 применение договора регулируется нормами международного права, действующими на момент применения договора»⁴.

Тем не менее это положение не было включено в Проект статей в основном из-за потенциальных разногласий в толковании между многосторонними и двусторонними договорами и необходимости обеспечить, чтобы воля сторон была определяющей при толковании⁵.

Проект статьи 56, с высокой вероятностью, был предложен под влиянием Дж. Фицмориса, который изложил шесть принципов толкования, последний из которых он назвал принципом совпадения во времени [4, р. 208]. Согласно позиции Фицмориса, «термины договора должны толковаться согласно значению, которое они имели или которому приписывались, и в свете текущего применения в тот период, когда договор был заключен» [4, р. 212]. Он также указывал на связь с нормой обычного значения.

Хотя принцип, озвученный Фицморисом, – толкование согласно содержанию, существовавшему на момент возникновения нормы, и который, вероятно, происходит из концепции договорного права, заключающейся в поиске воли сторон такой, какой она

³ Third Report on the law of treaties, by Sir Humphrey Waldock, Special Rapporteur, 1964. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_167.pdf (accessed: 16.12.2025).

⁴ The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law (Advisory Op OC-16/99) IACtHR Series A № 16 (1 October 1999).

⁵ ILC. Summary Record of the 728th Meeting, 21 May 1964, UN DOC A/CN.4/SR.728, 33. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr728.pdf (accessed: 16.12.2025).

¹ North American Free Trade Agreement. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6187%2814%29.pdf> (accessed: 16.12.2025).

² The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law (Advisory Op OC-16/99) IACtHR Series A №. 16 (1 October 1999). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_16_ing.pdf (accessed: 16.12.2025).

выражалась на момент заключения, с уважением к этой воле, все же этот принцип допускает эволютивное толкование. Напротив, существующая международная практика рассматривает волю на момент заключения и волю на момент толкования как две противоположные концепции, из-за чего возникает гетерогенная практика, когда различные международные судебные и квазисудебные органы, а иногда даже судьи одного и того же суда, выбирают один из возможных вариантов: эволютивное или статическое толкование.

Обращаясь к эволютивному толкованию, следует отметить, что оно зависит от суда и конкретного рассматриваемого дела. Например, Международный Суд Организации Объединенных Наций (далее – МС ООН)⁶ в некоторых делах придерживался исходного значения терминов договора на момент его заключения⁷, тогда как в других делах выбирал значение на момент толкования. ЕСПЧ однозначно отдает предпочтение эволютивному толкованию как в широком, так и в узком смысле [5, p. 103].

МС ООН выделил два основных критерия для определения того, когда Суд должен обращаться к эволютивному толкованию:

- 1) наличие характерных терминов;
- 2) длительный срок действия договора [1, p. 183].

Иногда к этому списку добавляют третий критерий – необходимость эволютивного толкования в силу объекта и цели договора⁸.

Первый критерий связан с использованием определенных терминов сторонами, что позволяет судьям презюмировать намерение сторон допускать эволюцию значения положений договора со временем [6, p. 455-456]. Факт презюмирования означает, что следует искать не оригинальное намерение сторон, а их гипотетическую волю. Несмотря

на то, что такой подход был разработан МС ООН, конструирование возможного намерения – другими словами, предположение, что, хотя стороны договора использовали определенные термины, они желали, чтобы с течением времени признавались изменения этих терминов – не выглядит полностью убедительным. Более того, то, что представляется простым презюмированием, фактически является презюмированием на двух уровнях: судьи презюмируют, что определенные термины были использованы сторонами с осознанием возможности изменения их значения, из чего выводится предположение, что стороны либо имели в виду, либо, как минимум, приняли бы, что терминам присваивается значение, отличное от того, которое им придавалось на момент заключения договора. Действительно, законодатель не всегда под силу предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть со временем на практике, и поэтому он не может создать норму, покрывающую все возможные фактические обстоятельства.

Следует заметить, что деятельность правоприменителя, связанная с принятием решений, базируется не только на анализе законодательства и обстоятельств происшедшего, но и на их интерпретации лицами, участвующими в деле. Это, по-нашему мнению, означает, что познание действительности правоприменителем является не только коллективным, но и многоэтапным, многоуровневым, опосредованным [7, с. 143].

Второй критерий требует, чтобы договор заключался на длительный срок [1, p. 183]. Это может указывать на то, что судьи понимали и через заключение договора согласились на возможность изменения толкования его условий со временем. Примером является эволютивное толкование ЕСПЧ, которое подчеркивает, что провозглашенные в Конвенции права должны быть реальными, а не иллюзорными. Так, Суд часто называет Конвенцию «живым инструментом». Однако это выражение также применяется в отношении других международных договоров о правах человека, например, Межамериканской конвенции о правах человека⁹, а также

⁶ Statute of the Permanent Court of International Justice, 16 December 2020. URL: <https://www.refworld.org/legal/constinstr/lon/1920/en/57478> (accessed: 16.12.2025).

⁷ Case Concerning Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (France v United States of America) (Merits). 1952. ICJ Rep 176. URL: <https://www.icj-cij.org/case/11> (accessed: 16.12.2025).

⁸ Iron Rhine Arbitration (Belgium/Netherlands) (Award of 24 May 2005) PCA Case № 2003-03. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/1/> (accessed: 16.12.2025).

⁹ Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua Judgment of August 31, 2001 (Me-

договоров по другим вопросам, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS), для обоснования динамического прочтения их положений¹⁰. Подобное замечание можно сделать и относительно практики международных уголовных судов, судьи которых частично прибегают к эволютивному толкованию при определении преступлений¹¹.

Следует также отметить, что эволютивное прочтение положения не всегда должно происходить на основе оценки эволюции обычного значения терминов. Оно может основываться и на рассуждениях о дальнейшей единообразной практике, которая указывает на фактическое согласие относительно изменения значения или приобретения нового значения, когда одна сторона ведет себя определенным образом, а другая сторона не возражает. Как указывает КМП ООН, «дальнейшие соглашения и последующая практика по статьям 31 и 32 могут также помочь в определении того, имели ли стороны при заключении договора намерение придать термину значение, которое он мог бы приобрести в ходе эволюции со временем»¹². В качестве примера КМП ООН приводит решение МС ООН в споре между Коста-Рикой и Никарагуа о судоходных и связанных правах¹³. В этом деле Суд прямо не указал, что дальнейшая практика может использоваться для подтверждения первоначального намерения. Вместо этого он упомянул последующую практику и эволютив-

ное толкование в пользу того, что терминам может придаваться современное значение, а не то, которое им придавалось при заключении договора. В этом деле большинство судей высказались в пользу эволютивного толкования, применив ссылку на последующую практику, которая могла подтвердить современное значение. Таким образом, хотя эволютивное толкование, как его понимает МС ООН, оправдывается на основании вероятного намерения на момент заключения договора, последующая практика и соглашения между государствами относительно значения могут приводить к изменению первоначального содержания термина.

В юридической литературе существует позиция, что обычное международное право можно толковать, и оно фактически толковалось с применением эволютивного подхода в практике международных уголовных судов. Как утверждает А. Граберт, «на практике этот подход применялся следующим образом: сначала на основании практики государств и *opinio juris* идентифицировалась обычная норма. Затем эта норма толковалась в свете текущих обстоятельств». Одним из примеров этого является применение доктрины коллективной (командной) ответственности к внутренним вооруженным конфликтам [8, p. 90].

В подтверждение своей позиции А. Граберт приводит два примера. Первый – расхожее мнение судьи Шахабудеена в деле Стакича, второй – решение апелляционной палаты в деле Гаджигасановича. В деле Стакича вопрос заключался в том, включало ли международное обычное право в понятие депортации пересечение границы и может ли оно применяться к пересечению линии фронта. Судья Шахабудеен отметил, что Трибунал обязан толковать право (в данном случае – международное обычное право), и при этом должен разъяснять его таким образом, чтобы сохранить сущность положения, одновременно определяя, могут ли новые обстоятельства в деле считаться подпадающими под его действие. Далее судья подчеркнул, что даже если допустить, что международное обычное право, основанное на практике государств и *opinio juris*, охватывает лишь пересечение границы, его все равно

rits, Reparations and Costs). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_79_ing.pdf (accessed: 16.12.2025).

¹⁰ Request for an advisory opinion submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC), Advisory Opinion, ITLOS Case No 21, ICGJ 493 (ITLOS 2015), 2nd April 2015. URL: <https://www.itlos.org/index.php?id=252> (accessed: 16.12.2025).

¹¹ Prosecutor v Kunarac et al. (Judgement of 22 February 2001) ICTY Trial Chamber, Cases no. IT-96-23-T & IT-96-23/1-T. URL: <https://www.icty.org/x/cases/kunarac/tjug/en/kun-tj010222e.pdf> (accessed: 16.12.2025).

¹² ILC UN Doc A/73/10 Draft conclusions on subsequent agreements and subsequent practice in relation to the interpretation of treaties. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/1_11_2018.pdf (accessed: 16.12.2025).

¹³ Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v Nicaragua) (Merits). 2009. ICJ Rep 213. URL: <https://www.icj-cij.org/case/133> (accessed: 16.12.2025).

можно разумно толковать как применимое к пересечению линии фронта¹⁴.

Таким образом, эволютивное или динамическое толкование здесь проявляется в том, что к понятию депортации ранее не относили пересечение линии фронта. Аналогично размышляла Апелляционная палата в деле Гаджигасановича, отмечая, что «там, где можно признать установленный принцип, нельзя считать, что новая ситуация опровергает этот принцип, если она разумно подпадает под его действие»¹⁵.

Следует признать, что в этих делах фактические обстоятельства сравнивались с фактами дел, ранее рассмотренных судом, которые условно подпадали под действие соответствующих положений. Однако, несмотря на то, что дело касалось новой ситуации, это не означало автоматически, что имело место эволютивное толкование обычая. Толкование не основывается на простой семантической смене со временем, а только на правовом развитии и развитии событий.

Тем не менее, существуют дела, указывающие на возможность эволютивного толкования обычных норм. Например, в деле Мусема Международный Трибунал по Руанде (далее – МТР) отметил следующее: «В свете динамичной и продолжающейся эволюции понимания изнасилования и инкорпорации этого понимания в виде принципов международного права, Палата считает, что концептуальное определение имеет преимущество над механическим определением изнасилования. Концептуальное определение лучше отражает нормы уголовного права, которые эволюционируют»¹⁶. МТР также сослался на выводы Международного трибунала по бывшей Югославии (далее –

МТБЮ) в деле Фурунджии, в котором Палата одобрила трактовку определения изнасилования в свете новых тенденций в национальном законодательстве, что может рассматриваться как эволютивное или системное толкование международного обычного права.

Другой пример – определение рабства в деле Кунарача, рассмотренном МТБЮ¹⁷. Там было указано, что традиционная концепция рабства эволюционировала таким образом, что теперь включает различные современные формы рабства, основанные на использовании всех возможностей, связанных с владением, и сделан вывод, что «на момент предполагаемых преступлений эти современные формы рабства составляли часть обращения в рабство как преступления против человечности по обычному международному праву»¹⁸.

Концепция эволюции в отношении международного обычая встречается также в практике МС ООН. Она используется как минимум в трех случаях:

1) когда судьи выступают против аргумента одной из сторон о том, что норма, возможно, и возникает, но еще не приобрела статус «зрелого» обычая¹⁹;

2) когда судьи решают, что обычная норма возникает и подлежит рассмотрению в конкретном деле²⁰;

3) когда судьи приходят к выводу, что международная обычная норма возникла или изменилась²¹.

В практике можно выделить конкретный пример эволютивного толкования международного обычного права, а именно международных норм относительно иммунитета

¹⁴ Prosecutor v Stakić, Partly Dissenting Opinion of Judge Shahabudeen. URL: <https://www.icty.org/x/cases/stakic/acjug/en/sta-aj060322e.pdf> (accessed: 16.12.2025).

¹⁵ Prosecutor v Hadzihasanović (Decision on Interlocutory Appeal Challenging Jurisdiction in Relation to Command Responsibility of 16 July 2003) ICTY Appeals Chamber, Case no. IT-01-47-AR72. URL: https://www.icty.org/x/cases/hadzihasanovic_kubura/acdec/en/030716.htm (accessed: 16.12.2025).

¹⁶ Prosecutor v Musema (Trial Chamber Judgment of 27 January 2000) Case no. ICTR-96-13-T. URL: <https://unictr.irmct.org/en/cases/ictr-96-13> (accessed: 16.12.2025).

¹⁷ Prosecutor v Kunarac et al. (Judgement of 22 February 2001) ICTY Trial Chamber, Cases no. IT-96-23-T & IT-96-23/1-T. URL: <https://www.icty.org/x/cases/kunarac/tjug/en/kun-tj010222e.pdf> (accessed: 16.12.2025).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v Iceland) (Jurisdiction and Admissibility). 1973. ICJ Rep 3. URL: <https://www.icj-cij.org/case/55> (accessed: 16.12.2025).

²⁰ Nuclear Tests Case Joint Dissenting Opinion of Judges Onyeama, Dillard, Jiménez de Aréchaga and Sir Humphrey Waldock. URL: <https://www.icj-cij.org/index.php/node/140724> (accessed: 16.12.2025).

²¹ Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland). Dissenting Opinion of Judge Petren. URL: <https://www.icj-cij.org/index.php/node/140884> (accessed: 16.12.2025).

та государств. История развития международных положений об иммунитете государств демонстрирует постепенный сдвиг от абсолютного иммунитета, означающего, что против государства в национальных судах другой страны нельзя возбуждать производство, к доктрине ограниченного иммунитета. Так, в деле об ордере на арест, где предметом рассмотрения был вопрос иммунитета глав государств и министров иностранных дел, судьи Р. Хиггинс, П. Коейманс и Т. Бургентайл подали совместное особое мнение, в котором указали, что «примером является эволюция, которую концепция государственного иммунитета в вопросах гражданского права преодолевает со временем. Первоначальная концепция абсолютного иммунитета, основанная на статусе (*par in parem non habet imperium*), заменена концепцией ограниченного суверенитета; в рамках последней проводится различие между *acta jure imperii* и *acta jure gestionis*, и иммунитет касается только первых. Значение этих двух понятий не высечено в камне, однако оно является предметом постоянно изменяющегося толкования, которое меняется со временем, отражая изменяющиеся приоритеты общества»²². Значение этого параграфа состоит в том, что два юридических понятия – *acta jure imperii* и *acta jure gestionis*, составляющие часть международно-правовой нормы о государственном иммунитете, толкуются не статически, а эволютивно, отражая различные приоритеты общества в разные периоды времени.

Помимо указанного дела, существуют также случаи, где судьи использовали такие лингвистические конструкции, которые указывают на фактическое применение ими эволютивного подхода к толкованию, хотя не до конца понятно, имело ли место действительно эволютивное толкование или модификация норм международного обычного права. Примером может служить решение арбитража в деле Меса Пауэр, где стороны имели разногласия относительно международных обычных норм о минимальном

стандарте обращения, необходимого для толкования одной из статей Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA). Арбитражный суд начал исследование практики и подчеркнул, что в практике арбитражных трибуналов наблюдаются два направления размышлений по этому вопросу: решения, ставящие под сомнение возможность применения стандарта дела Неер, и решения, применяющие квалификацию²³. Стандарт дела Неер возник из решения Американо-мексиканской комиссии и требовал «наличия вопиющего поведения» для установления нарушения государством минимального стандарта обращения²⁴. В этом контексте, в деле Меса Пауэр арбитраж отметил, что «на практике эти два подхода имеют много общего. Наиболее важным является то, что оба они принимают минимальный стандарт обращения как понятие, которое эволюционирует, чтобы предоставлять большую защиту инвестору, чем та, что предусматривалась решением в деле Неер»²⁵. При этом термин «эволютивное понятие» может показаться возвратом к практике МС ООН. Фактически арбитражный суд указал, что эволютивный стандарт разрешается дальнейшей практикой, в том числе практикой толкования договора. Следовательно, ссылка на эволютивное толкование договора, так и на изменения, вызванные дальнейшей практикой.

Еще одним показательным делом является арбитраж в деле Поппа и Талбота, где был поставлен тот же вопрос, что и в деле Меса Пауэр²⁶. В этом деле правительство Канады утверждало, что принципы международного обычного права «застыли в янта-

²³ Mesa Power Group LLC v Canada (Award of 24 March 2016) PCA Case no. 2012-17. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/51/> (accessed: 16.12.2025).

²⁴ FH and Pauline E Neer (United States) v United Mexican States). 1926. 4 RIAA 61-62. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_iv/60-66.pdf (accessed: 16.12.2025).

²⁵ Mesa Power Group LLC v Canada (Award of 24 March 2016) PCA Case no. 2012-17.

²⁶ Pope & Talbot Inc v Government of Canada, UNCITRAL, Award in Respect of Damages of 31 May 2002. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement/cases/32/pope-talbot-v-canada> (accessed: 16.12.2025).

²² Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v Belgium). 2002. ICJ Rep 3 Joint Separate Opinion of Judges Higgins, Koojima and Buergenthal. URL: <https://www.icj-cij.org/index.php/node/141105> (accessed: 16.12.2025).

ре» так, как они были изложены в решении по делу Неер, и, следовательно, решение о возмещении ущерба может быть оправдано, если поведение государства может быть квалифицировано как вопиющее. Арбитраж не согласился с этим и ясно отверг это «статическое толкование международного обычного права». В обоснование этого арбитражный суд указал, что произошла эволюция норм международного обычного права, проявившаяся в эволюции практики государств, которая теперь исходила из концепции справедливого и равного обращения. Существование этой эволюции в практике более убедительно через дальнейшие изменения в практике, а не через применение эволютивного толкования. В отличие от позиции судей, подавших отдельное мнение, согласно которому понятия *acta jure imperii* и *acta jure gestionis* считались отражающими изменение приоритетов общества, арбитражный суд пришел к выводу, что эволюция практики не обязательно сводится к оценке ее судами, и более приемлемым выглядит осознание изменений в практике, чем эволютивное толкование обычая.

Наиболее важным вызовом, возникшим в связи с эволютивным толкованием, была необходимость обоснования эволютивного прочтения норм международного обычного права, особенно учитывая уже разработанные критерии, которые можно было найти, например, в практике МС ООН по толкованию положений международных договоров. Первым обоснованием или критерием эволютивного толкования, примененным МС ООН, было презюмирование намерения сторон, которое, в свою очередь, проявлялось через использование ими конкретных терминов через цель и предмет договора. В случае договоров существовала возможность установить такое общее намерение сторон, хотя на практике оно часто выглядело как фикция. По этой причине международные суды определяют общее намерение сторон через текст, что не требует поиска в подготовительных документах.

Следовательно, возможно ли обосновать динамическое толкование международного обычного права на основе презюмированного намерения сторон? Проблема обоснования заключается в том, что, в отличие от до-

говоров, которые предполагают соглашение через одновременное выражение воли сторон, международное обычное право развивается не через проявление воли, а через закрепление со временем. Наиболее близким к выявлению намерения в случае обычных норм оказывается исследование *opinio juris*. Однако даже *opinio juris* не отражает того, что стороны имели в виду, когда они осуществляли определенную практику, а также того, считали ли они такую практику правом. Следовательно, аналогию с намерением не просто применить к *opinio juris*. Хотя нормы международного обычного права могут содержать термины, и в них можно даже установить объект и цель, но относительно них возможно выявление лишь общего намерения, а не намерения сторон как совокупности индивидуальных волей государств. Например, если говорить об обычных нормах, отраженных в национальном законодательстве, смысл принятия такого законодательства, который обычно выражается в преамбулах, может рассматриваться как отражающий волю сторон, однако здесь возникает необходимость установить аналогичное намерение в других государствах.

Гораздо проще обосновать динамическое прочтение нормы международного обычного права на основе соображений эффективности в сочетании с определенным особым, например, правозащитным характером нормы, как это делает ЕСПЧ. Так же, как и в случае договоров, такое прочтение можно обосновать моральными или ценностными основаниями, возникающими в свете социального или правового развития.

Отдельную категорию составляют дела, где суды ссылаются на тенденции развития права. Хотя это само по себе не является эволютивным толкованием, ссылка на правовые тенденции имеет эволютивный аспект. При этом под тенденциями следует понимать нормы, которые были приняты, но еще не вступили в законную силу, или тенденции в практике, которые нельзя квалифицировать как обычные нормы. Поскольку эти нормы еще не вступили в силу, но вскоре должны ее приобрести, демонстрируя эволюцию права, подобные случаи можно считать случаями эволютивного толкования. Порой эти две техники толкования пересе-

каются или даже сливаются в одну [9, р. 651]. Так, судья ЕСПЧ П. де Альбукерке отмечал, что определенные тенденции, независимо от того, как они называются, создают нормативные последствия, независимо от того, созданы ли они для применения к фактам или для помощи в толковании применимых правовых норм²⁷.

Анализ практики показывает, что термин «тенденция» в значении тенденций развития международного права или практики государств понимается достаточно либерально и часто используется МС ООН и судами по правам человека для поддержки определенного толкования права или разрешения конкретного дела. Например, в деле Бальмер-Шафрот и другие против Швейцарии ряд судей выразил несогласие с решением большинства по статье 6 Конвенции о доступе к эффективному средству правовой защиты, указав, что «большинство игнорирует целый тренд международных институтов и международного публичного права в пользу защиты лиц и наследия, как это вытекает из документов Европейского союза и Совета Европы по охране окружающей среды, Декларации Рио, документов ЮНЕСКО по развитию принципа предотвращения и принципа сохранения общего наследия»²⁸.

Другой пример из практики ЕСПЧ – дело Бир и Реган против Германии, в котором Суд отметил, что «для прочтения статьи 6 (1) и предоставленной ею гарантии доступа к суду как таковой, что обязательно требует применения национального законодательства... означало бы пойти против текущей тенденции в сторону расширения и укрепления международного сотрудничества»²⁹.

²⁷ Carreira de Matos v Portugal, ECtHR App. No 56402/12 (4 April 2018) Dissenting Opinion of Judge de Albuquerque. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-182243%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-182243%22]}) (accessed: 16.12.2025).

²⁸ Balmer-Schafroth and Others v Switzerland, ECtHR App. № 67/1996/686/876 (27 August 1997) Dissenting Opinion of Judge Pettiti, Joined by Judges Golcuklu, Walsh, Russo, Valticos, Lopes Rocha and Jambrek. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-58084%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-58084%22]}) (accessed: 16.12.2025).

²⁹ Beer and Regan v Germany, ECtHR App no 28934/95 (18 February 1999). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58299> (accessed: 16.12.2025).

Здесь видно, что текущие тенденции используются как мерило, с помощью которого оценивается толкование правила, примененного судом.

Представляется, что к такому толкованию стимулируют государства и международные организации, мнение которых учитывается судом³⁰. Кроме того, тенденции внутригосударственной практики государств могут также использоваться для целей толкования. Во многих делах, рассмотренных ЕСПЧ, они составляли часть анализа, проводимого судом для выявления европейского консенсуса по конкретному вопросу³¹, или для установления, существуют ли общие позиции по конкретному вопросу³². В некоторых делах существование тенденции рассматривалось как отдельное от сформированного консенсуса, однако отмечалось, что ее все равно следует учитывать как релевантное соображение³³, особенно учитывая, что для установления существования тенденции подходит более низкий уровень обобщения, чем тот, что необходим для признания существования консенсуса.

На практике подобные техники применяются не только ЕСПЧ, их можно встретить также в практике международных уголовных судов и трибуналов. Например, в деле Фурунджии Палата МТБЮ подчеркнула,

³⁰ Bosphorus Hava Yollari Turizm ve Ticaret Anonim Sirketi v Ireland, ECtHR App no. 45036/98 (30 June 2005). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22002-3835%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-3835%22]}) (accessed: 16.12.2025); Centre for Legal Resources on Behalf of Valentin Campeanu v Romania, ECtHR App no. 47848/08 (17 July 2014). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-145577%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-145577%22]}) (accessed: 16.12.2025).

³¹ Lalmahomed v The Netherlands, ECtHR App. no. 26036/08 (22 February 2011). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=EC&id=001-103598&filename=001-103598.pdf> (accessed: 16.12.2025).

³² Например: Sheffield and Horsham v the United Kingdom, ECtHR App 31-32/1997/815-816/1018-1019 (30 July 1998). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-58212%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-58212%22]}) (accessed: 16.12.2025); X, Y and Z v the United Kingdom, ECtHR App no. 21830/93 (22 April 1997). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-58032%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-58032%22]}) (accessed: 16.12.2025).

³³ Magyar Helsinki Bizottsag v Hungary, ECtHR App no 18030/11 (8 November 2016). URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-167828%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-167828%22]}) (accessed: 16.12.2025).

что «можно выделить тренд в национальном законодательстве ряда государств, направленный на расширение определения изнасилования таким образом, что оно охватывает акты, которые ранее квалифицировались как относительно менее серьезные преступления, например, непристойные посягательства»³⁴. Далее Палата отметила, что «на национальном уровне государства склонны к более строгому отношению к различным формам сексуальных посягательств» [10]. Здесь ссылка на тренды делается в контексте постоянной практики международных уголовных трибуналов, особенно судов *ad hoc*, которая заключается в обращении к практике государств в поисках общего знаменателя, который помог бы определить элементы состава преступления, что часто подается как поиск обычного правила³⁵.

Взгляд на практику МС ООН показывает, что правовые тренды часто отличаются от полностью сформировавшихся обычных норм и демонстрируют практику, которая приводится в поддержку аргументов сторон, недостаточно обоснованных обычными нормами. Однако даже в таком случае тренды применяются для толкования обычных норм. Так, в споре о континентальном шельфе между Тунисом и Ливией стороны путем заключения специального соглашения обязали Суд при рассмотрении дела учитывать любые тренды (особенно те, которые нашли отражение в переговорах в рамках Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву в Нью-Йорке в 1973 г.³⁶ в правовом регулировании континентального шельфа. Однако стороны не соглашались между собой относительно значения, которое следует придавать этому выражению. Ливия считала, что тренды сле-

дует воспринимать как ставшие частью международного обычного права, Тунис утверждал, что «даже если новый тренд не разъясняет норму обычного права, он все равно может влиять на решение Суда, но не как часть применяемого права, а как элемент толкования существующих норм или как указание на направление, в котором эти нормы следует толковать»³⁷. Суд поддержал второе толкование, отметив, что «статьи 76 и 83 проекта конвенции являются положениями, подготовленными Конференцией, которые могут демонстрировать инкорпорацию новых признанных трендов, которые должны быть учтены в текущем деле»³⁸.

Этот пример можно понимать как сочетание системного подхода и эволютивного толкования в широком смысле, поскольку учитываются тренды, возникшие после заключения договора, но применяемые для целей толкования. В некотором смысле это отражает более общее утверждение МС ООН в консультативном заключении по Намибии, где Суд отметил, что «толкование не может оставаться без влияния дальнейшего развития права», и что «международный инструмент должен толковаться и применяться в рамках всей правовой системы, преобладающей на момент толкования» [10].

В то же время следует учитывать, что особенность этого дела заключалась в том, что стороны прямо согласились на то, чтобы Суд рассмотрел эти тренды. Это поднимает вопрос о том, в какой мере развитие правовых трендов можно учитывать для целей толкования в случаях, когда согласие государств на юрисдикцию МС ООН прямо не указывает на это. В свою очередь, это может создавать конфликт между, с одной стороны, учетом воли и согласия государств, а с другой – соображениями дискреции суда. Если тренды используются исключительно для целей толкования, это само по себе может не создавать проблемы с точки зрения

³⁴ Questions Relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal), Judgment, ICJ Reports (2012) 422. URL: <https://www.icj-cij.org/case/144> (accessed: 16.12.2025).

³⁵ Prosecutor v Tadić (Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction of 2 October 1995) ICTY Trial Chamber, Case no. IT-94-1. URL: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acdec/en/51002.htm> (accessed: 16.12.2025).

³⁶ The United Nations Convention on the Law of the Sea (A historical perspective) / United Nations Division for Ocean Affairs and the Law of the Sea (accessed: 16.12.2025).

³⁷ Case Concerning the Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya) Separate Opinion of Judge de Arechaga. 1982. ICJ Rep 18. URL: <https://www.icj-cij.org/case/63> (accessed: 16.12.2025).

³⁸ Case Concerning the Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya v Malta) (Merits). 1985. ICJ Rep 13. URL: <https://www.icj-cij.org/case/68> (accessed: 16.12.2025).

согласия государств, но следует учитывать, что границы толкования в отдельных делах нечетки, что может затруднить определение, где заканчивается толкование и начинается применение трендов к делу.

Кроме того, с учетом всей массивной судебной практики можно заметить, что МС ООН проявляет большую осторожность в обращении с правовыми трендами, чем ЕСПЧ, который постоянно ссылается на них как на важную опору своих правовых рассуждений.

В результате практика МС ООН не богата ссылками на тренды как на элемент толкования. Примерами являются дела о континентальном шельфе и более современное дело о юрисдикционных иммунитетах³⁹. В своей отдельной позиции по последнему делу судья М. Беннуна отметил: «Это правовое развитие частично отражено в работе Комиссии международного права по кодификации данного предмета, в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (принятой Генеральной Ассамблеей ООН 2 декабря 2004 г. резолюцией 59/38), но оно ни в коем случае не является замороженным навсегда. Вот почему Суд при рассмотрении поданных к нему дел обращается к концепциям и нормам, которые обсуждались ранее, чтобы определить, если это целесообразно, новые возникающие тренды в их толковании и определении их объема»⁴⁰. Иными словами, судья Беннуна, по-видимому, делает предположение, основанное на аргументации, аналогичной той, которая применялась в деле о континентальном шельфе, о том, что правовые тренды следует учитывать для целей толкования.

Кроме того, хотя он не утверждает это прямо, такое толкование не требует согласия государств на его юрисдикцию, что означает, что тренды могут учитываться для целей толкования независимо от того, дали ли стороны явное согласие на это. Наконец, можно отметить, что аналогичный аргумент был приведен в деле Кудак против Литвы, где

ЕСПЧ, описывая позицию Верховного суда Литвы, подчеркнул, что «считалось, что положения Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятые 2 декабря 2004 г., могут быть учтены, хотя они и не обязательны, поскольку отражают определенные тренды в международном праве по вопросам иммунитета государств»⁴¹.

Наконец, следует сказать несколько слов о применении правовых трендов. Хотя использование трендов в толковании обычных норм происходит не только по аналогии, но и с учетом любых соответствующих норм, действующих между сторонами, как это устанавливает статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров⁴², все же применение трендов, строго говоря, не подпадает под определение системного толкования. Оно отражает более интегративный подход к толкованию обычая, где следует учитывать перспективные нормы. Поскольку тренды являются правом, которое еще не вступило в силу, возникает определенное пересечение с применением соображений эволюции в толковании, но это еще не является эволютивным толкованием. В отличие от договоров, где эволюция права оценивается либо через толкование, либо через предположение об открытой природе примененных терминов или содержания самой нормы, в случае обычных норм можно видеть, что ссылки на тренды делаются для обеспечения определенной степени комплексности, поскольку существует связь между предметом обычной нормы и трендами, с ней связанными.

Всегда остается возможность, что правовые тренды могут быть использованы как скрытый способ применения к делу некоторых новых правовых норм, которые еще не приобрели характер обычая. В значительной мере это отражает характер применения обычных норм для толкования международных договоров. Примером является дело о нефтяных платформах, где МС ООН, вместо

³⁹ Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy, Greece intervening) Separate opinion of Judge Benouna. 2012. ICJ Rep 99. URL: <https://www.icj-cij.org/case/143> (accessed: 16.12.2025).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Cudak v Lithuania, ECtHR App no. 15869/02 (23 March 2010). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-97879%22%5D%7D> (accessed: 16.12.2025).

⁴² Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2025).

использования норм для целей толкования, применил к делу нормы, которые не были в силе между сторонами для целей толкования⁴³. Однако более свежее дело о некоторых иранских активах показывает, что МС ООН отошел от этой практики, отклонив толкование, предложенное одной из сторон, которая пыталась применить обычные нормы по суверенным иммунитетам. Суд отказался в применении обычной нормы по иммунитетам, указав, что применимое право не включало такие нормы⁴⁴.

Заключение

В заключение хотелось бы подвести итог как вывод по вышеизложенному рассуждению.

Эволютивное толкование международных обычных норм международными судами может осуществляться с учетом семантических изменений, которые претерпевают определенные термины с течением времени, и с учетом изменения и развития юридической силы этих терминов. Эволютивное толкование может применяться с целью избегания конфликтов между различными нормами международного обычного права как на уровне отдельных терминов, так и норм в целом. Эволютивное толкование зависит от подходов, разработанных конкретными судебными и квазисудебными органами. Оно

применяется в случаях, когда под толкование попадают характерные термины, которые могли изменить свое значение в течение срока действия обычая. При этом используются презумпции осознания сторонами возможности изменения обычая со временем. Кроме того, эволютивное толкование может основываться на соображениях единообразия последующей практики, включая молчаливое согласие государств на определенное изменение обычной нормы.

На практике подход эволютивного толкования предполагает, что обычная норма должна толковаться в свете текущих обстоятельств. Это означает, что международный суд должен истолковать норму международного обычного права так, чтобы она сохраняла свое первоначальное содержание в новых условиях. Такое толкование применяется, когда суды пытаются оспорить существование международной обычной нормы в текущих обстоятельствах, когда суды решают, что обычная норма применима к конкретному делу, или, когда они решают, что обычная норма возникла или изменилась. Последнее связано с трендами развития международного права, которые пытаются установить и применить международные суды. Такие тренды представляют собой сложившуюся практику и демонстрируют обоснованность аргументов сторон в конкретных делах. Таким образом, тренды дают возможность применения к конкретному делу новых правовых норм, которые приобретают характер международного обычая.

⁴³ Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v United States of America). URL: <https://www.icj-cij.org/case/90> (accessed: 16.12.2025).

⁴⁴ Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v United States of America). 2019. ICJ Rep 7. URL: <https://www.icj-cij.org/case/164> (accessed: 16.12.2025).

Список источников

1. *Helmser S.T.* Evolutive Treaty Interpretation: Legality, Semantics and Distinctions // *European Journal of Legal Studies*. 2013. № 6. P. 161-196.
2. *Triantafyllous E.E.* Contemporaneity and its Limits in Treaty Interpretation. *Practising Virtue* // *Inside International Arbitration* / D.D. Caron et al. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 450-487. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198739807.003.0029>
3. *Wyatt J.* Using Intertemporal Linguistics to Resolve the Problem at the Origin and Core of the Evolutionary Interpretation Debate // *Evolutionary Interpretation and International Law* / G. Abi-Saab, K. Keith, G. Marceau, C. Marquet (eds.). London: Hart Publishing, 2018. P. 47-91. <https://doi.org/10.5040/9781509929917.ch-006>
4. *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951-4: Treaty Interpretation and Other Treaty Points // *British Yearbook of International Law*. 1975. № 33. P. 203-218.
5. *Fitzmaurice M.* Dynamic (Evolutive) Interpretation of Treaties, Part I // *Hague Yearbook of International Law*. 2008. № 21. P. 101-112.

6. Arato J. Subsequent Practice and Evolutive Interpretation: Techniques of Treaty Interpretation Over Time and Their Diverse Consequences // *Law and Practice of International Courts and Tribunals*. 2010. № 9. P. 443-481. <https://doi.org/10.1163/157180310X539511>
7. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Коллективное и индивидуальное познание в деятельности правоприменителя // *Государство и право*. 2022. № 12. С. 139-144. <https://doi.org/10.31857/S102694520019230-4>, <https://elibrary.ru/uwgpqgm>
8. Grabert A. *Dynamic Interpretation in International Criminal Law: Striking a Balance Between Stability and Change*. Munchen: Herbert Utz Verlag, 2015. 244 p.
9. Tsekvelos V. The Use of Article 31(3)(c) of the VCLT in the Case Law of the ECtHR: An Effective Anti-Fragmentation Tool or a Selective Loophole for the Reinforcement of Human Rights Teleology? Between Evolution and Systemic Integration // *Michigan Journal of International Law*. 2010. № 31. P. 621-690.
10. Kolb R. *Interprétation et création du droit international. Esquisse d'une herméneutique juridique moderne pour le droit international public*. Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2006. 959 p.

References

1. Helsen S.T. (2013). Evolutive Treaty Interpretation: Legality, Semantics and Distinctions. *European Journal of Legal Studies*, no. 6, pp. 161-196.
2. Triantafyllou E.E. (2015). Contemporaneity and its Limits in Treaty Interpretation. In: Caron D.D. et al. (eds.) *Practising Virtue. Inside International Arbitration*. Oxford, Oxford University Press, pp. 450-487. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198739807.003.0029>
3. Wyatt J. (2018). Using Intertemporal Linguistics to Resolve the Problem at the Origin and Core of the Evolutionary Interpretation Debate. In: Abi-Saab G., Keith K., Marceau G., Marquet C. (eds.) *Evolutionary Interpretation and International Law*. London, Hart Publishing, pp. 47-91. <https://doi.org/10.5040/9781509929917.ch-006>
4. Fitzmaurice G. (1975). The Law and Procedure of the International Court of Justice 1951-4: Treaty Interpretation and Other Treaty Points. *British Yearbook of International Law*, no. 33, pp. 203-218.
5. Fitzmaurice M. (2008). Dynamic (Evolutive) Interpretation of Treaties, Part I. *Hague Yearbook of International Law*, no. 21, pp. 101-112.
6. Arato J. (2010). Subsequent Practice and Evolutive Interpretation: Techniques of Treaty Interpretation Over Time and Their Diverse Consequences. *Law and Practice of International Courts and Tribunals*, no. 9, pp. 443-481. <https://doi.org/10.1163/157180310X539511>
7. Boldyrev V.A., Svarchevskii K.G. (2022). Collective and individual cognition in the activity of a law enforcer. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 12, pp. 139-144. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S102694520019230-4>, <https://elibrary.ru/uwgpqgm>
8. Grabert A. (2015). *Dynamic Interpretation in International Criminal Law: Striking a Balance Between Stability and Change*. Munich, Herbert Utz Verlag Publ., 244 p.
9. Tsekvelos V. (2010). The Use of Article 31(3)(c) of the VCLT in the Case Law of the ECtHR: An Effective Anti-Fragmentation Tool or a Selective Loophole for the Reinforcement of Human Rights Teleology? Between Evolution and Systemic Integration. *Michigan Journal of International Law*, no. 31, pp. 621-690.
10. Kolb R. (2006). *Interprétation et création du droit international. Esquisse d'une herméneutique juridique moderne pour le droit international public*. Bruxelles, Editions de l'Université de Bruxelles, 959 p. (In French)

Информация об авторе

Сварчевский Константин Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: [7496-7336](https://orcid.org/0000-0003-0376-9096), РИНЦ AuthorID: [431054](https://orcid.org/0000-0003-0376-9096), ResearcherID: [AAV-6360-2021](https://orcid.org/0000-0003-0376-9096), Scopus Author ID: [57223105040](https://orcid.org/0000-0003-0376-9096), <https://orcid.org/0000-0003-0376-9096>, svarchewsky@yandex.ru

Information about the author

Konstantin G. Svarchevsky, Cand Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation, SPIN-code: [7496-7336](#), RSCI AuthorID: [431054](#), ResearcherID: [AAV-6360-2021](#), Scopus Author ID: [57223105040](#), <https://orcid.org/0000-0003-0376-9096>, svarchewsky@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-441-449>

EDN [AHLJQJ](#)

Шифр научной специальности 5.1.2

Цифровая трансформация государства как фактор формирования гибридных угроз общественной безопасности

Инара Дамировна Ягофарова^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/4

²ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности РАН»

117335, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гарибальди, 21 Б

 vaina3@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрена проблема видоизменения угроз общественной безопасности под воздействием цифровой трансформации государства. Актуальность обусловлена тем, что внедрение цифровых технологий в государственное управление создает не только управленческие и сервисные эффекты, но и новые каналы реализации гибридных угроз, которые носят не технический, а социально-политический характер. Целью исследования является определение видов гибридных угроз общественной безопасности, возникающих именно в силу цифровой трансформации государства, и предложение рекомендаций по совершенствованию правового регулирования их выявления и пресечения. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы правовой науки, а также данных иных гуманитарных наук. Установлено, что эволюция доктринальных подходов от Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 г. (утратила силу) к Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации 2021 г. фиксирует доктринальный разрыв: если первый документ ориентировался на традиционные угрозы, то второй вводит понятия информационно-психологического воздействия, деструктивной информации и фиксирует использование «непрямых методов» для провоцирования социальной нестабильности. Обосновано, что противодействие угрозам требует не только технических мер киберзащиты, но и правовых, институциональных и кадровых решений.

Ключевые слова

цифровое государство, гибридные угрозы, цифровая трансформация, общественная безопасность, судебный контроль, баланс публичных и частных интересов

Финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Вклад автора

И.Д. Ягофарова – формирование концепции проводимого исследования, анализ нормативных и доктринальных источников, написание черновика рукописи, редактирование, приведение в соответствие с требованиями журнала.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Ягофарова И.Д. Цифровая трансформация государства как фактор формирования гибридных угроз общественной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 441-449. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-441-449>, <https://elibrary.ru/ahljqj>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-441-449>

EDN [AHLJQJ](#)

OECD 5.05; ASJC 3308

Digital transformation of the state as a factor in the formation of hybrid threats to public security

Inara D. Yagofarova^{1,2}

¹Ural State University of Economics

62/4 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

²Center for Security Problems Research of the Russian Academy of Sciences

21 B Garibaldi St., Moscow, 117335, Russian Federation,

 vaina3@yandex.ru

Abstract

The issue of the transformation of public security threats under the influence of the state's digital transformation is being examined. The relevance is due to the fact that the introduction of digital technologies into public administration creates not only managerial and service effects but also new channels for the implementation of hybrid threats, which are not technical but socio-political in nature. The aim of the research is to identify the types of hybrid threats to public security that arise specifically due to the digital transformation of the state, and to propose recommendations for improving the legal regulation of their detection and prevention. The research is based on an interdisciplinary approach that integrates methods from legal science as well as data from other humanities. It has been established that the evolution of doctrinal approaches from the Concept of Public Security in the Russian Federation 2013 (which has been repealed) to the National Security Strategy in the Russian Federation 2021 marks a doctrinal gap: while the first document focused on traditional threats, the second introduces concepts of informational-psychological influence, destructive information, and notes the use of "indirect methods" to provoke social instability. It is justified that countering threats requires not only technical cybersecurity measures but also legal, institutional, and personnel solutions.

Keywords

digital state, hybrid threats, digital transformation, public safety, judicial control, balance of public and private interests

Funding

The article was prepared as part of the implementation of the state assignment "Comprehensive Study of Public Safety Issues as a Strategic Priority of the National Security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)"

Author's Contribution

I.D. Yagofarova – research concept development, regulatory and doctrinal sources analysis, writing – original draft preparation, revision, preparation of the article in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of Interest

The author declares no relevant conflicts of interest.

For citation

Yagofarova, I.D. (2026). Digital transformation of the state as a factor in the formation of hybrid threats to public security. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 441-449. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-441-449>, <https://elibrary.ru/ahljqj>

Введение

Актуальность исследования обусловлена изменением парадигмы государственного управления в России, где национальной целью современного развития является цифровая трансформация. Однако, как показывает практика, внедрение технологий «умного города», единых биометрических систем, механизмов удаленной идентификации порождает феномен «гибридизации» угроз общественной безопасности.

В отличие от привычных посягательств, новые угрозы аккумулируют в себе киберпреступность, воздействие на информационную инфраструктуру, манипуляцию общественным сознанием через дипфейки, искажение информации, что напрямую влияет на состояние защищенности личности и общества, закрепленное в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. Утрата силы Концепции общественной безопасности 2013 г. и принятие новых стратегических документов свидетельствуют о смене подходов: от реагирования на «чрезвычайные ситуации» и «преступные посягательства» к комплексному управлению возможными рисками в условиях цифровой среды. Современное развитие требует переосмысления роли государства и принятие им позиции гаранта безопасности в условиях того, что технический прогресс все больше начинает выступать фактором дестабилизации правопорядка и социальной стабильности.

Методологическую основу исследования составили *системный анализ*, позволивший рассмотреть гибридные угрозы как системное явление, включающее различные факторы; *сравнительно-правовой метод*, используемый для сравнения содержания Концепций общественной безопасности 2013 г. и Стратегии национальной безопасности 2021 г.; *формально-юридический метод*, с помощью которого проводился ана-

лиз ключевых понятий («общественная безопасность», «угроза», «вызовы»); институциональный анализ, позволивший исследовать деятельность государственных органов, цифровых платформ, «цифрового» класса как субъектов формирования и противодействия гибридным угрозам.

Обсуждение. Результаты исследования

В научной литературе этот вопрос рассматривается рядом исследователей, работы которых касаются в большей степени терминологических вопросов национальной безопасности, а также трансформации правоохранительной сферы в условиях цифровизации. Так, О.А. Колоткина, рассматривая понятийный аппарат национальной безопасности, указывает на то, что необходимо проводить уточнение и унификацию понятийно-категориального аппарата, поскольку происходит быстрая трансформация вызовов и угроз, в том числе и цифрового характера. Отсутствие легально закрепленных понятий создает определенную уязвимость в выборе и применении соответствующих средств защиты и противодействия со стороны государства [1]. С.И. Гирько с соавт. в работе, касающейся вопросов обеспечения общественной безопасности, подчеркивают, что стратегическим вектором развития российского государства является научно-технический прогресс и развитие информационной сферы с целью предотвращения деструктивного информационно-психологического воздействия на население и пропаганды [2].

Д.В. Ирошников, рассматривая логическую цепочку «опасность – вызов – угроза – риск – ущерб» приходит к выводу, что угроза может стать неким «проводником» опасности к осязаемому ущербу [3]. Действительно, в цифровой среде угроза зачастую выполняет роль «проводника». Она сама по себе не причиняет физического вреда, но создает условия, при которых ущерб в виде гибели людей

Таблица 1. Изменение понятийного аппарата
Table 1. Change of conceptual framework

Понятие	Контекст в Стратегии 2021
Информационная безопасность	Закреплена как стратегический национальный приоритет, отдельно от военной и государственной безопасности
Информационно-психологическое воздействие	Признается как инструмент подрыва суверенитета, изменения ценностных ориентаций и провоцирования социальной напряженности
Деструктивное информационное воздействие	Включает манипуляцию общественным сознанием, фейки, атаки на критическую информационную среду
Гибридные угрозы	Прямо данный термин не используется, но описываются методы: «непрямые действия», «размывание грани между войной и миром», «использование социальных сетей и платформ для дестабилизации»

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

или дезорганизации инфраструктуры становится следствием процессов цифровизации.

Работы большинства авторов затрагивают определенные аспекты цифровой трансформации государства и возникающих в этой связи угроз. Однако комплексный анализ цифровой трансформации именно как фактора генерации гибридных угроз общественной безопасности, учитывающий эволюцию стратегических документов и правовые позиции высших судов, в научной среде представлен фрагментарно, что и определяет научную новизну исследования.

Для постулирования тезиса о формировании гибридных угроз общественной безопасности целесообразно провести анализ того, как официальная доктрина меняла само видение угроз: от преимущественно криминальных и техногенных – к информационно-психологическим и системным, использующим цифровую инфраструктуру.

До 2020 г. стратегическое значение имела Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (далее – Концепция 2013)¹, целью которой выступала защита личности, общества и государства от преступных посягательства, социальных и межнациональных конфликтов, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Основными объектами защиты данного документа выступали обществен-

ный порядок, общественная безопасность как состояние защищенности и жизненно важных интересов личности и общества в повседневной жизни. В качестве основных угроз рассматривались незаконная миграция, наркомания, беспризорность, терроризм и экстремизм, криминализация социальных отношений. В данном документе отсутствовало понятие «цифровая угроза» в контексте общественной безопасности. Информационные угрозы упоминались лишь в общем виде – как распространение экстремистских материалов через СМИ, но не как самостоятельный канал дестабилизации. Концепция 2013 не учитывала возможность целенаправленного внешнего информационно-психологического воздействия через цифровые платформы с целью провокации массовых беспорядков. Более того, информатизация рассматривалась как необходимый инструмент для мониторинга общественных отношений. Соответственно, Концепция 2013 фиксировала «доцифровую» модель общественной безопасности, где главными были угрозы с четко прослеживаемым источником.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. (далее – Стратегия 2021)² впервые на уровне стратегического планирования вводит и системно развивает понятия применительно к безопасности общества (табл. 1).

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 (утратила силу) // Документ официально не был опубликован.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Пункт 20 Стратегии 2021 закрепляет, что против России применяются «непрямые методы» для провоцирования долговременной нестабильности, включая поддержку деструктивных интернет-сообществ, вмешательство в электоральные процессы и т. д.

Согласно данной Стратегии 2021, цифровая трансформация государства трактуется как двойственный процесс: с одной стороны, как необходимое условие дальнейшего поступательного развития, с другой – как уязвимость, поскольку сбой в единой системе электронного взаимодействия или утечка биометрических данных создают панику и подрывают легитимность многих институтов власти.

Каналами реализации гибридных угроз через цифровую среду являются атаки на инфраструктуру электронного правительства; политические манипуляции на фоне бытовых сбоев; использование цифровых следов граждан для компрометации.

Стратегия 2021 констатирует факт того, что цифровая трансформация государства создает прямые каналы реализации гибридных угроз. Следовательно, обеспечение общественной безопасности более невозможно без учета цифрового измерения: защита от гибридных угроз требует не только полицейских и спасательных мер, но и киберустойчивости госсистем, мониторинга информационно-психологических атак и правовой гигиены цифровой среды.

Концепция 2013 не рассматривала цифровую среду в качестве самостоятельного источника угроз, что находит подтверждение в ряде научных статей. Более того, в предыдущих исследованиях отмечался дискуссионный характер актуальности Концепции 2013 после принятия Стратегии 2021: несмотря на формальную утрату силы, многие правоприменители и региональные системы (например, Реестры угроз общественной безопасности в субъектах РФ) продолжают фактически ориентироваться на ее положения, что создает разрыв между доктриной и реальными вызовами [4, с. 66]. Этот тезис важен в контексте данного исследования, поскольку именно в этом разрыве и формируются гибридные угрозы, порождаемые цифровой трансформацией государства.

Спектр гибридных угроз достаточно многообразен, но для подтверждения обоснованности заявленного утверждения будет вполне достаточно привести несколько примеров угроз, имеющих актуальный характер:

– *угрозы легитимности и доверия к институтам власти.* Механизм проявления заключается в массовой утечке персональных и биометрических данных, сбое в информационных сервисах. Об этом достаточно подробно сказано в Докладе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека за 2025 г. (далее – СПЧ)³, где зафиксировано, что сбор и хранение персональных данных в «серой правовой зоне» создает риски утечек, кражи и манипуляции;

– *информационно-психологические атаки* в виде взлома госаккаунтов в соцсетях и мессенджерах, фейков с участием публичных лиц. А.С. Овчинский и Н.И. Журавленко отмечают, что ложь, генерируемая в огромных масштабах и транслируемая населению, поражает их сознание и проводит к деформации и деградации социума. Ученые вводят понятие «антиформация» как противоестественное состояние, возникающее благодаря возможностям информационных технологий [5, с. 50];

– *цифровая дискриминация и социальное рейтингование.* Внедрение автоматизированных систем оценки граждан (кредитные рейтинги, «цифровые профили», оценка платежеспособности) приводит к социальной напряженности и подрыву стабильности. Согласно Докладу СПЧ система «цифровых профилей граждан» представляет собой систему социального рейтингования, при которой «сжатие» прав может дойти до приравнивания человека к «осужденному без суда»⁴. По мнению Э.В. Джалилова и Е.В. Алексеевой, гибридное воздействие зачастую имеет неявный характер, опосредованный, но оказывает масштабный ущерб, последствия которого сложно оценить [6, с. 184];

³ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf (дата обращения: 04.03.2026)

⁴ Там же.

– *принудительная цифровизация и социальное отчуждение*, суть которого заключается в исключении возможности выбора нецифровых форм взаимодействия с государством, что приводит к маргинализации уязвимых групп – пожилых людей, инвалидов и т. д. Представители правозащитных организаций настаивают на запрете принудительного вовлечения граждан в цифровую среду.

Видовая характеристика ряда угроз позволяет утверждать, что цифровая трансформация государства формирует системные гибридные угрозы общественной безопасности, которые носят не технический, а социально-политический характер. Как отмечает О.Н. Панамарева, прогнозирование, идентификация гибридных рисков и возможных последствий являются важнейшими аспектами обеспечения экономической безопасности государства [7].

Стоит отметить, что судебные органы тоже реагируют на вызовы, порождаемые цифровой трансформацией, и формируют правовые позиции, ограничивающие гибридные риски [8; 9]. Анализ Постановлений Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), касающихся общих принципов обработки персональных данных, включая биометрические, и балансом между защитой прав субъектов данных и другими конституционными ценностями, показал, что орган конституционного контроля последовательно указывает на необходимость соблюдения баланса между публичными интересами безопасности и правом на неприкосновенность частной жизни⁵. Цифровая трансформация порождает гибридную угрозу в виде легальной чрезмерной слежки, которая может подрывать доверие к государству, если не сопровождается судебным контролем.

Обзор практики Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) также свидетельствует о том, что использование информационных технологий суд квалифицирует не только как способ совершения традиционных пре-

ступлений, но и как самостоятельный объект посягательства. В целом, уже сложилась практика признания информации, распространяемой через мессенджеры и соцсети, угрозой общественной безопасности, что является классическим проявлением гибридного характера угроз⁶.

На основании изложенного представляется необходимым предложить следующие меры:

– *внести изменения в документы стратегического планирования и ряд отраслевых законов*, закрепив понятие «гибридные угрозы общественной безопасности» и определив полномочия органов власти по их выявлению и пресечению в цифровой среде. Это позволит перевести термин из научной дискуссии в нормативную плоскость, а также создаст основу для квалификации действий по дестабилизации общества через цифровые каналы;

– *целесообразно законодательно закрепить обязательность судебного санкционирования внедрения крупных автоматизированных систем сбора биометрических и поведенческих данных граждан* в рамках реализуемых цифровых проектов, с учетом позиций КС РФ и ВС РФ. Это исключит ситуации, когда системы видеонаблюдения и биометрической идентификации внедряются без общественного обсуждения и оценки рисков для граждан, повысит роль и значимость судебного контроля в защите прав и интересов граждан от тотальной слежки, формируя, тем самым, легитимность мер безопасности в глазах общества;

– *необходимо сформировать единую методику оценки гибридных рисков как составной части государственной системы мониторинга состояния общественной безопасности*. Это позволит фиксировать латентные стадии гибридных атак (например, на этапе накопления деструктивного

⁵ По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг»: Постановление КС РФ № 22-П от 25.05.2021. URL: <https://www.ksrf.ru/doc/КСRFDDecision535809.pdf> (дата обращения: 05.03.2026).

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума ВС РФ № 37 от 15.12.2022. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 05.03.2026).

контента) и унифицировать показатели для всех субъектов РФ;

– включить в программы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и судей модули по противодействию гибридным угрозам. Позитивный эффект от данной меры видится в формировании общего понятийного аппарата и алгоритмов действий у всех участников системы безопасности и принятии более обоснованных решений о санкционировании сбора данных, оценке доказательства из цифровой среды для соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Заключение

Проведенный анализ показал, что проблема появления гибридных угроз в процессе цифровой эволюции государства заключается в противоречии между объективной необходимостью внедрения цифровых технологий в деятельность государства и недостаточной разработанностью теоретико-правовых и организационных механизмов нейтрализации гибридных угроз. Поскольку они носят комплексный характер, то они размывают традиционные границы общественной безопасности, что создает затруднения для правоприменительной и судебной системы, а также для институтов гражданского общества. Результаты исследования позволяют сформировать следующие выводы:

– цифровая трансформация государства объективно является амбивалентным фактором: с одной стороны, она повышает эффективность управления и профилактики правонарушений, с другой – выступает генератором гибридных угроз, включающих информационно-психологическое и техническое воздействие на субъектов;

– доктринальный переход от Концепции 2013 к Стратегии 2021 зафиксировал расширение спектра угроз, однако механизмы реализации в части противодействия гибридным угрозам на уровне общественной безопасности остаются недостаточно детализированными в отраслевом законодательстве. В этом плане правовые позиции КС РФ и ВС РФ формируют «необходимый механизм», сдерживающий чрезмерную цифровизацию, способную нарушить баланс прав личности, но судебная практика, в большей степени, носит ответный характер, а не превентивный, что является недостаточным для нейтрализации угроз на стадии их зарождения;

– необходимо продолжать научные изыскания и практическую разработку проблем выявления и оценки гибридных рисков, что позволит разработать комплексный подход на основе синтеза теоретических и практических данных к созданию системы противодействия гибридным угрозам.

Список источников

1. Колоткина О.А. Значение унификации понятийно-категориального аппарата национальной безопасности в контексте уточнения содержания категории «общественная безопасность» // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 3 (51). С. 49-58. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-6>, <https://elibrary.ru/otrqou>
2. Гирько С.И., Сандугей А.Н., Зубова М.В. Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов (теоретико-методологический анализ) // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 34-44. <https://elibrary.ru/gghpn1>
3. Прошников Д.В. Соотношение понятий «опасность», «угроза», «вызов» и «риск» в правовой доктрине, действующем законодательстве и документах стратегического планирования // Транспортное право и безопасность. 2017. № 12 (24). С. 96-103. <https://elibrary.ru/zxmjfb>
4. Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Трансформация вызовов и угроз общественной безопасности в условиях социально-экономического развития страны // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9. № 3 (35). С. 63-70. <https://elibrary.ru/uzidxu>
5. Овчинский А.С., Журавленко Н.И. Антиформация как угроза безопасности мировому сообществу в условиях гибридной войны и цифровой трансформации информационно-коммуникационного пространства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 49-56. <https://elibrary.ru/knuwyw>
6. Джалилов Э.В., Алексеева Е.В. Гибридное воздействие как угроза экономической безопасности государства // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 183-185. <https://elibrary.ru/veezwf>

7. Панамарева О.Н. Обоснование необходимости нового механизма обеспечения национальной экономической безопасности в контексте гибридных угроз и цифровой трансформации // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2023. № 4. С. 9-24. https://doi.org/10.52210/2224669X_2023_4_9, <https://elibrary.ru/awdfkk>
8. Шенишин В.М. Обеспечение общественной безопасности в эпоху цифровизации: некоторые проблемные аспекты // Закон и власть. 2026. № 1. С. 153-156. <https://elibrary.ru/gymfvg>
9. Харламов С.О., Егоров С.А. Конституционно-правовое регулирование использования QR-кодов в противодействии экстремизму и терроризму // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 239-243. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-4-239-243>, <https://elibrary.ru/dykybj>

References

1. Kolotkina O.A. (2025). The importance of unifying the conceptual and categorical apparatus of national security in the context of clarifying the content of the category “public safety”. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, vol. 13, no. 3 (51), pp. 49-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-6>, <https://elibrary.ru/otrquou>
2. Girko S.I., Sandugei A.N., Zubova M.V. (2024). Public safety in the system of strategic national priorities (theoretical and methodological analysis). *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, no. 1 (65), pp. 34-44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gghpnl>
3. Iroshnikov D.V. (2017). The relationship between the concepts “danger”, “threat”, “challenge” and “risk” in legal doctrine, legislation and strategic planning documents. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport Law and Security*, no. 12 (24), pp. 96-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxmjtz>
4. Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. (2025). Transformation of challenges and threats to public safety in the context of socio-economic development of the country. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of Innovative Technologies*, vol. 9, no. 3 (35), pp. 63-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzidxu>
5. Ovchinskii A.S., Zhuravlenko N.I. (2023). Antiformation as a security threat to the world community in conditions of hybrid war and digital transformation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, vol. 9 (75), no. 1, pp. 49-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/knuwyw>
6. Dzhaliilov E.V., Alekseeva E.V. (2023). Hybrid impact as a threat to the economic security of the state. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*, no. 6 (50), pp. 183-185. (In Russ.) <https://elibrary.ru/veezwf>
7. Panamareva O.N. (2023). Justification of the needing for a new mechanism for ensuring national economic security in the context of hybrid threats and digital transformation. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYUA = Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, no. 4, pp. 9-24. (In Russ.) https://doi.org/10.52210/2224669X_2023_4_9, <https://elibrary.ru/awdfkk>
8. Shenshin V.M. (2026). Ensuring public safety in the digital age: some problematic aspects. *Zakon i vlast' = Law and Power*, no. 1, pp. 153-156. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gymfvg>
9. Kharlamov S.O., Egorov S.A. (2022). Constitutional and legal regulation of the use of QR codes in countering extremism and terrorism. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, no. 4, pp. 239-243. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-4-239-243>, <https://elibrary.ru/dykybj>

Информация об авторе

Ягофарова Инара Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 7216-8150, ИИНЦ AuthorID: 488352, Scopus Author ID: 57203969053, <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>, vaina3@yandex.ru

Information about the author

Inara D. Yagofarova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Competition Law and Antitrust Regulation Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation; Senior Researcher, Center for Security Problems Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: [7216-8150](#), RSCI AuthorID: [488352](#), Scopus Author ID: [57203969053](#), <https://orcid.org/0000-0002-8508-7920>, vaina3@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-450-458>

EDN BALQZP

Шифр научной специальности 5.1.2

Роль цифровых платформ в контроле за уплатой налогов физических и юридических лиц в Российской Федерации: проблемы правового регулирования

Даниил Владимирович Шахов

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Ленинградский, 49/2

 dvshakhov@fa.ru

Аннотация

Рассмотрены ключевые правовые особенности регулирования процессов развития цифровых платформ в контроле за уплатой налогов физических и юридических лиц в Российской Федерации, детально представлен опыт цифровизации налогового администрирования в Российской Федерации, подчеркнуты инновационные направления развития налогового администрирования, а также доказано, что масштабная цифровизация сервисов, администрируемых в том числе ФНС России, привела к созданию уникальных инструментов по управлению налоговой системой Российской Федерации. В рамках аналитического исследования удалось выявить отсутствие четкого определения понятия налогового риска, который в работе трактуется как прямой или косвенный фактор, влияющий на возможность наступления негативных последствий как для налогоплательщика, так и для администратора налогов в лице ФНС России. Актуальность работе придает вопрос определения правовой составляющей использования ФНС России в своих информационных системах искусственного интеллекта при проведении налогового контроля. В заключение работы сделан вывод о том, что статус и тенденция развития цифровых сервисов ФНС России и других ведомств как источника борьбы с неуплатой налогов и отмыванием незаконно полученных денежных средств может иметь высокий уровень оценки, однако стоит отметить необходимость законодательного регламентирования процесса действия автоматизированных и государственных информационных систем, в том числе наделения соответствующих органов (ФНС России, Росфинмониторинг) полномочиями по сбору и верификации данных, полученных с их помощью.

Ключевые слова

право, регулирование, процесс, развитие, цифровые платформы, контроль, налоги, искусственный интеллект, риски, инструменты

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

Д.В. Шахов – разработка концепции исследования, сбор и анализ нормативных правовых актов и материалов судебной практики, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование и приведение к требованиям журнала.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Шахов Д.В. Роль цифровых платформ в контроле за уплатой налогов физических и юридических лиц в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 450-458. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-450-458>, <https://elibrary.ru/balqzp>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-450-458>

EDN BALQZP

OECD 5.05; ASJC 3308

The role of digital platforms in monitoring the payment of taxes by individuals and legal entities in the Russian Federation: problems of legal regulation

Daniil V. Shakhov

Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation

 dvshakhov@fa.ru

Abstract

The key legal features of regulating the development of digital platforms in monitoring the payment of taxes by individuals and legal entities in the Russian Federation are examined. The experience of digitalizing tax administration in the Russian Federation is presented in detail. Innovative directions for the development of tax administration are highlighted. It is also proven that the large-scale digitalization of services, including those administered by the Federal Tax Service of Russia, has led to the creation of unique tools for managing the tax system of the Russian Federation. Within the framework of the analytical study, it was possible to identify the lack of a clear definition of the concept of tax risk, which is interpreted in the work as a direct or indirect factor influencing the likelihood of negative consequences for both the taxpayer and the tax administrator, represented by the Federal Tax Service of Russia. The relevance of the work is enhanced by the issue of defining the legal component of the use of artificial intelligence in the Federal Tax Service of Russia's information systems during tax control. The study concludes that the status and development trends of digital services provided by the Federal Tax Service of Russia and other agencies as a means of combating tax evasion and the laundering of illegally obtained funds can be highly rated. However, it is worth noting the need for legislative regulation of the operation of automated and state information systems, including granting the relevant bodies (the Federal Tax Service of Russia, Rosfinmonitoring) the authority to collect and verify data obtained through these systems.

Keywords

law, regulation, process, development, digital platforms, control, taxes, artificial intelligence, risks, tools

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

D.V. Shakhov – research concept development, collection and analysis of regulatory legal acts and materials from judicial practice, scientific literature analysis, writing – original draft preparation, editing, preparation of the article in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Shakhov, D.V. (2026). The role of digital platforms in monitoring the payment of taxes by individuals and legal entities in the Russian Federation: problems of legal regulation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 450-458. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-450-458>, <https://elibrary.ru/balqzp>

Введение

В условиях развития цифровой экономики Российской Федерации особое внимание государства уделяется внедрению цифровых технологий как в экономической, так и социальной сфере с целью обеспечения национальной безопасности, а также улучшения качества жизни граждан. С 2019 по 2024 г. был реализован национальный проект «Цифровая экономика», в рамках которого предусматривалось создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры функционирования цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей граждан, бизнеса и власти на основе отечественных разработок¹. Указанный документ и предусмотренные в нем изменения существенным образом повлияли на ландшафт отношений между ФНС России и физическими и юридическими лицами Российской Федерации. В частности, за последние десять лет налоговое администрирование претерпело существенные изменения – традиционные модели в виде периодичной налоговой отчетности, сдаваемой в органы ИФНС России, заменил механизм постоянного налогового администрирования, основанного на преактивном контроле, функционирующем в реальном времени.

На современном этапе развития процесс цифровизации налогового администрирования в России выходит на новый уровень, где на постоянной основе для контроля внедряются блокчейн-технологии и искусственный интеллект [1]. Кроме того, налоговые органы активно сотрудничают с ведущими цифровыми площадками (маркетплейсами) как с элементами налогового администрирования².

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7).

² От камеральной проверки к цифровому аудиту: как ИИ формирует новую архитектуру налогового ад-

министратором доходов бюджета Российской Федерации – за 2025 г. службой было перечислено 61,2 трлн рублей дохода в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, что стало рекордной суммой налоговых отчислений³. Вместе с тем сегодня ФНС России – это не только администратор доходов, но и «суперведомство» со своими суперсервисами: от сервисов, контролирующих уплату налогов (АИС «Налог-3»), до сервисов, отслеживающих состояние населения и производящих их анализ.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. Формально-юридический метод использован при анализе нормативных правовых актов, регулирующих функционирование информационных систем налогового администрирования, а также при исследовании материалов судебной практики. Системно-структурный метод применен при характеристике архитектуры автоматизированных информационных систем ФНС России. Анализ доктринальных источников позволил уточнить содержание понятия «налоговый риск» и выявить пробелы правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в налоговом контроле.

Обсуждение. Результаты исследования

Масштабная цифровизация сервисов, администрируемых в том числе ФНС России, привела к созданию уникальных инст-

министрирования // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Официальный сайт. 2025. 13 нояб. URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/ot-kameralnoy-proverki-k-tsifrovomu-auditu-kak-ii-formiruet-novuyu-arkhitekturu-nalogovogo-administr> (дата обращения: 08.04.2026).

³ Басович М. ФНС: Поступления в бюджет за 2025 год превысили 61 триллион рублей // Российская газета. 2026. 4 мая. URL: <https://rg.ru/2026/05/04/fns-postupleniia-v-biudzheth-za-2025-god-prevysili-61-trillion-rublej.html> (дата обращения: 08.05.2026).

рументов по управлению налоговой системой Российской Федерации, в частности – автоматизированной информационной системы «Налог», которая служит единым сервисом обработки и анализа всех поступающих данных по налогоплательщикам [2]. Вместе с тем совершенствование правовых норм, посредством которых происходит усовершенствование правовой основы налогообложения, является масштабным процессом с несколькими стадиями апробации – введение экспериментальных налоговых режимов, тестирование в отдельных регионах [3].

Основным этапом является общепринятый подход, при котором цифровое развитие означает постепенное движение: от автоматизации управления через осознание ценности информации к ее цифровой трансформации с помощью технологий вроде блокчейна, облачных вычислений и интернета вещей [4]. Кроме того, на развитие администрирования системы налогообложения в Российской Федерации существенное влияние оказывает развитие робототехники и искусственного интеллекта. Внедрение ИИ-агентов оказывает колоссальное воздействие на систему сбора и уплаты налогов, в частности было внедрено несколько решений, таких как:

- RPA-системы, которые призваны обеспечить выполнение рутинных задач – копирование и ввод данных, отправка писем, что снижает трудозатраты сотрудников ФНС России на шаблонные действия и тем самым способствует повышению качества обрабатываемой информации и минимизации ошибок. В настоящее время к данной системе подключено свыше 120 тыс. работников ФНС России⁴;

- ИИ-сервис на основе ИИ-модели Сбера (GigaChat), который ФНС России и Сбер совместно интегрируют в налоговые сервисы.

О.И. Лютова рассматривает правовое регулирование уплаты налогов в трех ос-

новных этапах: перевод налоговых платежей на автоматизированные рельсы (информатизация), оцифровка порядка выполнения налогового обязательства, интеграция систем искусственного интеллекта в этот процесс, а также учет воздействия роботизации, которая наблюдается в различных областях общественной жизни и человеческой деятельности [5, с. 155]. Несомненно, ключевым этапом в развитии налогового администрирования стало создание единого личного кабинета налогоплательщика, который объединил в себе более 50 различных сервисов. Единый сервис позволяет выполнять различные функции по уплате налогов, получению вычетов, подаче налоговой декларации, выписок из реестров и т. д. для всех категорий налогоплательщиков (физические лица, юридические лица, индивидуальные предприниматели, самозанятые).

Развитие системы АИС «Налог-3» привело к накоплению различной информации в центрах обработки данных, что, в свою очередь, позволило налоговым органам на постоянной основе выявлять и предвидеть налоговые нарушения. ФНС России на основе этих данных в режиме реального времени видит все движение средств, которое проходит внутри банковской системы Российской Федерации. Согласимся с С.А. Веселкиной, что основные задачи системы направлены в том числе на пресечение правонарушений [6, с. 150]. Функционально АИС «Налог-3» предназначена для приема, обработки, предоставления данных и анализа информации; формирования информационных ресурсов налоговых органов; определения статистических данных и сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России; предоставления информации внешним потребителям⁵.

Архитектурно АИС «Налог-3» представляет собой несколько сопряженных систем:

- АСК НДС-2 – ключевой инструмент в системе налогового администрирования,

⁴ The Federal Tax Service carried out one of the largest implementations of RPA systems in the public sector of the Russian Federation. 120 thousand employees are connected to the new platform // Tadviser. 2025. URL: https://tadviser.com/index.php/Project:Implementation_of_Puzzle_RPA_in_the_Federal_Tax_Service (дата обращения: 08.04.2026).

⁵ Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»); Приказ ФНС России от 14.03.2016 № ММВ-7-12/134@ // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2026).

который позволяет отслеживать всю цепочку денежных операций с контролем источников налога на добавленную стоимость, выявляя в превентивном режиме расхождения в цепочке поставок контрагентов. При этом необходимо отметить, что ФНС России активно применяет искусственный интеллект в целях более точного анализа, исключая ручной труд;

– АСК ДФЛ – система, позволяющая отслеживать выплату «серых» зарплат посредством анализа выплачиваемых заработных плат с минимальным размером оплаты труда и показателями, являющимися средними по отрасли. С помощью данной системы ФНС России отслеживает выплату «серых» заработных плат, что может свидетельствовать о масштабном выводе денежных средств через фирмы-«однодневки».

Кроме того, существуют и иные системы, контролирующие уплату налогов посредством различных механизмов, что способствует пресечению совершения административных и уголовных правонарушений. Согласимся с С.А. Веселкиной, что наличие различных автоматизированных систем ФНС России служит эффективным инструментом пресечения преступлений и правонарушений путем детального анализа деятельности налогоплательщика независимо от его формы [6, с. 150-151].

Развитие проанализированных информационных систем в значительной степени упростило процесс обмена данными между налогоплательщиками всех категорий, но и создало дополнительные риски в части налогового регулирования. С целью снижения финансовых и экономических рисков в части администрируемых налогов необходимо на постоянной основе актуализировать существующие нормативные акты.

При этом необходимо отметить, что в правовом поле отсутствует четкое определение налоговых рисков. По своей природе налоговые риски условно можно разделить на две составляющие – прямые и косвенные. К прямым относятся штрафы, пени, доначисления налогов, отказ в возмещении НДС и др.; к косвенным налоговым рискам можно отнести блокировку счетов, арест имущества и др. По своей сущности все данные налоговые риски выявляются на основании

данных, полученных путем обработки массива данных в автоматизированных системах ФНС России. К.Б. Анисимова трактует налоговые риски как незаконные действия налогоплательщиков, способные привести к необоснованной налоговой выгоде; вместе с тем налоговые риски могут носить и характер технической ошибки исходя из их составляющей [7].

Таким образом, налоговый риск – это прямые или косвенные факторы, влияющие на возможность наступления негативных последствий как для налогоплательщика, так и для администратора налогов в лице ФНС России. В случае с налогоплательщиком бремя предупреждения рисков лежит на нем самом, но в случае ФНС России такое бремя перекладывается на искусственный интеллект. Вместе с тем в нормативных актах не указан регламент его применения, что несет под собой опасность оспаривания выявленных фактов. В частности, Арбитражный суд города Москвы в решении от 22 марта 2023 г. по делу № А40-270650/2022⁶ в иске ООО «БизнесТрансКомпани» к Инспекции Федеральной налоговой службы № 43 по г. Москве указал, что сведения, полученные ИФНС России посредством системы АИС «Налог-3», не могут быть учтены судом при рассмотрении дела, поскольку нельзя идентифицировать ни сами данные, ни порядок их внесения в систему. Суд также отметил, что подтвердить законность содержащихся в системе данных и процесс их поступления в АИС «Налог-3» невозможно.

Использование данной системы ФНС России полностью оправдано, так как позволяет в режиме реального времени купировать налоговые риски для службы, однако до настоящего времени остается открытым вопрос правового статуса автоматизированных информационных систем налоговой службы, поскольку доказательная база, полученная посредством выгрузки соответствующей информации, является несостоятельной.

Отдельного внимания заслуживает процесс взаимодействия цифровых систем ФНС России с цифровыми платформами. С 1 ян-

⁶ Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.03.2023 по делу № А40-270650/2022 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2026).

варя 2025 г. на основании приказа ФНС России от 04 декабря 2024 г. № ЕД-7-2/1102 «О проведении эксперимента по информационному взаимодействию с операторами электронных площадок» (далее – Приказ ФНС № ЕД-7-2/1102) действует эксперимент по реализации информационного взаимодействия с операторами электронных площадок (далее – Эксперимент) с целью предупреждения налоговых рисков и донстройки систем внутреннего контроля операторов электронных площадок, а также обеспечения конкурентных условий торговли⁷. Согласно эксперименту, операторы торговых площадок, таких как ОЗОН, Вайлдберриз, Яндекс и др., обязаны самостоятельно отслеживать риски совершения налоговых правонарушений юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями и уведомлять их об этом путем электронного уведомления, в том числе и ФНС России. Вместе с тем Приказ ФНС № ЕД-7-2/1102 не содержит порядка информационного обмена и порядка сбора данных оператором платформы. Как и в случае с АИС «Налог-3», данный правовой пробел в дальнейшем может быть истолкован судом в пользу налогоплательщика, так как согласно постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»⁸ по отношению к нему может быть применена презумпция добросовестности налогоплательщика, в основе которой суд исходит из того, что действия налогоплательщика, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданы, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, – достоверны.

Аналогичный подход прослеживается и по отношению к другим информационным системам, например, АСК «НДС-2». В част-

ности, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 14 марта 2024 г. № Ф06-73/2024⁹ указал, что данные, полученные данной системой, на которую при проведении проверочных мероприятий указывала ИФНС России, не могут служить основанием для отказа в налоговых вычетах налогоплательщику. Таким образом, при анализе информационных систем АИС «Налог-3» и АСК «НДС-2» можно сделать вывод, что у арбитражных судов сложилась практика, согласно которой сведения, полученные информационными системами ФНС России (и это не ограничивается перечисленными информационными системами), не могут служить в суде прямым доказательством вины налогоплательщика, если это не будет доказано иным способом.

Одним из решений устранения правовой коллизии может быть закрепление правоотношений при взаимодействии с автоматизированными налоговыми системами в отдельном порядке, утверждаемом ФНС России.

Также остается под вопросом правовая составляющая использования ФНС России в своих информационных системах искусственного интеллекта при проведении налогового контроля¹⁰. Согласимся с мнением Д.М. Челнокова, который указывает, что в ФНС России преобладают публичные решения, принятые на основе обработки и анализа данных искусственным интеллектом, а не путем аналитической работы сотрудников налоговых органов [8]. Как отмечает Н.Г. Андрианова, цифровая трансформация налогового контроля, основанная на использовании технологий искусственного интеллекта, в краткосрочной перспективе позволила обеспечить автоматизацию рутинных процессов и ускорить процесс анализа больших данных; вместе с тем для обеспечения баланса публичных и частных интересов необходимо устранение правовых про-

⁷ О проведении эксперимента по информационному взаимодействию с операторами электронных площадок: Приказ ФНС России от 04.12.2024 № ЕД-7-2/1102@ // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2026).

⁸ Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2026).

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.03.2024 № Ф06-73/2024 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 08.05.2026).

¹⁰ Решение на государственную регистрацию бизнеса принимает искусственный интеллект // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. 2022. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn50/news/activities_fts/12109910/ (дата обращения: 08.05.2026).

белов, связанных с регламентацией применения искусственного интеллекта [9].

Однако все цифровые сервисы ФНС России, призванные формализовать денежные потоки страны, не учитывают «серую» зону криптовалют и связанных с ними операций, способствующих отмыванию денежных средств и уклонению от уплаты налогов. В августе 2025 г. капитализация рынка криптовалют достигла 4,19 трлн долларов США, при этом наиболее популярные криптовалюты, такие как биткоин или эфир, выросли на сотни и тысячи процентов. Вместе с тем мегарегуляторы и фискальные органы власти государства и, в частности, Российской Федерации не контролируют большинство операций, проводимых с данными цифровыми активами, ввиду анонимности операций, большой волатильности рынка, подверженности спекуляциям. Данные факторы способствуют развитию теневого рынка, а также недополучению бюджетом страны значительной части дохода.

Денежные средства зачастую выводятся из оборота путем использования различных криптобирж, обменников и p2p (peer-to-peer), при этом, если биржи как юридические лица государство может подчинить законам государства, то с обменниками или при взаимодействии продавца и покупателя напрямую это становится невозможным.

С целью противодействия отмыванию денежных средств с помощью криптовалют и связанных с ними криптобирж Росфинмониторингом был разработан ГИС «Прозрачный блокчейн», представляющий собой специализированное программное обеспечение для сотрудников правоохранительных органов. Основным назначением данной системы является отслеживание операций, совершенных при помощи криптовалюты, и анализ финансовых потоков, проводимых в сетях блокчейна. По заявлению представителя Росфинмониторинга И.С. Рязановой, ГИС в полной мере заработала с начала 2026 г., доступ к системе получили пять кредитных организаций; основная цель

интеграции ГИС в банковскую систему – отслеживание операций с фиатными деньгами и их взаимосвязи с цифровыми активами.

Заключение

Государство и органы налогового администрирования не могут в полной мере проверить все экономические потоки физических и юридических лиц, поскольку указанные субъекты могут намеренно искажать предоставляемую информацию – доходы, расходы, отчетность и т. д., что, в свою очередь, является следствием недополучения государством налогов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Цифровые сервисы в условиях цифровой экономики необходимы для снижения доли «серой» экономики, чему способствует формализация отдельных видов экономической деятельности, что, в свою очередь, является новым источником формирования бюджета [10].

Данные представленного анализа позволяют сделать вывод о том, что статус и тенденция развития цифровых сервисов ФНС России и других ведомств как источника борьбы с неуплатой налогов и отмыванием незаконно полученных денежных средств может иметь высокий уровень оценки, однако стоит отметить необходимость законодательного регламентирования процесса действия автоматизированных и государственных информационных систем, в том числе наделения соответствующих органов (ФНС России, Росфинмониторинг) полномочиями по сбору и верификации данных, полученных с их помощью. Также необходимо подчеркнуть, что вопросы регламентации действия таких систем являются достаточно многогранными, так как затрагивают интересы как государства, так и налогоплательщика [11]. Регламентация и урегулирование порядка действий информационных систем будут способствовать упрощению процесса сбора доказательной базы для налоговых органов и повышению прозрачности налоговых процедур для налогоплательщика, что, в свою очередь, снизит количество судебных разбирательств.

Список источников

1. Ручкина Г.Ф., Горохова С.С., Баракина Е.Ю., Демченко М.В., Матвиенко Г.В., Фентти М.Г., Киселев А.С., Самохина А.Н. Правовое регулирование деятельности финансового рынка Российской Фе-

- дерации в условиях санкций недружественных государств. Москва: КноРус, 2026. 358 с. <https://www.elibrary.ru/hgctky>
2. Квасов И.А., Бутова Т.В., Федченко Е.А., Красюкова Н.Л., Завалько Н.А. Технологическое превосходство: от стратегии к оперативным задачам // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 4. С. 234-241. <https://elibrary.ru/mtmipi>
  3. Лютова О.И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // Антиномии. 2024. Т. 24. № 1. С. 73-88. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73, <https://elibrary.ru/accvps>
  4. Кирьянов А.Ю. Проблемы реализации общественного контроля в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2021. № 4 (14). С. 39-44. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.039-044>, <https://elibrary.ru/mrcmaw>
  5. Лютова О.И. Цифровая трансформация обязанности по уплате налога: этапы развития правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 155-162. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.119.7.155-162>, <https://elibrary.ru/gbogdv>
  6. Веселкина С.А. Автоматизированные информационные системы налогового контроля как средство повышения эффективности взаимодействия правоохранительных и налоговых органов при выявлении, предупреждении и раскрытии налоговых преступлений // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 149-152. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-4-149-152>, <https://elibrary.ru/olcjpo>
  7. Анисимова К.Б. Актуальные проблемы правового регулирования применения цифровых технологий в налоговом администрировании // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 516-526. <https://elibrary.ru/snydbn>
  8. Челноков Д.М. Проблемы правового регулирования цифрового налогового контроля // Финансовое право. 2024. № 12. С. 15-18. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2024-12-15-18>, <https://elibrary.ru/sohqha>
  9. Андрианова Н.Г. Искусственный интеллект в налоговом контроле: проблемы и перспективы правового регулирования // Налоги и налогообложение. 2025. № 3. С. 22-32. <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2025.3.74301>, <https://elibrary.ru/ajssfq>
  10. Алексахина С.А., Горишкова А.А., Озерова Н.А., Нохтуева Е.Н. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 12. С. 7079-7094. <https://doi.org/10.18334/epp.14.12.122219>, <https://elibrary.ru/hkdapo>
  11. Богачев А.А., Гладких В.В., Мазур Е.В. Цифровая трансформация налогового контроля в России: баланс интересов государства и бизнеса // Universum: экономика и юриспруденция. 2025. № 7 (129). С. 23-25. <https://elibrary.ru/rbnahk>

References

1. Ruchkina G.F., Gorokhova S.S., Barakina E.Yu., Demchenko M.V., Matvienko G.V., Fentti M.G., Kiselev A.S., Samokhina A.N. (2026). *Legal Regulation of the Financial Market Activities in the Russian Federation under Sanctions Imposed by Unfriendly States*. Moscow, KnoRus Publ., 358 p. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/hgctky>
2. Kvasov I.A., Butova T.V., Fedchenko E.A., Krasnyukova N.L., Zavalko N.A. (2025). Technological superiority: from strategy to operational tasks. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*, vol. 32, no. 4, pp. 234-241. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mtmipi>
3. Lyutova O.I. (2024). Tax obligations in the digital era: periodization of legal regulation. *Antinomii = Antinomies*, vol. 24, no. 1, pp. 73-88. (In Russ.) https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73, <https://elibrary.ru/accvps>
4. Kiryanov A.Yu. (2021). Problems of implementation of public control in the digital economy. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*, no. 4 (14), pp. 39-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.039-044>, <https://elibrary.ru/mrcmaw>
5. Lyutova O.I. (2024). Digital transformation of tax payment obligations: stages of legal regulation development. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 7 (119), pp. 155-162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.119.7.155-162>, <https://elibrary.ru/gbogdv>
6. Veselkina S.A. (2023). Automated information systems of tax control as a means of increasing the efficiency of interaction between law enforcement and tax authorities in the detection, prevention and disclosure of tax crimes. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 4, pp. 149-152. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-4-149-152>, <https://elibrary.ru/olcjpo>

7. Anisimova K.B. (2024). Current issues of legal regulation of the application of digital technologies in tax administration. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, no. 32, pp. 516-526. (In Russ.) <https://elibrary.ru/snydbn>
8. Chelnokov D.M. (2024). Issues of legal regulation of digital tax control. *Finansovoe pravo = Financial Law*, no. 12, pp. 15-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2024-12-15-18>, <https://elibrary.ru/sohqha>
9. Andrianova N.G. (2025). Artificial intelligence in tax control: problems and prospects of legal regulation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*, no. 3, pp. 22-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-065X.2025.3.74301>, <https://elibrary.ru/ajssfj>
10. Aleksakhina S.A., Gorshkova A.A., Ozerova N.A., Nokhtueva E.N. (2024). Digitalization of tax administration as a tool for increasing the efficiency of tax policy. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 14, no. 12, pp. 7079-7094. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/epp.14.12.122219>, <https://elibrary.ru/hkdapo>
11. Bogachev A.A., Gladkih V.V., Mazur E.V. (2025). Digital transformation of tax control in Russia: balance of interests between state and business. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya = Universum: Economics and Law*, no. 7 (129), pp. 23-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rbnaht>

Информация об авторе

Шахов Даниил Владимирович, аспирант, кафедра международного и публичного права юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0004-3842-2038>, dvshakhov@fa.ru

Information about the author

Daniil V. Shakhov, Post-Graduate Student, International and Public Law Department, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-3842-2038>, dvshakhov@fa.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-459-470>

EDN WSKLIS

Шифр научной специальности 5.1.4

Воспитательный потенциал религии в профилактике корыстного преступного поведения иностранных студентов в России

Михаил Александрович Желудков^{1,2} , Марина Валентиновна Ююкина³

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

²ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

³ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ kandydat1@yandex.ru

Аннотация

Проведено исследование реализации различных форм религиозных вероучений при профилактике корыстного преступного поведения иностранных студентов в России. Цель криминологического анализа – в связи с сущностью огромного воздействия духовной силы на психику человека доказать необходимость задействования при обучении иностранных студентов дополнительной формы воспитания в виде отдельной дисциплины криминологического профиля, где на основе постулатов вероучений будут обозначены представления об основных стимулах отказа от корыстных криминальных форм поведения. Использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа. В обеспечении системы профилактики корыстной преступности в нашей стране реализованы разнообразные меры воздействия на личность, а также на причины, условия, приводящие ее к преступному поведению. Однако подобные меры в отношении иностранных студентов применяются без использования правил тех религий, которые они исповедуют. Эта тенденция без осознания того, что человек действует в обществе не только на основе внешнего воздействия правил и законов, но и на врожденных потребностях, ориентирах в жизнеобеспечении, привносимых в сознание и психику человека на основе рефлексов цели, в том числе с помощью религий, привела к невозможности понять основную специфику всех элементов механизма корыстного преступного поведения, в том числе иностранных студентов в нашем обществе. С учетом подобной проблематики, в рамках данной статьи, предпринята попытка смоделировать корреляцию верообразования и профилактики корыстного преступного поведения для данной категории студентов.

Ключевые слова

религия, корыстное преступное поведение, иностранные студенты, воспитание, антисоциальная позиция личности, религиозные знания

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов

М.А. Желудков – разработка концепции исследования, сбор и разработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи, редактирование. М.В. Ююкина – разработка концепции исследования, сбор и разработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Желудков М.А., Ююкина М.В. Воспитательный потенциал религии в профилактике корыстного преступного поведения иностранных студентов в России // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-459-470>, <https://elibrary.ru/wsklis>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-459-470>

EDN WSKLIS

OECD 5.05; ASJC 3308

Educational potential of religion in the prevention of lucrative criminal behavior of foreign students in Russia

Mikhail A. Zheludkov^{1,2} , Marina V. Yuyukina³

¹Tambov State Technical University

106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

²South-West State University

94 50 Let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation

³Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 kandydat1@yandex.ru

Abstract

A study has been conducted on the implementation of various forms of religious beliefs in the prevention of lucrative criminal behavior of foreign students in Russia. The aim of criminological analysis is, in connection with the essence of the enormous impact of spiritual power on the human psyche, to prove the need to use an additional form of education in the form of a separate discipline of criminological profile in the education of foreign students, where, based on the tenets of religious beliefs, ideas about the main incentives for rejecting lucrative criminal behaviors will be outlined. Various methods of cognition have been used: dialectical, statistical, and analytical methods. In ensuring the system of prevention of mercenary crime in our country, various measures have been implemented to influence the individual, as well as the causes and conditions leading to criminal behavior. However, such measures are applied to foreign students without using the rules of the religions they profess. This tendency, without realizing that a person acts in society not only on the basis of external influence of rules and laws, but also on innate needs, life support guidelines introduced into the human mind and psyche based on reflexes of purpose, including with the help of religions, has led to the inability to understand the basic specifics of all elements of the mechanism of lucrative criminal behavior, including of foreign students in our society. Taking into account such issues, within the framework of this article, an attempt has been made to model the correlation of religious education and the prevention of lucrative criminal behavior for this category of students.

Keywords

religion, lucrative criminal behavior, foreign students, upbringing, anti-social position of personality, religious knowledge

Funding

This research received no external funding.

Authors' contribution

M.A. Zheludkov – research concept, normative documents research and analysis, writing – original draft preparation, manuscript editing. M.V. Yuyukina – research concept, normative documents research and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interest.

For citation

Zheludkov, M.A., & Yuyukina, M.V. (2026). Educational potential of religion in the prevention of lucrative criminal behavior of foreign students in Russia. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 459-470. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-459-470>, <https://elibrary.ru/wsklis>

Введение

Законодательство в сфере образования Российской Федерации постоянно совершенствуется с точки зрения создания доступной эффективной связи между потребностями государства и социальными общностями, группами и процессами. В этом отношении большое значение имеет сфера высшего образования, где процесс обучения не должен замыкаться только на подачу определенных знаний. Нельзя обеспечить процесс воспитания студентов, основываясь только на положениях законов и уставов, необходимо также учитывать нормы морали, культуры, в том числе религиозные традиции и убеждения самих студентов. Особого внимания требует процесс воспитания иностранных студентов, что характерно для многих вузов России, так как наличие таких студентов является одним из показателей эффективности работы вуза при оценке со стороны Министерства образования и науки Российской Федерации. Почему важно обратить внимание на алгоритм воспитания именно этих групп студентов? Во-первых, иностранные студенты приходят в новый коллектив в другом государстве и сразу сталкиваются с проблемами социально-психологической адаптации. Во-вторых, существует языковой барьер, так как иностранным студентам приходится постоянно находиться в напряженном поиске значений русских слов, выражаемых в их адрес. В-третьих, воспитательные мероприятия, осуществляемые в стенах вуза, не затрагивают сферу досуга и культуры иностранных студентов. Сосредотачиваясь на общих делах вуза, слабое внимание уделяется личному, тем групповым формам общения, где ино-

странные студенты не находят понимания среди однокурсников. Обучение в вузе – это развивающийся процесс, в котором участники связаны друг с другом методами воздействия, проб с целью открыть умственные познания личности для приобретения профессиональных ценностей в определенной области знаний и идеалов на основе морально-нравственных обязательств по отношению к правовой системе государства, где обучаются данные студенты. Следовательно, пробелы в воспитательной деятельности вуза приводят к потенциальным криминальным последствиям со стороны включения иностранных студентов в противоправную корыстную деятельность и снижают эффект вовлечения данных студентов в структуру нашего общества.

В качестве примера, «в 2024–2025 годах 23 иностранных студента воронежских вузов совершили 40 корыстных преступлений»¹. С одной стороны, фиксируется небольшое количество таких преступлений по данным региональной статистики. С другой стороны, по некоторым исследовательским данным «сопоставление качественных и количественных показателей правонарушений 10 основных групп иностранных граждан, разделенных по целям пребывания в РФ, говорит, что одну из самых криминогенных групп формируют именно иностранные студенты, на долю коих в 1991–2016 гг. пришлось 15–26 % правонарушений в общей преступности иностранцев [1, с. 527].

¹ В Воронеже 23 иностранных студента совершили 40 преступлений за полтора года // Коммерсант. 2025. 22 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7987804?ysclid=mghqbvk5ss630453627> (дата обращения: 20.03.2026).

Считаем, что в этих и других показателях данной видовой личностной преступности могут проявляться формы особой латентности, когда после совершения преступления иностранец исключается из вуза (иногда это оформляется неуспеваемостью) и таким образом он не попадает в статистику преступности как иностранный студент.

Однако более важным, чем выявление таких преступлений и формирование статистических данных по преступной деятельности таковых лиц, является формирование имиджа нашей образовательной системы перед иностранными студентами, который серьезно понижается в условиях недостаточных элементов механизма профилактического воздействия при формировании антисоциальной установки личности таких студентов.

По различным опросам иностранных студентов выявлен факт того, что в профилактике их корыстного преступного поведения слабо задействуются вопросы религиозных знаний. По данным проведенного исследования, подобные ситуации возникают не только по причине проблемных моментов отсутствия в процессе получения иностранными студентами знаний по выбранной профессии аспектов религии. Причину необходимо искать глубже. Воспитательный процесс в отношении иностранных студентов на основе представлений, что они обязаны выполнять все установленные требования, не подкрепленные целью духовного и нравственного развития личности, приводят к ситуации замыкания человека в самом себе или в микрогруппе своей национальности. Согласимся с тем, что было выявлено еще в древности, а именно: «желания человеческие ненасытны, и так как природа наделила человека способностью все мочь и ко всему стремиться, а фортуна позволяет ему достигать лишь немногого, то следствием сего оказывается постоянная духовная неудовлетворенность и пресыщенность людей тем, чем они владеют»².

Если вуз заинтересован не только в подаче знаний, но и в формировании личности

обучающегося на основе уважения к нормам права и общности, то следует восполнить такое обучение на основе вечных ценностей мировых религиозных знаний. «Вечные ценности, не подверженные политической конъюнктуре, такие как доброта, любовь к ближнему, гуманность, милосердие, сострадание, сочувствие, сопереживание, одновременно являясь качествами личности, формируются в процессе обучения и воспитания. Ценнейшим пластом культуры является религия, отражающая нравственность, мораль общества и нормы поведения человека в нем» [2, с. 25].

В мотивации применения религиозных знаний для воспитания иностранных студентов в России заложен посыл привития им навыков позитивных основ поведения на сформированной религией мировоззренческой позиции. В этом случае не подразумевается навязывание им знаний религий, а создание особого рефлекса веры при сопоставлении своих поступков на основе осмысления религиозных догм и правил. Страх перед законом должен включать в себе также страх перед Богом в интерпретации той религии, которую исповедует иностранный студент. «Верообразование как детерминирующий процесс зиждется в первую очередь на результатах деятельности механизмов бессознательной сферы, на эмоциях, воле, воображении и параллельно опирается на такие вспомогательные для него процессы, как мышление, память и речь. Процесс верообразования, базируясь на бессознательных, интуитивных, иррациональных процессах, нередко противостоит рассудку, знанию и здравому смыслу» [3, с. 181-182].

Обсуждение. Результаты исследования

Прежде чем анализировать возможности религиозных знаний по профилактике корыстного преступного поведения иностранных студентов, обратим внимание на то, что такие субъекты придерживаются различных религиозных практик. Поэтому очень важно находить воспитательный подход к каждому студенту, основываясь, в том числе, на некотором общем понятийном знании о сущности различных религий и их интерпретации запрета на криминальное корыстное поведение. «В самом деле, ни у одного народа не

² Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File> (дата обращения: 20.03.2026).

было никогда учредителя чрезвычайных законов, который не прибегал бы к Богу, ибо в противном случае законы их не были бы приняты; ибо много есть благ, познанных человеком рассудительным, которые сами по себе не столь очевидны, чтобы и все прочие люди могли сразу же оценить их достоинства. Вот почему мудрецы, желая устранить подобную трудность, прибегают к богам»³.

В этой статье представим небольшой анализ сущностных моментов основных религиозных систем для того, чтобы показать, какой вклад вносят данные знания в основу профилактики корыстного поведения конкретной личности.

Иудаизм – одна из основных религий, в основе которой выделен Моисеев закон и Тора. «Для иудаизма характерны следующие объединяющие особенности: монотеизм – вера в единого Бога Творца и Вседержителя; вера в то, что – иудаисты – пребывают в Завете с Богом; признание авторитета Святого Писания (Танаха) и Талмуда; исполнение заповедей Божьих (мицвот); ожидание (первого) пришествия Мессии (Машиаха); вера в существование ангелов и демонов; вера в бессмертие души и воскресение мертвых. Согласно пониманию самих иудеев, исполнение заповедей – это и долг, и выражение любви к Богу. В толковании целого ряда заповедей учитываются добродетели любви и справедливости, которые закреплены в Ветхом Завете»⁴.

По содержательному значению среди основных религий иностранных студентов также выделяется **ислам**, в переводе с арабского означает покорность. «Ислам также называют мусульманством (от арабского «муслим» – «покорившийся»). Согласно вере мусульман, Аллах передал Мухаммеду через ангела Коран, который стал священным писанием для мусульман. Коран состоит из 114 глав (сур). Название суры связано с самой запоминающейся фразой или темой. Помимо Корана, источником вероучения является Сунна – рассказы о жизни Мухаммеда и его высказывания в виде хадисов (сказаний). В исламе можно выделить следующие

аспекты веры: вера в единственность Аллаха (таухид); вера в ангелов Аллаха (малаика); вера в Писания Аллаха (кутуб); вера в Пророков и Посланников Аллаха (анбийа русуль); вера в предопределение Аллаха (кадр); вера в будущую жизнь (ахират)»⁵.

Христианство выражено как вера в Единого Бога в трех Лицах: Отца и Сына и Святого Духа, где проповедуется «вера в Божественное достоинство Господа Иисуса Христа, вера в Него как в Искупителя, Спасителя людей, Создателя и Главу Церкви. Христианская этика составляет важную часть христианского учения. Однако сводить главные задачи церковной проповеди лишь к продвижению положений христианской морали и этики, минимизируя при этом значимость догматического учения Церкви, – значит не понимать задач и целей Церкви. Вся христианская этика имеет с догматикой теснейшую связь. Именно догматика объясняет, почему, ради чего (отчасти: и как именно) человек должен соблюдать христианско-этические нормы; догматика показывает, в чем заключается преимущество христианской этики перед прочими этическими системами»⁶. В рамках представленного рисунка выделены различные христианские конфессии, существующие в мире (рис. 1).

Обосновано возникает вопрос, влияют ли различия данных конфессий на функцию воспитания иностранных студентов в аспекте отказа от корыстного преступного поведения? Вера – чувство интимное, индивидуальное для каждого человека. Поэтому подход к воспитанию также должен проходить с учетом познания и различных аспектов видового христианства. Совершение ошибок в этом вопросе может привести к отторжению всего процесса воспитания со стороны иностранного студента. Например, отличие протестантов от православных заключается в следующих положениях: «протестанты отрицают большинство таинств, признают лишь Крещение; Евхаристия у большинства протестантских деноминаций – просто символическое «вспоминание» о тайной вечере; им также неизвестны священство, мона-

³ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия.

⁴ Иудаизм. URL: <https://azbyka.ru/iudaizm> (дата обращения: 24.03.2026).

⁵ Кратко об исламе. URL: <https://azbyka.ru/kratko-ob-islame> (дата обращения: 24.03.2026).

⁶ Христианство. URL: <https://azbyka.ru/1/hristianstvo> (дата обращения: 24.03.2026).

шество; протестанты не молятся святым, Богородице, отрицают иконы; не признают молитв об усопших»⁷.

Отличие католиков от православных: «различия в области догматов, главное – католическое прибавление к Символу Веры, говорящее об исхождении Святого Духа “et Filioque” («и от Сына»); расхождения по части богослужебной традиции (одно из главных – совершение католиками литургии на пресном хлебе); в области духовной жизни для католиков характерно некритическое отношение к религиозному опыту, «видениям и откровениям», чрезмерная чувственность, экзальтация; это одна из причин того, что многие святые, канонизированные католиками после раскола, не признаются таковыми у православных; в области богословия – католическая традиция отличается большей опорой на разумное объяснение истин веры, рационализмом; он был особенно характерен для Средневековой схоластики, когда «объяснения от ума» доходили даже до изобретения «доказательств Бытия Божия»⁸.

Среди других основных учений веры выделим религии Востока в нашем понима-

нии географии, которые выражаются в виде «Трех учений»: конфуцианство (жу цзя), даосизм (дао цзя) и буддизм (фо цзя) [4, с. 5; 5–7].

«Конфуцианство (кит. 儒学, пиньинь rúxué; кит. 儒教, пиньинь rújiào, буквально – «учение школы ученых-интеллектуалов») – древнейшая философская система. Возникло в Китае на рубеже VI–V веков до н. э. В оригинальном наименовании конфуцианство (жу) отсутствует указание на имя создателя – Конфуция, что соответствует его исходной установке – «передавать, а не создавать, верить древности и любить ее». Свое качественно новое этико-философское учение конфуцианства подчеркнуто идентифицировал с наследием «святомудрых» (шэн) правителей полумифической древности, выраженным главным образом в историко-дидактических и художественных произведениях, старейшие и авторитетнейшие из которых – каноны «Шу цзин» и «Ши цзин». Развиваясь в виде своего рода социально-этической антропологии, конфуцианство сосредоточило внимание на человеке, проблемах его врожденной природы и благо приобретаемых качеств, положения в мире и обществе, способностей к знанию и действию и т. п. Воздерживаясь от собственных суждений о сверхъестественном, Конфуций

Рис. 1. Таблица христианских конфессий
Fig. 1. Table of Christian denominations

Источник: Направления христианства: чем они отличаются друг от друга. URL: <https://pravoslavie.wiki/napravleniya-hristianstva-i-ih-razlichiya.html?ysclid> (дата обращения: 24.03.2026).

Source: Branches of Christianity: how they differ from each other. URL: <https://pravoslavie.wiki/napravleniya-hristianstva-i-ih-razlichiya.html?ysclid> (accessed: 24.03.2026).

фокусом своего учения сделал анализ взаимодействия «внутренних» импульсов человеческой натуры, в идеале охватываемых понятием «гуманности» (жэнь), и «внешних» социализирующих факторов, в идеале охватываемых понятием этико-ритуальной «благопристойности» (ли). Нормативный тип человека – «благородный муж» (жэнь), познавший небесное «предопределение» (мин), «гуманный», сочетающий в себе идеальные духовно-моральные качества с правом на высокий социальный статус. Смысл человеческого существования – утверждение высшей и всеобщей формы социально-этического порядка – Пути (дао), конкретным воплощением которого в каждом отдельном существе и явлении выступает «благодать/добродетель» (дэ)»⁹ [8].

Даосизм (道教, пиньинь dàojiào) – философско-религиозное течение Китая, «впервые как целостное идейное формирование было представлено под именем «школа Пути и благодати» (дао дэ цзя), воспроизводящем название основополагающего даосского трактата «Канон Пути и благодати» («Дао дэ цзин»). Определено в ряду шести философских школ (лю цзя) Сыма Танем (II век до н. э.) и зафиксировано его сыном Сыма Цянем в заключительной 130-й главе первой династийной истории «Ши цзи» («Исторические записки»). Данное название было сокращено до бинома «школа Пути» (дао цзя) в расширенной классификации философских школ Лю Синя (46 г. до н. э. – 23 г. н. э.), которая отражена в 30-й главе второй династийной истории «Хань шу» Бань Гу. В «Дао дэ цзине» представлено содержание в двух основных ипостасях: 1) одинокое и неизменное, пребывающее в покое, недоступное восприятию и словесно-понятийному выражению, безымянное, порождающее «отсутствие/небытие», дающее начало Небу и Земле; 2) всепроникающее, подобно воде; изменяющееся, действующее, доступное восприятию и познанию, выразимое в знаке и символе, порождающее «наличие/бытие», являющееся источником «тьмы вещей». Главная закономерность дао – возвращение,

движение по кругу, характерное для неба, которое традиционно мыслилось круглым. Как следующее лишь своему естеству, дао противостоит опасной искусственности «орудий» и вредоносной сверхъестественности духов, определяя вместе с тем возможность и того и другого. За утратой Пути (дао) следует благодать (дэ). За утратой благодати следует гуманность. За утратой гуманности следует должная справедливость. За утратой должной справедливости следует благопристойность. Благопристойность [означает] ослабление верности и благонадежности, а также начало смуты. При такой натурализации этики «благодатность добра» (дэ шань) предполагает одинаковое приятие и добра и недобра в качестве добра»¹⁰ [9].

«Буддизм возник в Индии около середины 1-го тысячелетия до н. э. и восходит к учению отшельника по имени Сиддхартха Гаутама, носящего титул Будды (санскр. – «Просветленный», однако в обращении к нему чаще использовалось слово Бхагаван – «Благословенный»). Сами буддисты называют себя «бауддха» (последователи Будды), а свое вероисповедание – «Буддха дхарма» («Учение, Истина, или Закон, Будды»). Если в основе других мировых религий лежит вера во всемогущего Бога, создавшего мир, то с точки зрения буддизма мир никем не создан и никем не управляется, а вера в бога-властителя и мироуправителя – Ишвару подрывает основы закона индивидуального морального воздаяния – кармы [если «люди становятся убийцами и ворами, невосдержанными, лжецами, клеветниками, насильниками, болтунами, скупыми, лжемыслителями... благодаря Ишваре, то... нет ни побуждения к действию, ни усилия, ни необходимости что-то сделать или что-то не сделать, а раз так, то термин шрамана («совершающий усилие») к ним неприменим, ибо их ум находится в замешательстве, а познавательные способности бесконтрольны» – «Ангуттара-никая», 3.61]. Направляя взгляд человека внутрь самого себя, вызывая не столько к его вере, сколько к его сознанию, интеллекту и воле, Будда повторяет, что единственная

⁹ Конфуцианство // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/konfutsianstvo-3340af?ysclid=mgki92715 x384974773> (дата обращения: 20.03.2026)

¹⁰ Даосизм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/daosizm-9cc4ab> (дата обращения: 20.03.2026).

цель его учения – освобождение от перерождений («Все мое учение имеет один лишь вкус освобождения»), которое человек способен достичь собственными усилиями, если осознанно изменит себя, используя путь, открытый Буддой в состоянии пробуждения («Будьте сами себе светильниками!»). В этом смысле буддизм является религией спасения без бога (хотя в поздних его формах признается помощь человеку со стороны более духовно продвинутых существ)¹¹ [10].

Изучая положения подобных религиозных знаний по вопросу воспитания человека на основе отрицания мотива криминального корыстного поведения, предлагаем обратить внимание на то, что суть отвлечения человека от такой мотивации заключается не в воздействии на него посторонних лиц, а в доведении до него особых правил поведения, которые включены в религиозные догматы и не дают в сознании человека сформироваться антисоциальной установке. Однако подобная дисциплина отсутствует в учебных заведениях вузов, многие преподаватели сами не обладают достаточными знаниями по указанным религиозным учениям.

Приведем некоторые положения указанных религий, которые имеют значимость при формировании рефлекса цели в жизни и могут быть использованы в процессе профилактического воспитания иностранных студентов для отказа от преступного поведения:

– «проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу свою и пролить кровь невинную! И весь народ скажет: аминь»¹²;

– «когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади»¹³;

– «ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя»¹⁴;

¹¹ Буддизм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/buddizm-8a3bd5> (дата обращения: 20.03.2026).

¹² Книга Второзаконие. Глава 13, стих 9; глава 23, стих 24-25, глава 27, стих 25. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

– «кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»¹⁵;

– «уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему; служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое»¹⁶;

– «запрещено красть или отнимать что бы то ни было как у еврея, так и у нееврея. Написано в «Тана де-Вей Элияху»: вот история про одного человека, который рассказал мне, что обманул нееврея, отмеривая финики, которые продавал ему, а потом на все деньги купил масла, и кувшин с маслом разбился, и все масло вытекло. И я сказал ему: Благословен Вездесущий, ко всем относящийся нелицеприятно! Ведь сказано в стихе: не отнимай у своего ближнего и не грабь»¹⁷;

– «всякий, кто желает получить себе дом товарища или его одежду, или все, что угодно, что товарищ не собирается продавать, а этот человек присылает к нему множество друзей, чтобы упрашивать его, или упрашивает его сам, пока тот не согласится продать – этот человек нарушает запрет из Торы: «Не желай...». А с того момента, когда он поддался на уговоры своего сердца и стал размышлять, каким образом он может приобрести эту вещь, он нарушил запрет: «Не стремись...», поскольку стремление – это только сердечное желание, и стремление в сердце приводит к тому, что человек начинает «желать» (то есть предпринимать действия для удовлетворения своего стремления. – *перев.*). Если же человек приобретает вещь, которую он таким образом хотел, он нарушает сразу оба запрета из Торы. И поэтому, когда эти запреты приводятся в спи-

¹⁵ Библия. Послание к Ефесянам святого апостола Павла. Глава 4, стих 28. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁶ Библия. Новый Завет. Первое соборное послание святого апостола Петра. Глава 3, стих 11; глава 4, стих 10, 15. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁷ Кицур Шульхан Арух 182. Законы воровства и грабежа. URL: https://toldot.com/articles/articles_16104.html?ysclid=mguir0zk61916264793 (дата обращения: 20.03.2026).

ске Десяти заповедей, они начинаются с соединительного союза «и»: «И не желай...», «И не стремись...»¹⁸;

– «поистине, те, которые повернулись спиной [столкнувшись с трудностями, отказались от религиозных идеалов и ценностей, вернулись к старому образу жизни] после того, как явным (очевидным) [понятным] стал для них верный путь... Дьявол наущал их (внушал злые мысли, искушал) [приукрашивал грех, убеждая, что он (например, употребление спиртного, курение, совершение прелюбодеяния, воровство, ложь, посягательство на чужое имущество) не столь страшен, а в чем-то и оправдан] и диктовал им [свою волю, которой они в итоге и покорились, сойдя с пути веры и благочестия под давлением жизненных трудностей либо от «нестерпимого» соблазна]»¹⁹;

– «благородный муж думает о добродетели, а низкий о спокойствии, благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти. Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя много ропота. Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду»²⁰;

– «мудрый человек не имеет корыстных побуждений. Он живет интересами других людей. Добрым я делаю добро, недобрым – тоже желаю добра. Это и есть добродетель, присущая Дэ. С честными людьми я честен, с нечестными – честен тоже. Это и есть честность, присущая Дэ. Мудрый человек живет в покое в своей стране» [11];

– «отказавшись брать то, что не дано ему, избегая брать то, что не дано ему, отшельник Готама, берущий лишь то, что дано, желающий лишь того, что дано, пребывает чистым сердцем, не зная воровства» – вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате»²¹.

¹⁸ Библия. Послание к Ефесянам святого апостола Павла. Глава 4, стих 28.

¹⁹ Священный Коран. Богословский перевод суры 47 Мухаммад. URL: <https://umma.ru/sura-47-muhammad-muhammad#47-25> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ Изречения Конфуция, актуальные для России. URL: <https://proza.ru/2016/09/22/4> (дата обращения: 20.03.2026).

²¹ Дигха Никая 1. Брахмаджала сутта. Сутта о семи совершенствах. URL: <https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn01.htm> (дата обращения: 20.03.2026).

Приведенные и другие положения указанных религий восполняют осознание человеком поиска своего места в обществе, принятия норм поведения на основе обязанности и ответственности, построения своего жизненного пути на основе соотношения и соизмеримости материальных и духовных ценностей.

Отражение в обучении иностранных студентов воспитательной составляющей, в том числе на основе им знакомых религиозных знаний, создают возможности перестроить профилактику корыстной преступности, в том числе не только с новыми уголовно-правовыми средствами, но и с добавлением методов профилактики духовного развития человека. Если корыстное преступное поведение формируется в общественной учебной среде, то необходимо и на данном уровне образования менять правила воспитания со стороны общества. Считаем насущным введение для иностранных студентов новой отдельной дисциплины криминологического профиля, где именно на основе постулатов различных вероучений будут обозначены представления о стимулах отказа от корыстных криминальных форм поведения в нашем разностороннем обществе.

Заключение

Все религиозные знания существовали и разрабатывались на протяжении нескольких тысяч лет, казалось бы, в современное время наше продвинутое по сравнению с прошлым воспитание личности в обществе позволяет учесть опыт прошлого. И, тем не менее, это не так. «Любые действия человека без идеи разрушительны, но еще более разрушительны действия человека, вооруженного ошибочной идеологией. Ученый-педагог В.А. Сухомлинский считал: возвышенные идеи тем и ценны в воспитательном отношении, что благодаря им создается единство коллективного и индивидуального, общественного и личного. Это единство – важнейшее условие нравственного воспитания вообще»²² [12, с. 200].

В рамках данной статьи сделана попытка на основе перечисления фактов, причин-

²² Желудков М.А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 426 с.

ных связей различных религиозных направлений выявить новизну идей воспитания иностранных студентов на основе запрета криминального корыстного поведения в обществе. Воздерживаясь от полноценных оценочных суждений по конкретным религиям, тем не менее на основе закрепленных в их источниках исторических фактов, законов логики и норм морали показана способность к новой подаче способов и средств воспитания в профилактике антисоциальной установки личности. Следует учесть, что человеческое сознание искажает окружающую реальность на основе собственных знаний, убеждений и сформированной позиции по любому вопросу. В этом отношении важно понимать, что страх, зависть, корысть, ненависть и другие мотивы человеческих поступков обязательно воздействуют на механизм поведения, где разум этого человека позволяет ему распознавать необходимость сдерживания криминальных мотивов и снижать импульсивное желание потакать указанным мотивам. В этом отношении религия – всего лишь один из многих общественных институтов, который позволяет направить возникающие у человека мотивационные страсти по удовлетворению потребностей в позитивном направлении, где человек находит возможность, не изменяя свою внутреннюю природу, сопоставив общественное и личное, сдерживать криминальные мотивы и психологически перестраивает свою жизнь с учетом наличия этих мотивов в его сознании.

Таким образом, указанные в статье доводы свидетельствуют о необходимости изменения элементов системного подхода при обучении и воспитании иностранных студентов в России. Обучение только на основе нормативных актов или знаний по определенной дисциплине не создает особое пространство для положительного воздействия на иностранца в стенах учебного заведения. Преподавательский состав, кроме кураторов, отстранен от данной формы деятельности и не всегда обладает сведениями о том, какие правила поведения и на основе каких религиозных знаний сформированы у конкретного студента. В этом отношении не следует забывать о том, что механизм формирования антисоциальной позиции личности реализуется на основе соотношения личного и об-

щественного. Поэтому отстранение общества от полноценного воспитания иностранного студента, в том числе с учетом задействования положений, исповедующим им религий, считаем неправильным и неэффективным в рамках системы образовательной деятельности и профилактики корыстной преступности в Российской Федерации. В данной статье не осуществлялся поиск противоречий в различных религиях. Ее целевое назначение – в связи с сущностью огромного воздействия духовной силы на психику человека доказать необходимость задействования при обучении иностранных студентов дополнительной формы воспитания в виде отдельной дисциплины криминологического профиля, где на основе постулатов вероучений будут обозначены представления об основных стимулах отказа от корыстных криминальных форм поведения. Считаем, что различные способы поиска своего бога в духовном развитии зависят от самого человека. На уровне различных форм развития, возраста, с учетом мотивации и потребностей, положения, которые закреплены в религиозные истины, не бывают однотипны для каждой личности. Однако в каждой религии заложены определенные воспитательные и профилактические постулаты правомерного и криминального корыстного поведения. Задача не просто их донести до иностранных студентов, а создать на этой основе опору для вовлечения таких студентов в общественно-полезную жизнь в России. В обеспечении системы профилактики корыстной преступности в нашей стране реализованы разнообразные меры воздействия на личность, а также на причины, условия, приводящие ее к преступному поведению. Однако подобные меры в отношении иностранных студентов применяются без использования правил тех религий, которые они исповедуют. Эта тенденция без осознания того, человек действует в обществе не только на основе внешнего воздействия правил и законов, но и на врожденных потребностях, ориентирах в жизнеобеспечении, привносимых в сознание и психику человека на основе рефлексов цели, в том числе с помощью религий, привела к невозможности понять основную специфику всех элементов механизма корыстного преступного поведе-

ния, в том числе иностранных студентов в нашем обществе.

В ситуации, когда иностранные студенты исповедуют различные формы религий, а образовательный процесс не учитывает эти условия, происходит отторжение обучения, где движущей силой индивида будет непонимание правил нашего общества. Воспитание на основе религиозных знаний с учетом того, что преподаватели и студенты понимают их основную направленность по мотивации и потребностям, позволит снизить издержки в образовании. Если человек мыслит, то у него присутствует самоконтроль своих поступков. В этом отношении именно

религиозные знания – один из способов воздействия на мышление отдельного человека и развитие в этом мышлении самоконтроля на основе религиозных норм. Оставляя студента наедине с другими идеологическими течениями, в обществе создаются другие формы воздействия на студентов, происходит снижение их самоконтроля, в том числе на основе криминального толкования своих поступков. С учетом подобной проблематики, в рамках данной статьи, предпринята попытка смоделировать корреляцию верообразования и профилактики корыстного преступного поведения для данной категории студентов.

Список источников

1. Степаненко А.С., Демко О.С. Особенности преступлений, совершаемых иностранными гражданами, которые обучаются на территории Российской Федерации // Научный альманах. 2016. № 11-1(25). С. 526-530. <https://doi.org/10.17117/na.2016.11.01.526>, <https://elibrary.ru/xigdvvd>
2. Буданцова А.А. Духовно-нравственный потенциал религии в формировании эмпатической культуры современных школьников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 7. С. 25-35. <https://elibrary.ru/muqbxr>
3. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. Москва: Прометей, 1995. 282 с.
4. Иларион (Григорий Валерьевич Алфеев), митрополит, Олег Корытко, протоиерей, Валентин Васечко, протоиерей. История религий. Москва: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Познание, 2016. 774 с.
5. Торчинов Е.А., Кравцова М.Е., Ермаков М.Е., Солонин К.С. Религии Китая. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. 512 с. <https://elibrary.ru/vwivgb>
6. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. 464 с. <https://elibrary.ru/qwqmkx>
7. Литвинова Л.В. Древнекитайская философия: в 2 т. Москва: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.
8. Кушбаев Ф.К. Роль конфуцианства в истории Китая // Молодежь и системная модернизация страны: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых: в 2 т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. Т. 1. С. 251-264. <https://elibrary.ru/wdrlet>
9. Торчинов Е.А. Даосские практики. Санкт-Петербург: Петербург. Востоковедение, 2004. 254 с. <https://elibrary.ru/qtgyyz>
10. Торчинов Е.А. Краткая история буддизма. Санкт-Петербург: Амфора, 2008. 254 с. <https://elibrary.ru/quopjf>
11. Дао-Дэ-Цзин / под ред. В.В. Антонова. Одесса: New Atlanteans, 2008. 60 с.
12. Сухомлинский В.А. О воспитании. Москва: Политическая литература, 1982. 272 с.

References

1. Stepanenko A.S., Demko O.S. (2016). The specifics of crimes committed by foreign citizens who study in the territory of the Russian Federation. *Nauchnyi al'manakh = Scientific Almanac*, no. 11-1 (25), pp. 526-530. (In Russ.) <https://doi.org/10.17117/na.2016.11.01.526>, <https://elibrary.ru/xigdvvd>
2. Budantsova A.A. (2010). Spiritual-and-moral potential of religion in modern schoolchildren's empathy culture forming. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 7, pp. 25-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/muqbxr>
3. Likhachev B.T. (1995). *Philosophy of Education*. Moscow, Prometei Publ., 282 p. (In Russ.)
4. Metropolitan Ilarion (Grigori V. Alfeev), Archpriest Oleg Korytko, Archpriest Valentin Vasechko (2016). *History of Religions*. Moscow, Ecclesiastical Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, Cognition Publ., 774 p. (In Russ.)

5. Torchinov E.A., Kravtsova M.E., Ermakov M.E., Solonin K.S. (2001). *Religions of China*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 512 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vwivgb>
6. Torchinov E.A. (2007). *The Ways of Philosophy of East and West: the Knowledge of the Transcendent*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 464 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwqmkx>
7. Litvinova L.V. (1972). *Ancient Chinese Philosophy: in 2 vols*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 363 p. (In Russ.)
8. Kushbaev F.K. (2016). The role of Confucianism in Chinese history. *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh «Molodezh' i sistemnaya modernizatsiya strany»: v 2 t. = Collection of Scientific articles of the International Scientific Conference of Students and Young Scientists "Youth and the Systemic Modernization of the Country": in 2 vols*. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., vol. 1, pp. 251-264. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wdrlet>
9. Torchinov E.A. (2004). *Taoist Practices*. St. Petersburg, Petersburg. Oriental Studies Publ., 254 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtgyyz>
10. Torchinov E.A. (2008). *A Brief History of Buddhism*. St. Petersburg, Amfora Publ., 254 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/quopjf>
11. Antonova V.V. (ed.) (2008). *Tao Te Ching*. Odessa, New Atlanteans Publ., 60 p. (In Russ.)
12. Sukhomlinskii V.A. (1982). *About Education*. Moscow, Political Literature Publ., 272 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Желудков Михаил Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции, Юридический институт, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация: ведущий научный сотрудник, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, SPIN-код: 1800-2823, РИНЦ AuthorID: 672636, <https://orcid.org/0000-0003-4482-125X>, kandydat1@yandex.ru

Ююкина Марина Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 8440-9485, РИНЦ AuthorID: 497269, <https://orcid.org/0009-0000-1087-7699>, 2908yuyukina@mail.ru

Information about the authors

Mikhail A. Zheludkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence, Law Institute, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation; Senior Researcher, South-West State University, Kursk, Russian Federation, SPIN-код: 1800-2823, RSCI AuthorID: 672636, <https://orcid.org/0000-0003-4482-125X>, kandydat1@yandex.ru

Marina V. Yuyukina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-код: 8440-9485, RSCI AuthorID: 497269, <https://orcid.org/0009-0000-1087-7699>, 2908yuyukina@mail.ru

Для контактов:

Ююкина Марина Валентиновна
2908yuyukina@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи. / The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 28.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-471-478>

EDN [VJRGED](https://edn.rcsi.science/VJRGED)

Шифр научной специальности 5.1.4

Служебная нагрузка на сотрудников правоохранительных органов: пути ограничения

Игорь Владимирович Овсянников

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1

 ivover@mail.ru

Аннотация

Обращается внимание на обостряющуюся в последние годы проблему нехватки кадров в правоохранительных органах. Эта проблема влечет перегрузку действующих сотрудников, что не способствует качеству служебной деятельности, ускоряет текучесть кадров. На примере участковых уполномоченных полиции анализируется деятельность сотрудников по рассмотрению обращений, заявлений и сообщений граждан о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях. Обозначаются отдельные недостатки доследственных проверок путем собирания дополнительных сведений. Формулируются предложения по изменению процессуального закона, направленные на ограничение общего объема нагрузки на сотрудников, а также на обеспечение большего соответствия уголовного судопроизводства его назначению и принципам, укрепление законности в досудебном производстве, уменьшение его трудоемкости, повышение эффективности.

Ключевые слова

нехватка кадров, перегрузка, участковый, доследственная проверка, отказ в возбуждении уголовного дела, принцип законности

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

И.В. Овсянников – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Овсянников И.В. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Овсянников И.В. Служебная нагрузка на сотрудников правоохранительных органов: пути ограничения // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 471-478. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-471-478>, <https://elibrary.ru/vjrged>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-471-478>

EDN VJRGED

OECD 5.05; ASJC 3308

The workload on law enforcement officers: ways to limit it

Igor V. Ovsyannikov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service

1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation

 ivover@mail.ru

Abstract

Attention is drawn to the problem of the shortage of personnel in law enforcement agencies, which has been worsening in recent years. This problem leads to an overload of existing employees, which does not contribute to the quality of performance, accelerates staff turnover. Using the example of district police officers, the article analyzes the activities of employees in reviewing appeals, applications and reports from citizens about crimes, administrative offenses, and incidents. Individual shortcomings of pre-investigation checks are identified by collecting additional information. Proposals are being formulated to amend the procedural law aimed at limiting the overall workload of employees, as well as ensuring greater compliance of criminal proceedings with their purpose and principles, strengthening the rule of law in pre-trial proceedings, reducing its complexity, and increasing efficiency.

Keywords

staff shortage, overload, district police officer, pre-investigation check, refusal to initiate criminal proceedings, principle of legality

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

I.V. Ovsyannikov – research concept and idea, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

Igor V. Ovsyannikov is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation

Ovsyannikov, I.V. (2026). The workload on law enforcement officers: ways to limit it. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 471-478. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-471-478>, <https://elibrary.ru/vjrged>

Введение

В правоохранительных органах существует проблема нехватки кадров. По данным И. Трифонова, некомплект, например, сотрудников ФСИН от 30 до 50 %¹. Не исключение и органы внутренних дел.

¹ Трифонов И. Факторы риска: главной угрозой правопорядку в РФ остается кадровая ситуация в правоохранительных органах // Деловой журнал «Профиль». 06.01.2026. URL: <https://profile.ru/society/factory-riska-glavnoj-ugrozoy-pravoporyadku-v-rf-ostaetsya-kadrovaya-situaciya-v-pravoohranitelnyh-organah-1800107/> (дата обращения: 06.03.2026).

Характеризуя состояния преступности в России в 2025 г., МВД России отмечает: 89 % зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел². Сотрудники полиции, наиболее близкие к населению, которые, как правило, первыми приходят на помощь к людям, – это участковые уполномоченные полиции (далее –

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2025 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 09.03.2026).

участковые). Служебные обязанности участкового регламентированы ведомственным приказом³. Круг этих служебных обязанностей широк и включает, в частности, рассмотрение обращений, заявлений и сообщений граждан о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях, относящихся к компетенции участкового.

В поздравлении с Днем образования Службы участковых, 17 ноября 2025 г., руководитель МВД России В.А. Колокольцев отметил: «В текущем году участковыми уже рассмотрено свыше 12 миллионов обращений. ...А по каждому заявлению нужно собрать материал, опросить всех участников события и дать соответствующую правовую оценку»⁴.

Проблема нехватки кадров с каждым годом обостряется. В МВД общее количество вакансий в марте 2025 г. 172 тыс. должностей, в том числе 145 тыс. – аттестованные, что существенно затрудняет деятельность ведущих служб полиции⁵. Спустя год, по итогам 2025 г., общее количество вакансий уже 212 тыс., из них 186,5 тыс. – аттестованных должностей; некомплект участковых – 25 %⁶.

Основные причины сложившегося положения известны – низкая зарплата и высокая нагрузка (перегрузка). По данным ис-

следователей, в 2025 г. зарплата участковых была ниже, чем, например, у учителей и врачей⁷. Нехватка кадров приводит к еще большей перегрузке действующих сотрудников, что не способствует качеству служебной деятельности, ускоряет текучесть кадров.

Президент России В.В. Путин, выступая 4 марта 2026 г. на ежегодном заседании коллегии МВД России, назвал существенный некомплект личного состава серьезной проблемой МВД, указал на необходимость системных решений, в том числе повышения уровня материального и социального обеспечения сотрудников⁸.

Обсуждение. Результаты исследования

В сложившейся ситуации актуален вопрос: можно ли как-то ограничить служебную нагрузку на сотрудников? Прежде чем ответить на этот вопрос отметим следующее.

Проведенные исследования показывают: участковые часто собирают материал для постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, причем по статистике на одно возбуждение дела приходится четыре отказа в этом – так полиция реагирует на большинство заявлений граждан; «отказной материал» – это обычно 15–40 страниц, заполненных преимущественно вручную (объяснения заявителей, предполагаемых очевидцев и пострадавших, оценка стоимости имущества, рапорты сотрудников и т. д.); на эту работу участковым приходится тратить от 20 до 60 % своего рабочего времени [1, с. 25-27].

На практике доследственные проверки путем собирания дополнительных сведений сопряжены с рядом негативных явлений. Обозначим некоторые из них.

Значительная часть проверок поступивших сообщений проводится в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, без уче-

³ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»): Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 (ред. от 27.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Поздравление Владимира Колокольцева многотысячному коллективу участковых уполномоченных полиции с Днем образования Службы. 17 ноября 2025. URL: <https://мвд.пф/document/73823554/> (дата обращения: 16.02.2026).

⁵ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. 05 марта 2025. URL: <https://мвд.пф/news/item/62189090> (дата обращения: 16.03.2026).

⁶ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. 04 марта 2026. URL: <https://мвд.пф/news/item/80290750/> (дата обращения: 16.03.2026).

⁷ Болдова К. Куда пропали участковые и почему их зарплаты вызывают шок. URL: <https://www.rambler.ru/pro/professii/55505527-kuda-propali-uchastkovye-i-pochemu-ih-zarplaty-vyzyvayut-shok/> (дата обращения: 17.03.2026).

⁸ Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. 4 марта 2026. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/79255> (дата обращения: 17.03.2026).

та их содержания и характера, наличия или отсутствия в них признаков преступления [2, с. 34-35]; при проверках производятся разрешенные процессуальным законом отдельные следственные и иные трудоемкие действия познавательного характера, но зачастую при заведомом отсутствии события или состава преступления [3]. В этих случаях целесообразность проводить проверки в уголовно-процессуальном порядке, затрагивая при этом права и свободы проверяемых и других лиц, вовлеченных в орбиту доследственной проверки, расходуя дефицитные трудовые и другие ресурсы на собирание дополнительных сведений, вызывает сомнение. При доследственных проверках тех сообщений, из которых усматриваются явные признаки преступления, собирать дополнительный материал, как зачастую происходит на практике, необходимости тоже нет. В случаях получения таких сообщений устанавливать обстоятельства проще и эффективнее следственным путем.

Нарушения законности допускаются сотрудниками преимущественно именно в доследственном производстве. Например, в Республике Татарстан в 2024 г. в ходе надзора за исполнением законов «на досудебной стадии уголовного судопроизводства» прокуроры выявили 57,1 тыс. нарушений законов, в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении 40,2 тыс. (70 %). Примечательно, что в том же 2024 г. отменено: прокурором и по его инициативе 25,9 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; 0,6 тыс. постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела⁹. То есть незаконных постановлений об отказе в возбуждении дела оказалось в 47 раз больше, чем незаконных постановлений о возбуждении. Похожая статистика и в других российских регионах. В целом по России количество ежегодно выявляемых прокурорами нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях

⁹ Результаты деятельности органов прокуратуры РФ. Статистические данные об основных показателях деятельности прокуратуры Республика Татарстан за январь–декабрь 2024 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/proc_16/activity/statistics/office/result/e5628438/ (дата обращения: 16.02.2026).

исчисляется миллионами: 3,42 млн. в 2022 г., 3,46 млн. в 2021 г.; отменено постановлений об отказе в возбуждении дела соответственно 1,42 млн. и 1,57 млн.¹⁰

Незаконные отказы в возбуждении дела создают у лиц, склонных к преступлениям, впечатление безнаказанности, увеличивают риск повторных преступных деяний, в том числе и более опасных. Такое положение препятствует потерпевшим в доступе к правосудию¹¹. Это не соответствует назначению уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) [4].

В доследственном производстве собирают проверочные материалы (сведения), преимущественно непроцессуальную информацию, причем путями, не регламентированными УПК РФ. Например, собирают не показания (допросы не разрешены), а объяснения. Такая информация ненадежна, не имеет гарантий правдивости (повторное объяснение нередко противоречит первоначальному [5, с. 15-16], нет ответственности за заведомо ложные объяснения и отказ от дачи объяснений [6, с. 120]), не соответствует требованию допустимости (статья 75 УПК РФ), но она кладется в основу процессуальных решений, принимаемых по результатам доследственной проверки. Это не соответствует процессуальному принципу законности (статья 7 УПК РФ). Нельзя исключить и коррупционные риски.

В последние десятилетия предусмотренный статьей 144 УПК РФ порядок существенно усложнился за счет расширения круга разрешенных познавательных действий, увеличился предельный срок проверки сообщения о преступлении, легализованы дополнительные проверки¹². Предельных

¹⁰ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/result/e80148/> (дата обращения: 19.02.2026).

¹¹ Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва, 2020. С. 20-21, 33-34. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/tematicheskie_specialnye_doklady/docs/doc4.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

¹² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

количества и сроков дополнительных проверок не установлено¹³, то есть доследственная проверка по длительности сопоставима с предварительным расследованием и может превосходить его. Однако закон обязывает возместить потерпевшему расходы, связанные с его участием в предварительном расследовании и в суде (часть 3 статьи 42 УПК РФ), но не в доследственной проверке.

В криминалистической литературе решающим условием быстрого и полного раскрытия преступления справедливо называют активность расследования – интенсивный и непрерывный поиск следов и получения доказательств с момента получения информации о преступлении¹⁴. Излишние же усложнение начального этапа досудебного производства и затягивание с началом полноценного расследования отрицательно влияют на его эффективность, не способствуют раскрываемости преступлений; это осложняют борьбу с преступностью и привлечение к ответственности, провоцирует граждан на использование неправовых механизмов реагирования на преступления (самосуд). В науке уголовного процесса такое усложнение рас-

считывают и как форму освобождения от уголовной ответственности [7].

Наиболее распространены преступления небольшой тяжести, для них срок давности всего 2 года для взрослых и 1 год для несовершеннолетних лиц (часть 1 статьи 78, статья 94 УК РФ). После его истечения возбудить дело и привлечь лицо к уголовной ответственности невозможно. Причем уклонение проверяемого лица от доследственных проверок не влечет приостановления течения срока давности, а противодействие (угрозы очевидцам, уничтожение следов и т. д.) не влечет применения в отношении него мер пресечения [8].

Если после длительных проверки и дополнительных проверок уголовное дело все-таки возбуждается, то, *во-первых*, сотрудникам правоохранительных органов в условиях даже острой нехватки кадров приходится выполнять двойную работу – повторно собирать криминалистически значимую информацию. Например, лиц, от которых ранее получены объяснения (это ведь не доказательства), приходится повторно вызывать (теперь уже для получения не объяснений, а показаний на допросе), повторно задавать им вопросы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, получать примерно те же ответы (но, возможно, уже с искажениями из-за того, что прошли дни или месяцы, а память человека не идеальна), записывать показания в протоколах допросов. *Во-вторых*, расследование и раскрытие преступления осложняется, так как время упущено, материальные и идеальные следы преступления искажены или утрачены, похищенное перепрятано или реализовано, заподозренные лица скрылись. Поэтому защитить права и законные интересы потерпевших сложнее.

Положительные примеры дает СК России. Глава ведомства А.И. Бастрыкин ориентирует при наличии оснований «на немедленное возбуждение уголовного дела для объективной и всесторонней проверки всех обстоятельств произошедшего следственным путем»¹⁵. На практике следователи так

Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 49. Ст. 5724; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 11. Ст. 1168; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (статья 20) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 16; О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (статья 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

¹⁴ Третьякова Е.И., Шаевич А.А., Родивилина В.А. Раскрытие и расследование преступлений по горячим следам: учеб. пособие. Иркутск, 2022. С. 10.

¹⁵ Следственный комитет РФ. В Следственном комитете Российской Федерации состоялось оперативное совещание по вопросам принятия процессуальных решений о прекращении уголовных дел. 24

и поступают. Например, 26 марта 2026 г. в Челябинске двое подростков получили травмы¹⁶. В тот же день «возбуждены три уголовных дела по признакам преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30, п. «а» части 2 статьи 105 УК РФ (покушение на убийство двух или более лиц), части 1 статьи 293 УК РФ (халатность), части 1 статьи 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья граждан). По версии следствия, 26 марта в утреннее время 15-летний ученик одной из школ ...города Челябинска произвел выстрел из предмета, схожего с ракетницей, в область лица сверстницы. После этого при попытке скрыться подросток получил телесные повреждения. В настоящее время нападавший и девочка находятся в медицинском учреждении. Жизни и здоровью пострадавшей ничего не угрожает. Следователями и следователями-криминалистами регионального СК России проводится осмотр места происшествия, организован комплекс следственных действий, направленных на установление всех обстоятельств, причин и условий произошедшего»¹⁷.

марта 2026. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/2072455/> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁶ Нападение ученика на одноклассницу в Челябинской области. Главное // ТАСС. 2026. 26 марта. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/26892581> (дата обращения: 26.03.2026).

¹⁷ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области. Возбуждены уголовные дела по факту инцидента в одном из образовательных учреждений города Челябинска. 26 марта 2026. URL: <https://chel.sledcom.ru/news/item/2072994/> (дата обращения: 26.03.2026).

Заключение

В современных условиях дефицита кадров можно предложить изменения процессуального закона и дополнение его примерно следующими предписаниями органу дознания, дознавателю, следователю:

— в доследственном производстве любое сообщение проверять не путем собирания материалов (сведений), а путем анализа самого сообщения и приложенных к нему материалов; в досудебном производстве производство следственных и иных познавательных действий ограничить рамками предварительного расследования;

— оформлять результаты рассмотрения любого сообщения постановлением о признании его сообщением или о преступлении, или об административном правонарушении, или о происшествии (как правило, в течение дежурных суток);

— незамедлительно принимать любое сообщение о преступлении, а если его ложность неочевидна, то незамедлительно начинать предварительное расследование (чтобы исключить двойную работу, не утратить следы).

Это позволит не только более экономно расходовать ресурсы правоохранительных органов, существенно ограничить общий объем нагрузки на сотрудников, но и обеспечить большее соответствие уголовного судопроизводства его назначению и принципам, укрепить законность в досудебном производстве, уменьшить его трудоемкость и повысить эффективность.

Список источников

1. Волков В.В., Дмитриева А.В., Титаев К., Ходжаева Е., Четверикова И., Шкляр М. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. Санкт-Петербург: ИПП ЕУСПб, 2015. 144 с. <https://elibrary.ru/locjdd>
2. Баишинская И.Г. Проблемы правовой интерпретации деятельности полиции в части рассмотрения заявлений и сообщений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3 (45). С. 33-37. <https://elibrary.ru/fjolvd>
3. Горбатов И.М. Необходимость совершенствования порядка разрешения сообщений о преступлениях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 2 (60). С. 48-53. <https://elibrary.ru/cafgqi>
4. Овсянников И.В. Стадия возбуждения уголовного дела в свете назначения и принципов уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3 (107). С. 57-63. <https://elibrary.ru/hwzwwk1>

5. Галяутдинов Р.Р. Проблемные вопросы тактики проведения доследственной проверки при расследовании должностных насильственных преступлений // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 5. С. 14-18. <https://elibrary.ru/kqzwwku>
6. Финк Д.А. Доступ к уголовно-процессуальным средствам восстановления прав потерпевшего в начале досудебного расследования // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4 (71). С. 117-123. https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_71_4_117, <https://elibrary.ru/qjolph>
7. Козловский П.В. Усложнение процессуальной деятельности как форма освобождения от уголовной ответственности // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 300-летию г. Омска. Омск, 2016. С. 107-110. <https://elibrary.ru/xvwlrp>
8. Овсянников И.В. Доследственные проверки и срок давности привлечения к уголовной ответственности // Законность. 2019. № 12 (1022). С. 56-59. <https://elibrary.ru/fuudro>

References

1. Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Titaev K., Khodzhaeva E., Chetverikova I., Shklyaruk M. (2015). *Diagnostics of the Work of Law Enforcement Agencies to Protect Public Order and Prospects for the Creation of a Municipal Militia in Russia*. St. Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems, European University in St. Petersburg Publ., 144 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/locjdd>
2. Bashinskaya I.G. (2019). Problems of legal interpretation activities of the police in terms of consideration of statements and messages. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of The Ministry Of Internal Affairs of Russia*, no. 3 (45), pp. 33-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fjolvld>
3. Gorbatykh I.M. (2025). The need to improve the procedure for resolving crime reports. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Law Enforcement Issues*, no. 2 (60), pp. 48-53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cafgqi>
4. Ovsyannikov I.V. (2025). Stage of initiation of a criminal case in the light of purpose and principles of criminal proceedings. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, no. 3 (107), pp. 57-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hwzwwkl>
5. Galyautdinov R.R. (2022). Problematic issues of tactics of conducting pre-investigation checks in the investigation of official violent crimes. *International Law Journal*, vol. 5, no. 5, pp. 14-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kqzwwku>
6. Fink D.A. (2022). Access to the criminal procedure means of restoring the rights of the victim at the beginning of the pre-trial investigation. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, no. 4 (71), pp. 117-123. (In Russ.) https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_71_4_117, <https://elibrary.ru/qjolph>
7. Kozlovskii P.V. (2016). Complication of procedure as a form of exemption from criminal responsibility. *Materialy 2 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 300-letiyu g. Omska «Aktivnost' i otvetstvennost' lichnosti v kontekste zhiznedeyatel'nosti» = Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation dedicated to the 300th Anniversary of Omsk "Personal Activity and Responsibility in the Context of Life"*. Omsk, pp. 107-110. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvwlrp>
8. Ovsyannikov I.V. (2019). Preliminary investigation check-ups and period of limitation for laying criminal charges. *Zakonnost' = Legality*, no. 12 (1022), pp. 56-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fuudro>

Информация об авторе

Овсянников Игорь Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, Российская Федерация, SPIN-код: 5451-0248, РИНЦ AuthorID: 152689, <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Information about the author

Igor V. Ovsyannikov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Researcher of the Scientific Research Department of the Scientific Center, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, SPIN-code: [5451-0248](#), RSCI AuthorID: [152689](#), <https://orcid.org/0000-0003-4226-5958>, ivover@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-479-492>

EDN WTCROW

Шифр научной специальности 5.1.4

Соотношение оперативно-розыскной и следственной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве

Сергей Александрович Потапов

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, Интернациональная, 33

 potapov.1995@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена важностью использования оперативно-розыскной и следственной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве. Цель – рассмотреть особенности соотношений оперативно-розыскной и следственной деятельности, складывающихся в досудебном уголовном судопроизводстве за рубежом и в нашей стране. Реализация поставленных задач достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. Сделан вывод, что особенностью зарубежных моделей досудебного производства является то, что расследование на этом этапе ведется силами полиции под контролем суда либо прокуратуры. Это обусловлено тем, что она, в отличие от других правоохранительных органов, обладает необходимыми ресурсами, полномочиями и специализированными методами. В большинстве стран мира оперативно-розыскные и следственные мероприятия представляют собой единое целое, формирующее основу профессиональной деятельности полиции по обеспечению правопорядка. В настоящее время отмечается тенденция перехода на эти модели досудебного расследования стран бывших республик СССР, в частности Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины, Эстонии. Исследование исторического процесса возникновения и развития ОРД и предварительного следствия в России показывает, что они существуют раздельно. Однако в исторически сложные времена происходило их сближение. На сегодняшний день наблюдается тенденция сближения ОРД с предварительным следствием, когда некоторые оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) приобретают статус следственных действий. В настоящее время по вопросу соотношения ОРД и предварительного следствия имеются две противоположные позиции: существующую модель не менять и обновлять ее эволюционно, по мере появления проблем, либо поменять революционно – полностью. Делается вывод о необходимости изменения модели досудебного уголовного судопроизводства, но с учетом положительного и отрицательного опыта реформ, проводимых в этом направлении странами СНГ.

Ключевые слова

досудебное уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие, соотношение оперативно-розыскной и следственной деятельности

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

С.А. Потапов – формулирование идеи и концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Потапов С.А. Соотношение оперативно-розыскной и следственной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2026. Т. 10. № 3. С. 479-492. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-479-492>, <https://elibrary.ru/wtcrow>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-479-492>

EDN WTCROW

OECD 5.05; ASJC 3308

The ratio of operational investigative and investigative activities in pre-trial criminal proceedings

Sergey A. Potapov

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 potapov.1995@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the importance of using operational and investigative activities in pre-trial criminal proceedings. The aim is to examine the specific features of the relationship between operational and investigative activities as they develop in pre-trial criminal proceedings abroad and in our country. The set tasks are achieved through the use of the laws of dialectics and formal logic, as well as the application of general scientific and specific scientific research methods. It is concluded that a distinctive feature of foreign models of pre-trial proceedings is that the investigation at this stage is carried out by the police under the supervision of the court or the prosecutor's office. This is due to the fact that, unlike other law enforcement agencies, it possesses the necessary resources, powers, and specialized methods. In most countries around the world, operational investigative and investigative activities form a single whole, forming the basis of the police's professional work in maintaining law and order. Currently, there is a trend towards adopting these models of pre-trial investigation in the countries of the former USSR republics, in particular Armenia, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Ukraine, and Estonia. A study of the historical process of the emergence and development of operational investigative activities and preliminary investigation in Russia shows that they exist separately. However, in historically difficult times, their rapprochement took place. Today, there is a tendency for the operational investigative activities to converge with the preliminary investigation, when some operational-investigative means acquire the status of investigative actions. Currently, there are two opposing positions on the issue of the relationship between the hordes and the preliminary investigation: do not change the existing model and update it evolutionarily, as problems arise, or completely change it revolutionarily. It is concluded that it is necessary to change the model of pre-trial criminal proceedings, but taking into account the positive and negative experience of the reforms carried out in this direction by the CIS countries.

Keywords

pre-trial criminal proceedings, operational investigative activities, preliminary investigation, ratio of operational investigative activities and investigative activities

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

S.A. Potapov – research concept and idea, scientific literature collection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

For citation

Potapov, S.A. (2026). The ratio of operational investigative and investigative activities in pre-trial criminal proceedings. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 10, no. 3, pp. 479-492. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2026-10-3-479-492>, <https://elibrary.ru/wtcrow>

Введение

Статистические данные о работе следственных органов показывают, что они функционируют с чрезмерной нагрузкой: ежегодно удается раскрыть менее половины зарегистрированных правонарушений. Так, согласно официальной статистике МВД России за 2024 год, около 929,7 тыс. преступлений не раскрыты, из них 902,3 тыс. ввиду отсутствия установленных подозреваемых. За указанный период было раскрыто всего 899,6 тыс. преступлений¹.

Министр внутренних дел В.А. Колокольцев подчеркнул проблему устаревших норм закона, указав: «Правоохранительные органы работают в тесной взаимосвязи с действующими правовыми актами, многие из которых устарели и требуют немедленного обновления. Мы живем в эпоху высоких технологий, однако бюрократия остается архаичной: на одно дело приходится собирать десятки документов, что лишает сотрудников физической возможности эффективно исполнять свои обязанности»².

Цифровая трансформация досудебного процесса путем внедрения электронного формата уголовных дел способна существенно повысить эффективность работы правоохранительных органов, хотя и не устранил существующие трудности полностью. Парадоксально, но именно цифровизация открывает новые перспективы для анализа существующих проблем в сфере выявления преступлений. Замена существующих ныне источников доказательств в виде протоколов, иных письменных документов на электронные носители информации может иначе организовать процесс раскрытия преступле-

ния. В этом отношении мы полностью солидарны с мнением А.Б. Смушкина, что «цифровая трансформация процесса расследования на настоящий момент – реальный тренд реформирования подходов к выявлению и расследованию преступлений» [1, с. 102].

Имеющаяся практика раскрытия и расследования преступлений показывает, что она во многом проигрывает от недостаточного использования потенциала полицейских структур, особенно оперативно-розыскных подразделений в этой деятельности.

Предварительное следствие, занимающееся расследованием наиболее сложных и неочевидных преступлений, осуществляется следователями совместно с оперативными службами. Здесь ключевая роль принадлежит следователям. Оперативники помогают им, применяя имеющиеся в их распоряжении силы, специфичные инструменты и методики. Они собирают необходимую оперативную информацию и передают ее следователю, который впоследствии преобразует полученные сведения в доказательную базу посредством следственных процессуальных действий и формирует уголовное дело.

При этом некоторые виды оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), применяемые в ОРД, аналогичны по методу применения следственным действиям. Вот конкретные сопоставления:

- результаты опроса граждан в рамках оперативной деятельности соответствуют процессуальному действию, известному как допрос свидетелей или потерпевших;
- исследование предметов и документов становится основой для назначения судебных экспертиз следователем;
- процедура отождествления личности, проводимая оперативниками, сходна с действиями по опознанию подозреваемого, обвиняемого либо предмета в ходе следствия.

Кроме того, имеются схожие процедуры сбора доказательств:

¹ Министерство внутренних дел. URL: <https://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 26.12.2025)

² Эксклюзивное интервью с главой МВД России Владимиром Колокольцевым от 26 ноября 2015 года. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1577741> (дата обращения: 26.12.2025).

- оперативный осмотр методологически аналогичен следственному осмотру, проводимому следователем;
- прослушивание телефонных разговоров является оперативным мероприятием, тогда как фиксация переговоров регламентирована законом и относится к компетенции следователей;
- изучение информации, полученной с использованием технических каналов связи, имеет параллель в действиях следователя по получению сведений о связях между абонентами и техническими средствами;
- проведение оперативного эксперимента воспроизводится в рамках судебного следствия как следственный эксперимент.

Также отметим полное совпадение целей и методов проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как сбор образцов для сравнительных исследований, которое практически дублирует процессуальное действие следователя по изъятию образцов для сравнения. Таким образом, в совместной работе следователей и оперативных работников в раскрытии и расследовании преступлений происходит дублирование их деятельности.

Основную часть рабочего времени сотрудники, ведущие расследование, тратят на юридическое оформление документации по установленному шаблону. Практический опыт расследования уголовных дел в России наглядно демонстрирует, что низкая эффективность данной деятельности обусловлена излишней формализацией и сильной бюрократизацией современного уголовного судопроизводства.

Кроме этого, исследования показывают, что по численности и объемам финансирования оперативные подразделения полиции уже давно значительно превышают следственные подразделения, и не замечать этот факт, по крайней мере, не разумно. В связи с чем возникает необходимость оптимизировать рассматриваемые отношения оперативно-розыскной и следственной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве, исследуя организации досудебного производства за рубежом и в нашей стране.

Обсуждение. Результаты исследования

1. Организация досудебного производства в зарубежных странах

Исследование действующих зарубежных моделей досудебного производства показывает, что исследуемый процесс ведется силами полиции и контролируется либо следствием суда, либо прокуратурой. Сербский специалист по уголовному процессу С. Беятович выделил два основных типа организации предварительного расследования в европейских странах: прокурорская и судебная модели [2].

При прокурорской модели руководство предварительным расследованием возлагается непосредственно на прокурора. Он контролирует работу полиции, проводит предварительное следствие самостоятельно, подписывает обвинительный акт и передает дело в судебные инстанции.

Помимо этого существуют гибридные схемы, в которых баланс полномочий контроля над деятельностью полиции распределен между судебными инстанциями и прокуратурой, обеспечивая систему взаимных ограничений и согласований.

Во второй судебной модели полиция действует как помощник следственного судьи, выполняя предварительное расследование под его непосредственным контролем. Все полицейские действия осуществляются в строгом соответствии с рекомендациями судьи и от его имени. Участие прокурора в данном варианте начинается ближе к финальной стадии расследования, когда решается вопрос о поддержке обвинения или прекращении уголовного дела.

Примером служит ситуация в Германии, где основную работу по проведению предварительного расследования выполняют полицейские структуры, вместе с тем Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ устанавливает ведущую роль прокуратуры, которой, в частности, отводится задача оформления итоговых материалов, полученных в результате полицейской деятельности.

В Соединенных Штатах Америки и Великобритании также используется схема,

при которой основное расследование ведут представители полиции, действующие под юрисдикционным контролем судов. Исследователи Р.С. Фрейс и Т. Вейгенд, изучив особенности правовых процедур в обеих системах, приходят к выводу: несмотря на существенные различия, уголовно-процессуальные механизмы двух стран (США и Германии) имеют тенденцию к формированию общей универсальной модели.

Научные изыскания подтверждают, что в указанных государствах функцию осуществления предварительного следствия исполняют одновременно полицейские службы и уполномоченные органы, представляющие сторону обвинения. К примеру, в Федеративной Республике Германия структура полиции включает специализированные подразделения федеральной уголовной полиции, которые осуществляют самостоятельное или порученное прокуратурой расследование преступлений под постоянным надзорным контролем последней. Итоги проведенной работы немедленно передаются в прокуратуру, ответственную за проведение полного объема предварительной проверки обстоятельств преступления. Согласно законодательству, прокуратура вправе вмешиваться в любые следственные мероприятия, осуществляемые полицией, независимо от этапа расследования конкретного уголовного дела. Полиция проводит отдельные процессуальные действия исключительно по распоряжению прокурора, в то время как ряд мер, предусмотренных статьей 163b Уголовного процессуального кодекса ФРГ, реализуется ею самостоятельно, но с обязательным информированием ведомства прокуратуры. Законодательством закреплена обязанность прокуратуры контролировать законность и обоснованность действий полиции в ходе предварительного расследования. Обзор практики показывает, что большая часть следственных мероприятий выполняется именно полицейскими структурами, поскольку они обладают необходимыми ресурсами, полномочиями и специализированными методами. В частности, в ФРГ порядка 80 % расследований приходится на долю органов полиции, остальные 20 % – на органы прокуратуры, таможенные и иные правоохранительные органы [3, с. 14].

Рассматриваемое расследование представляет собой комплекс секретных операций, направленных как на выявление виновника правонарушения, так и на предупреждение совершения самого преступления. Эти мероприятия характеризуются скрытостью исполнения, поскольку реализуются без уведомления лица, в отношении которого они производятся.

Превентивные меры полиции регулируются нормами полицейского права (например, законами о полиции отдельных федеральных земель), и направлены на недопущение и профилактику противоправных поступков. Репрессивные действия подчиняются уголовно-процессуальному закону и нацелены на осуществление уголовного преследования нарушителей. В законодательных актах о полиции подобные операции обозначают такими терминами, как «специальные способы получения информации» или «тайный сбор данных». В уголовно-процессуальном праве они называются «негласными следственными действиями».

Примерный список возможных мер, используемых в ходе негласного расследования, зафиксирован в нормативных положениях немецкого уголовно-процессуального законодательства и законов о полиции, и включает следующие пункты:

- дистанционный обыск компьютеров и электронных устройств («онлайн-обыск»);
- изъятие почтовых и телеграфных сообщений;
- мониторинг коммуникаций;
- сбор информации о телекоммуникациях;
- использование специально подготовленных агентов;
- сканирование баз данных («растрный поиск»);
- аудионаблюдение помещений;
- наружное слежение;
- применение специализированных приборов для отслеживания местонахождения мобильных телефонов;
- привлечение доверенных лиц и осведомителей;
- организация контролируемой поставки запрещенных веществ;

- компьютерный поиск в сети Интернет («сетевой розыск»);
- проверка закупки товаров и услуг с целью обнаружения нарушений;
- скрытое наблюдение представителями полиции и др. [4].

Институт негласных следственных действий закреплен также в уголовно-процессуальных законах Франции [5], Швейцарии [6], Австрии [7], США [8].

В частности, суды США оценивают допустимость доказательств, полученных указанными методами, исходя из следующего критерия: соразмерности тяжести совершенного преступления и примененного негласного действия получения доказательства, необходимого для его раскрытия [9, с. 36].

Негласное расследование имеет свои особенности по отношению к классическому, в частности: свободную процессуальную форму и свободную форму доказывания, различия по кругу участвующих в нем лиц.

Анализ зарубежного опыта подтверждает, что в большинстве стран мира оперативно-розыскные и следственные мероприятия представляют собой единое целое, формирующее основу профессиональной деятельности полиции по обеспечению правопорядка.

В настоящее время отмечается тенденция перехода на эти модели досудебного расследования стран бывших республик СССР, в частности Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдовы, Украины, Эстонии.

2. Организация досудебного производства в России

История развития данных процессов в дореволюционной России свидетельствует, что досудебное производство по всем уголовным делам, начиная с 1497 г. и весь период до 1860 г., осуществлялось органами полиции. Кроме этого, полиция по делам о малозначительных преступлениях также осуществляла функцию судебного органа. Данное положение дел противоречило основным принципам, заложенным в основу проводимой в это время правовой реформы. Указом от 8 июня 1860 г. следствие было выведено из полиции и отнесено к ведению судов. В результате чего был образован институт судебных следователей.

На полицию, в то же время, возлагалось производство дознания, заключающегося в установлении основных обстоятельств совершения преступления и причастных к нему лиц, посредством проведения негласного уголовного сыска. Исследования показывают, что уже тогда розыскная работа указанных органов включала в себя следующие методы: «...личный сыск, опрос на основе разрабатываемых легенд, скрытое наблюдение, оперативное внедрение, привлечение к конфиденциальному сотрудничеству лиц из уголовно-преступной среды [10, с. 36].

В частности, многие ученые, исследовавшие историю становления и развития оперативно-розыскной деятельности, связывали ее с процессом возникновения и развития именно этой непроцессуальной деятельности органов полиции. Данный вид негласной полицейской деятельности получил свое профессиональное развитие в 1881 г. с созданием сыскных отделений, организующих свою работу по специализированному принципу. В них появляются самостоятельные службы, осуществляющие как внутреннее, так и наружное наблюдение. Их деятельность регламентировалась следующими, закрытыми в то время, нормативными актами: «Инструкцией по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» (1907 г.), «Инструкцией по организации наружного (филерного) наблюдения, Инструкция чинам сыскных отделений» (1910 г.)³.

В советский период УПК РСФСР 1923 г. в статье 97 отнес к органам дознания, в частности, органы милиции и уголовного розыска. Данный правовой акт придал дознанию процессуальный характер. В нем было выделено две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. При этом органы уголовного розыска могли действовать негласно с использованием доработанных существующей политической системой правил работы сыскной полиции России. В действующих на тот период закрытых нормативно-правовых документах отмечалось, что эта негласная деятельность должна осуществляться под стро-

³ Инструкция чинам сыскных отделений. Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1910. С. 11.

гим руководством партийных и чекистских органов.

Впервые данная деятельность была легально обозначена в статье 29 «Основ уголовного судопроизводства СССР и Союзных Республик» Верховным Советом 25 декабря 1958 г. В ней было отмечено об обязанностях органов дознания осуществлять в своей деятельности оперативно-розыскные меры. Эта новелла в дальнейшем была воспроизведена и развита в статье 118 «Обязанности органов дознания» УПК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.). Она легально возложила на органы дознания обязанность осуществлять оперативно-розыскные и иные предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры в целях обнаружения преступлений и причастных к ним лиц⁴.

Только в 1992 г. в процессе построения правового государства, следуя его основным принципам верховенства закона и приоритетом интересов личности над интересами государства, законодатель смог преодолеть устаревший стереотип секретности правового регулирования ОРД и показать обществу наличие существования данной деятельности.

Первым комплексным нормативно-правовым актом высшей юридической силы, регулирующим общественные отношения в области ОРД, стал Закон об ОРД от 13 марта 1992 г., позволивший официально ее легализовать.

Весь исторический отрезок времени становления и развития оперативно-розыскной деятельности наглядно указывает на тот факт, что она являлась не самостоятельным направлением работы правоохранительных органов, ввиду отсутствия ее открытого законодательного закрепления, а выступала как мера обеспечения уголовно-процессуального направления их функционирования [11, с. 93].

При этом сами оперативные подразделения, осуществляющие ОРД, законодательно имели право проводить дознание и легально существовали как орган дознания. Для того чтобы разгрузить оперативные подразделения от ведения дознания с целью

усиления ими оперативно-розыскной деятельности, приказом МВД СССР от 5 августа 1982 г. № 254 в системе ОВД были созданы специализированные подразделения дознания. Для них дознание, как процессуальная форма предварительного расследования, стала основным видом деятельности. С этого времени оперативные подразделения законодательно числились как орган дознания и потенциально по УПК могли проводить само дознание, но практически осуществляли только ОРД. Необходимо также отметить, что ОРД по делам дознания не проводилась, а осуществлялась только по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

Исследования показывают, что начиная с 1917 и по 1992 г. оперативно-розыскная деятельность относилась к нормам специального административного права и регламентировалась секретными нормативными актами соответствующих ведомств. Только с принятием Закона об ОРД многие теоретические ее вопросы стали гласно исследоваться учеными других, в первую очередь, уголовно-правовых наук. Однако история развития криминалистики показывает, что в ней, как науки о следственном искусстве, уже в 60-х гг. прошлого века сформировалась теория ОРД. Например, еще в 1958 г. на этот факт указывал А.И. Винберг [12, с. 13-14].

Р.С. Белкин в 1977 г. отмечает следующее: «...интенсивная разработка учеными криминалистами всех разделов теории оперативно-розыскной деятельности не только послужила фундаментом данной теории, но и явилась обоснованием необходимости формулирования самостоятельного предмета этой науки, отличного от предмета криминалистики, хотя и тесно связанного с последним» [13, с. 96].

Исследование показывает, что процесс формирования теории и практики оперативно-розыскной деятельности на теоретической и практической основе отечественной криминалистики начался в советский период 20-х гг. прошлого века. Первыми российскими криминалистами, внесшими вклад в формирование теории ОРД, заслуженно считаются П.С. Семеновский, С.М. Потапов, И.Н. Якимов, В.И. Громов. В частности, И.Н. Якимов в своих трудах отмечал, что

⁴Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://goo.su/H39pis> (дата обращения: 12.01.2026).

негласная сыскная деятельность является неотъемлемой частью деятельности выявления, раскрытия и расследования преступлений. Ученый рассмотрел отдельный вопрос, посвященный тактике следственно-розыскных действий [14, с. 75].

В последующие годы, до 70-х гг. прошлого столетия, активная разработка отдельных направлений теории оперативно-розыскной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений путем проведения негласного расследования продолжалась в рамках предмета криминалистики. Под негласным расследованием понималось ОРД, засекреченная на тот период времени.

Первыми учеными, являющимися представителями теории оперативно-розыскной деятельности и обосновавшими признание ее самостоятельной наукой, считаются Д.В. Гребельский, А.И. Алексеев, Г.К. Синилов. Например, А.И. Алексеев и Г.К. Синилов в 1973 г. первыми из ученых обозначили предмет теории ОРД, что, несомненно, способствовало ее признанию как самостоятельной научной дисциплины.

Однако многие современные ученые, в частности О.С. Кучин, считают, что во многом это было сделано искусственно. Так, анализируя вышеуказанные исторические аспекты, касающиеся взаимоотношений теории ОРД и криминалистики, он отмечает следующее: «...исследуя историю возникновения криминалистики и ОРД, мы пришли к обоснованному выводу о том, что обе науки долгое время составляли единое целое, а затем существовали, пересекаясь или отдаляясь друг от друга в своем генезисе. Полагаем, что их разделение в настоящее время на две науки криминального блока является искусственным и, видимо, не совсем верным» [15, с. 128].

История становления и развития взаимоотношений органов, осуществляющих ОРД и предварительное следствие в советский период, показывает, что в наиболее трудное для страны время происходило их организационное сближение. Например, в 1918 г. следствие было введено в структуру уголовного розыска. В 1933 г. следствие создается в прокуратуре СССР, но большую часть преступлений продолжала рас-

следовать милиция. При этом прокурор мог поручить органам милиции расследовать в полном объеме уголовное дело любой сложности.

Следствие в очередной раз вводится в уголовный розыск и ОБХСС, созданный в милиции в 1937 г., перед Великой Отечественной войной. С принятием УПК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) следственные органы в ОВД были расформированы. Обязанность проводить предварительное следствие возлагалась на прокуратуру и госбезопасность. Однако в силу объективных причин большинство уголовных дел продолжалось расследоваться органами милиции. В частности, если у следователей госбезопасности оперативное сопровождение расследуемых дел осуществляли их оперативные подразделения, то у следователей прокуратуры это взаимодействие еще необходимо было наладить с органами дознания ОВД. Поэтому данная ситуация продолжалась до 1963 года, пока в ОВД Указом Президиума Верховного Совета СССР не были организованы свои органы предварительного следствия.

Проблему разделения ОРД и следствия всегда традиционно решалась совершенствованием процесса их правового и организационного взаимодействия. При этом роль ОРД особенно возрастала при раскрытии и расследовании латентных преступлений, когда у следствия отсутствовал повод – заявление, необходимое для возбуждения уголовного дела. Поэтому инициатива в раскрытии данных преступлений, в большинстве случаев, принадлежала оперативному сотруднику органа дознания, который в рамках дела оперативного учета проводил оперативно-розыскные мероприятия, направленные на поиск признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также выявление лиц, участвующих в этих процессах [16, с. 91].

В прежние времена, когда инерционность этих процессов была большая, данное положение дела было приемлемым. Современное состояние расследования определенных видов преступлений показывает, что данное организационное состояние ведет к потерям доказательств и, как результат, к их не раскрытию. Например, одной из особен-

ностей киберпреступлений является высокая динамичность их осуществления, обстановка совершения которых может быстро изменяться на разных этапах: до осуществления деяния, в момент его реализации и после. Поэтому оперативное проведение следственных действий в данной ситуации имеет критическое значение. Промедление в работе следователя по собиранию цифровых следов ведет к потере доказательств, а в итоге невозможности восстановления механизма совершения преступления.

Для разрешения данной проблемы П.С. Пастухов в своем исследовании делает следующее предложение: «...создание теоретической модели уголовно-процессуального доказывания для нового УПК РФ, отвечающего потребностям информационного общества в эффективном противодействии преступности, включая преступность в сфере высоких технологий»⁵.

Ученый предлагает обратиться к западной модели организации расследования, и в частности: «...устранить во многом искусственные барьеры между следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью для повышения эффективности уголовного преследования и достижения максимально высокой степени достоверности по делу. Собирать доказательства органы публичного уголовного преследования должны быть уполномочены посредством производства как гласных, так и негласных следственных действий с момента получения сообщения о преступлении в виде фактических материалов уголовного дела обвинения»⁶.

Полагаем, что, конечно, реформа нужна, организация уголовного судопроизводства, да и самих правоохранительных органов формировались еще в условиях советского периода развития нашей страны [17]. Но и в этот исторический период находятся факты принятия законодателем поистине революционных решений, направленных на борьбу с преступностью. Так, в 1990-х гг., когда преступность, по сравнению с 1980-ми гг., выросла в 3 раза и превысила уровень более

3 млн преступлений в год, был принят Закон СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Данный закон ввел в уголовный процесс такое следственное действие, как «Прослушивание телефонных и иных переговоров», которое впоследствии было воспринято статьей 186 УПК РФ как «Контроль и запись телефонных и иных переговоров».

Данный правовой акт регламентировал его применение в случаях угрозы вымогательства или других насильственных действий в отношении потерпевших с их письменного согласия и при наличии санкции прокурора или определения суда. Проведение этого следственного действия осуществлялось с участием специалиста – сотрудника оперативно-технического подразделения в порядке, установленном УПК РСФСР. Полученные в ходе его проведения результаты оформлялись протоколом.

Данное следственное действие по существу является подобием современного оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров» и предусматривает осуществление операторами связи получение заданной информации согласно постановлению субъекта расследования.

Поэтому многие ученые-процессуалисты, в частности И.Л. Петрухин, О.Я. Баев, Б.Т. Безлепкин, А.В. Победкин, Е.А. Доля, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский и др., считают, что такое следственное действие, как «Контроль и запись переговоров...» по своей сути является оперативно-розыскным мероприятием [17, с. 91].

Между тем существуют и другие мнения, в частности В.М. Быкова, который по этому поводу отмечает следующее: «Контроль и запись телефонных и иных переговоров обладает всеми признаками следственного действия: проводится по возбужденному уголовному делу уполномоченным по закону должностным лицом, в данном случае следователем; в уголовно-процессуальном законе определены основания и процессуальный порядок его производства; в результате его проведения следователь получает новые доказательства» [18, с. 13].

⁵ Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 7.

⁶ Там же. С. 12.

Процессуальным аналогом оперативно-розыскного мероприятия «Снятие информации с технических каналов связи» также является следственное действие «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», предусмотренное статьей 186.1 УПК РФ. Данное следственное действие позволяет субъекту расследования получить от оператора связи сведения о времени, длительности соединений между абонентами, их но-

мерах и местах нахождения. Оно осуществляется на основании судебного решения.

О востребованности использования данных следственных действий в расследовании преступлений говорят данные в табл. 1.

Для сравнения обратимся к статистике проведения аналогичных по методу ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» (далее ПТП) и «Снятие информации с технических каналов связи» (далее СИТКС), осуществленных за тот же период (табл. 2).

Таблица 1

Рассмотрение судами ходатайств о проведении следственных действий за 2023–2024 гг.

Table 1

Consideration by the courts of petitions for conducting investigative actions for 2023–2024.

Следственные действия	Год	Количество ходатайств	Удовлетворено	Отклонено	Удовлетворено (%)
Контроль и запись телефонных и иных переговоров	2023	19660	18753	486	95
	2024	17509	16809	331	96
Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами	2023	252020	244801	2544	97
	2024	236974	230786	2077	97

Источник: составлено автором по: Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях (2023–2024 год) // Агентство правовой информации. Данные судебной статистики РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 26.12.2025).

Source: compiled by the author from: Criminal proceedings. Consideration of petitions during investigative actions (2023–2024) // Legal Information Agency. Data from the Judicial Statistics of the Russian Federation. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/15/s/13> (accessed: 26.12.2025).

Таблица 2

Рассмотрение судами ходатайств о проведении оперативно-розыскных мероприятий за 2023–2024 гг.

Table 2

Consideration by the courts of petitions for conducting operational-search activities for the years 2023–2024

Оперативно-розыскные мероприятия	Год	Количество ходатайств	Удовлетворено	Отклонено	Удовлетворено (%)
ПТП и КПО	2023	3353	2382	59	100
	2024	3533	2616	347	74
СИТКС и ПКИ	2023	43898	43833	59	100
	2024	52280	52127	147	99

Источник: составлено автором по: Уголовное судопроизводство. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях (2023–2024 год) // Агентство правовой информации. Данные судебной статистики РФ. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 26.12.2025).

Source: compiled by the author from: Criminal proceedings. Consideration of petitions during investigative actions (2023–2024) // Legal Information Agency. Data from the Judicial Statistics of the Russian Federation. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/15/s/13> (accessed: 26.12.2025).

В статистике, к сожалению, данные проведения ОРМ ПТП объединены с ОРМ «Контроль почтовых переговоров» (далее КПО), а ОРМ СИТКС – с ОРМ «Получение компьютерной информации» (далее ПКИ).

Но они однозначно свидетельствуют о том, что следователи в 2023 г. применяли статью 186 УПК РФ «Контроль и запись телефонных и иных переговоров» по сравнению с ОРМ ПТП и КПО вместе в 8 раз больше, а статью 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами» по сравнению с ОРМ СИТКС и ПКИ вместе в 6 раз больше. В 2024 г. соответственно в 6,4 и 4,4 раза.

Эти данные наглядно демонстрируют тенденции наличия сближения ОРД с предварительным следствием.

Статистика ФКУ «ГИАЦ» МВД РФ показывает, что динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, за последние восемь лет увеличилась в 8,4 раза. Начиная с 2017 г., она с 90,6 тыс. таких преступлений увеличилась до 765,4 тыс. в 2024 г. При этом их раскрываемость за эти восемь лет, в среднем, составила 24,7 % [19, с. 467]. Ущерб от этих преступлений в 2023 г. составил 169 млрд рублей, в 2024 г. увеличился до 200 млрд рублей.

Указанные данные свидетельствуют о том факте, что такое оперативно-техническое мероприятие, как «Получение компьютерной информации» в скором времени, по-видимому, также станет следственным действием, так как оно необходимо в расследовании киберпреступлений.

Заключение

В настоящее время по вопросу соотношения ОРД и предварительного следствия имеются две противоположные позиции: существующую модель не менять и обновлять ее эволюционно, по мере появления

проблем, либо поменять революционно – полностью.

Идея, которую предлагает А.С. Александров [20, с. 12] и П.С. Пастухов и другие ученые, революционна и по своей сути требует кардинального пересмотра всей правовой и организационной модели уголовного судопроизводства. Однако в настоящее время уже имеется определенный опыт данной деятельности. Например, о проблемах перехода некоторых стран СНГ от промежуточной модели к западной, в частности, пишет в своей статье Б.М. Нургалиев с соавт. [21, с. 578]. Авторы, анализируя три года данной реформы, приходят к выводу уйти от промежуточной модели, в которой находится сейчас Казахстан, к западной либо вернуться к прежней, то есть к российской модели. Имеется в виду полностью объединить ОРД со следствием с образованием негласных следственных действий либо ОРД и следствию быть отдельно и взаимодействовать. Данное состояние дела указывает на проблемы, имеющиеся в Казахстане в ходе проведения данной реформы.

Американские ученые в 1980-х гг. выявили закономерности, влияющие на необходимость проведения реформ, это наличие экономической или научно-технической революции. В настоящее время данную техническую революцию инициирует цифровизация.

История учит, что потерянное время для решения важных проблем, в конечном счете, ведет к революционному пути их решения, а значит к потрясениям, поэтому конечно первая позиция, существующую модель не менять, рано или поздно приведет к данной ситуации.

Изменять модель досудебного уголовного судопроизводства, безусловно, необходимо, но с учетом положительного и отрицательного опыта реформ, проводимых в этом направлении странами СНГ.

Список источников

1. Смушкин А.Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 1. С. 90-107. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.106>, <https://elibrary.ru/fvuork>

2. Беятрович С. Новые тенденции в современной науке уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальное законодательство Сербии // *Lex Russica (Русский закон)*. 2009. Т. 68. № 3. С. 699-716. <https://elibrary.ru/knwpln>
3. Шклярчук М. Траектория уголовного дела в Германии: оправдательный уклон? / под ред. Е. Моисеевой, К. Титаева. Санкт-Петербург: ИПП ЕУ СПб, 2017. 45 с.
4. Головиненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий. Москва: МГЮА, 2012. 404 с. <https://doi.org/10.25932/publishup-6039>
5. Головкин Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. Москва: Фирма «СПАРК», 1995. 130 с.
6. Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии. Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. 336 с. <https://elibrary.ru/ugtach>
7. Бутов В.Н. Уголовное судопроизводство Австрийской Республики: опыт и проблемы организации и деятельности. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 1999. 276 с.
8. Пешиков М. Аттorneyская служба и расследование преступлений в США // *Законность*. 2004. № 5. С. 52-56.
9. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // *Российский следователь*. 2012. № 6. С. 35-40. <https://elibrary.ru/pezpel>
10. Елинский В.И., Исаков В.М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX в.). Москва: МЮИ МВД России, 1998. 80 с. <https://elibrary.ru/uiixjv>
11. Потапов С.А. Проблемы выявления и раскрытия экономических и налоговых преступлений // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 4 (144). С. 92-99. <https://elibrary.ru/trjxjrj>
12. Винберг А.И. Криминалистика. Москва: Госюриздат, 1959. 511 с.
13. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Москва: Акад. МВД СССР, 1977. Т. 1. 340 с.
14. Якимов И.Н. Криминалистика: Уголовная тактика. Москва: Изд-во Нар. ком. внутр. дел РСФСР, 1929. 312 с.
15. Кучин О.С. Теоретические и практические аспекты соотношения оперативно-розыскной деятельности и криминалистики (на примере проверочной закупки) // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 2 (12). С. 127-132. <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-2-127-132>, <https://elibrary.ru/rbvcxb>
16. Потапов С.А. Основные аспекты, характеризующие понятие раскрытия преступления // *Актуальные проблемы государства и права*. 2022. Т. 6. № 1. С. 86-92. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-86-92>, <https://elibrary.ru/rmipia>
17. Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // *Уголовное право*. 2002. № 3. С. 90-92. <https://elibrary.ru/kjncbx>
18. Быков В.М. Контроль и запись телефонных и иных переговоров // *Законность*. 2001. № 10. С. 12-14.
19. Потапов С.А. Использование цифровых технологий в раскрытии и расследовании киберпреступлений // *Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминологии и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2025. С. 465-470. <https://elibrary.ru/xnjnvd>
20. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. 304 с. <https://elibrary.ru/ucxrvl>
21. Нургалеев Б.М., Лакбаев К.С., Кусаинова А.К. Проблемы правоприменительной практики негласных следственных действий в Казахстане // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10. № 3. С. 577-585. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.312>, <https://elibrary.ru/brxcxb>

References

1. Smushkin A.B. (2023). Digital transformation of the investigation process as an objective reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 14, no. 1, pp. 90-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.106>, <https://elibrary.ru/fvuork>
2. Beyatovich S. (2009). New tendencies in the modern science of the criminal procedure law and the criminal procedure legislation in Serbia. *Lex Russica (Русский закон) = Lex Russica*, vol. 68, no. 3, pp. 699-716. (In Russ.) <https://elibrary.ru/knwpln>
3. Shklyaruk M. (2017). *The trajectory of a criminal case in Germany: an exculpatory bias?* Saint Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems at the European University Publ., 45 p. (In Russ.)

4. Golovnenkov P.V. *Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Scientific and Practical Commentary*. Moscow, MGUA Publ., 2012. 404 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.25932/publishup-6039>
5. Golovko L.V. (1995). *Inquiry and Preliminary Investigation in the French Criminal Process*. Moscow, Firma «SPARK» Publ., 130 p. (In Russ.)
6. Trefilov A.A. (2015). *Organization of pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of Switzerland*. Moscow, Yurlitinform Publ., 336 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ugtach>
7. Butov V.N. (1999). *Criminal proceedings of the Republic of Austria: experience and problems of organization and activity*. Ekaterinburg, Ural State University of Economics Publ., 276 p. (In Russ.)
8. Peshkov M. (2004). Attorney's office and crime investigation in the USA. *Zakonnost' = Legality*, no. 5, pp. 52-56. (In Russ.)
9. Aleksandrov A.S., Kucheruk D.S. (2012). The results of operational-investigative means – the base of the verdict? Article 2. Russian regulations are outdated. *Rossiiskii sledovatel' = The Russian Investigator*, no. 6, pp. 35-40. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pezpel>
10. Elinskii V.I., Isakov V.M. (1998). *Formation and Development of Criminal Investigation in Russia (10th – Early 20th Centuries)*. Moscow, International Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 80 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uiixjv>
11. Potapov S.A. (2015). Problems and revelations of economic and taxing crimes. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, no. 4 (144), pp. 92-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/trjxj>
12. Vinberg A.I. (1959). *Criminology*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 511 p. (In Russ.)
13. Belkin R.S. (1977). *The course of Soviet criminology*. Moscow, Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., vol. 1, 340 p. (In Russ.)
14. Yakimov I.N. (1929). *Criminalistics: Criminal tactics*. Moscow, People's Committee of Internal Affairs of the RSFSR Publ., 312 p. (In Russ.)
15. Kuchin O.S. (2021). Theoretical and practical aspects of correlation between operational searching and forensic science (forensic assessment of the results of operational searching on the example of test purchases). *Ius Publicum et Privatum*, no. 2 (12), pp. 127-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-2-127-132>, <https://elibrary.ru/rbvexb>
16. Potapov S.A. (2022). The main aspects characterizing the crime disclosure concept. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 1, pp. 86-92. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-1-86-92>, <https://elibrary.ru/rmipia>
17. Sheifer S.A. (2002). Problems of the development of the investigative system in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, no. 3, pp. 90-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kjncbx>
18. Bykov V.M. (2001). Monitoring and recording of telephone and other conversations. *Zakonnost' = Legality*, no. 10, pp. 12-14. (In Russ.)
19. Potapov S.A. (2025). The use of digital technologies in the detection and investigation of cybercrimes. *Materialy 14 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa, kriminologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: teoriya i praktika» = Proceedings of the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Actual Problems of Criminal Law, Criminal Procedure, Criminology and Penal Enforcement Law: Theory and Practice”*. Tambov, “Derzhavinsky” Publishing House, pp. 465-470. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnjnvd>
20. Aleksandrov A.S. (ed.) (2015). *The doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it*. Moscow, Yurlitinform Publ., 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ucxrvl>
21. Nurgaliev B.M., Lakbaev K.S., Kusainova A.K. (2019). Problems of law enforcement practice of secret investigative actions in Kazakhstan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 10, no. 3, pp. 577-585. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.312>, <https://elibrary.ru/brxozu>

Информация об авторе

Потапов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: [3473-6372](https://orcid.org/0000-0002-4364-7694), РИНЦ AuthorID: [668816](https://orcid.org/0000-0002-4364-7694), [https://orcid.org/0000-0002-4364-7694](mailto:potapov.1995@yandex.ru), potapov.1995@yandex.ru

Information about the author

Sergey A. Potapov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Disciplines Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: [3473-6372](#), RSCI AuthorID: [668816](#), <https://orcid.org/0000-0002-4364-7694>, potapov.1995@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 11.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.05.2026

Принята к публикации / Accepted 25.08.2026

